

Макс Аллан Коллинз

THE
MUMMY

МУМИЯ

Головокружительные открытия и леденящие кровь погони, магические ритуалы и кровожадные поклонения культу мертвых, страстные чувства и захватывающие интриги, все, чем так богат и знаменит фильм "Мумия", теперь и в книге! Прикоснитесь к истинной истории Древнего Египта. И помните, только знание может спасти от мести богов, только сильный духом способен противостоять потревоженному духу мумии!

Часть первая

ПРОКЛЯТИЕ МУМИИ

Фивы, 1290 г. до н. э.

Глава 1 «Раскрашенная любовница»

Прямая, блистающая, как лезвие меча, река, которую впоследствии назовут Нилом, пересекала плодородную зеленую долину, раскинувшуюся посреди бескрайних унылых песков пустыни, известной ныне как Сахара. Любую лодку или барку, плывшую по гладкой поверхности реки, встречал рано или поздно блеск отражающих солнечных свет сотен храмовых шпилей, возносящихся в голубое безоблачное небо. Вскоре после этого река расширялась, образуя обширную гавань, берега которой украшали многочисленные разноцветные флаги. Они развевались на фоне пурпурных холмов, возвещая о приближении к городу, по праву считавшемуся драгоценнейшим камнем во владениях фараона.

Фивы — Город Живых — привольно распростерся на восточном берегу реки. Огромный густонаселенный мегаполис, бывший средоточием как несметных богатств, так и самой вопиющей бедности. В тени его колоссальных роскошных, сложенных из известняковых блоков дворцов приютились маленькие глинобитные и кирпичные домики. На расстоянии броска камня от узеньких кривых переулков, переполненных крысами и пьяницами, протянулись широкие прямые проспекты, без труда вмещающие пышные царские шествия и церемонии.

На противоположной — западной — стороне реки водная гладь дробилась на множество каналов, орошающих возделанные поля, разделенные оградами. Каждая из них несла в себе цвета и флаги храма, которому принадлежали посевы. За полями и храмами тянулась полоса пустыни, где обернутые белыми бинтами мертвые фиванцы покоились в глубине своих усыпальниц. Бытовало поверье, что в некоторые дни в часы заката мертвые восставали из погребальных камер.

Они стояли в синих сумерках, едва освещенные последними оранжевыми сполохами вечерней зари, и смотрели через реку на Город Живых.

Так же, как и в свое время фараон Сети управлял огромным людским муравейником, так ныне Верховный жрец зеленоглазого бога Осириса Имхотеп властвовал над бранными останками тех, кого ожидала жизнь после смерти. Меднолицый, огромного роста, мускулистый, с бритой головой, удивительно красивым, мужественным лицом и пронизательным взглядом, Имхотеп был одним из самых могущественных людей в Городе Живых — Хранителем Мертвых.

И теперь, в смерти, даже фараон, убитый своей коварной, неземной красоты любовницей Анк-су-намун, находился под властью Верховного жреца. При жизни фараон Сети считал Имхотепа верным слугой, бесценным советчиком и даже, насколько это возможно для властителя всех живущих, своим преданным другом. И так, неумолимое время и прямые обязанности заставляли Имхотепа отдать последний долг своему поверженному другу: проклясть тело женщины, предавшей мужчину из плоти и крови, носившего мантию и венец фараонов.

Под усыпанным звездами куполом небес, освещая дорогу факелами, изгибаясь змеей по песчаным дюнам, двигалась процессия рабов, воинов и жрецов. Обнаженные по пояс рабы-нубийцы несли на плечах обмотанное бинтами мумифицированное тело Анк-су-намун. Даже погребальные покровы не могли скрыть сладострастных плавных изгибов женской фигуры. Пятеро из процессии держали в руках украшенные драгоценными алебастровые сосуды, в которых находились извлеченные из тела любовницы фараона жизненно важные

органы. Следом двое без всякого почтения тащили простой деревянный саркофаг, лишенный каких бы то ни было украшений. Рабов сопровождали воины в белых шлемах, вооруженные копьями и щитами. Скорее всего воины были приставлены наблюдать за сохранностью драгоценных камней, нежели за никому не нужными останками проклятой женщины. Замыкали процессию жрецы Имхотепа в темных одеяниях и с абсолютно непроницаемыми лицами. Они были настолько невозмутимы, настолько тревожно и неуютно чувствовали себя воины охраны. Жрецы двигались плавно, словно скользили над землей. На руках они несли белых, как песок храмовых кошек, глаза которых раскаленными угольями сверкали в темноте. Животные принимали такие позы, будто были напрочь лишены костей.

Во главе шествия смерти, высоко подняв факел, выступал Имхотеп. Его темное удлинненное лицо хранило бесстрастное выражение, но глаза пылали огнем. На его обнаженной груди под черной с золотым шитьем мантией жемчужинами поблескивали капли пота. Верховный жрец вел процессию туда, где еще днем была приготовлена могила. Он сам выбрал это место. Помимо факела Имхотеп нес книгу из чистого золота в массивном медном переплете с застежками, который украшали иероглифы языка, называемого соотечественниками Верховного жреца Словами Бога.

По весу этот фолиант не уступал среднему человеку. Однако Имхотеп не прилагал никаких видимых усилий для этого, что свидетельствовало о его полном контроле над эмоциями и исключительной физической силе. Когда процессия достигла небольшого участка, со всех сторон окруженного невысокими дюнами, Верховный жрец едва заметно кивнул — это был сигнал сопровождающим. Рабы опустили свою ношу, но не в могилу, а несколько поодаль, расставив вокруг тела сосуды с внутренностями. Теперь Имхотепу предстояло перейти к ритуалу, которого он так страшился.

Вдруг непонятно откуда, как в страшном мираже, возникли отборные воины из личной охраны фараона, и окружили место погребения, заняв позиции на вершинах дюн. На коже воинов, называющихся меджаями, виднелась замысловатая татуировка, истинное значение которой было известно лишь последователям тайного культа, к которому с рождения принадлежали эти люди. Имхотеп предполагал, что верные «охранники» присутствуют здесь, чтобы наблюдать за тем, как будет выполнен обряд проклятия предательницы, которая убила их владыку.

Но еще, по мнению Имхотепа, меджаями могли двигать и другие побуждения. Не исключено, что они испытывали смутные подозрения в отношении его самого. Эти подозрения можно будет рассеять, если Имхотеп правильно и полностью прочитает страницы Книги Амон-Ра, проклиная Анк-су-намун как зло и отправляя ее в путешествие по подземному миру, где ее душа будет пожрана Аммитом, чудовищем мертвых.

Скорее Имхотеп пошлет туда самого себя.

Под одеянием жреца он, так же как и умерший фараон, был человеком из плоти и крови, и, так же как ушедший владыка, любил эту женщину. Он любил ее дух, ее острый ум и, конечно же, ее гибкое восхитительное тело. На всех окружающих Верховный жрец производил впечатление человека, высеченного из камня, как и статуи, украшавшие храмы. Примерно сорок ночей тому назад (ведь мумификация — процесс кропотливый и длительный) Имхотеп стоял на балконе дворца любовницы фараона, ощущая, как ласковые пальцы прилетевшего из-за реки ветерка ласкают его обнаженную грудь. Эти прикосновения словно служили предвестниками того, что должно было произойти в ближайшее время.

Предвестниками наслаждения, которое должна была подарить Имхотепу любовница

фараона.

В ту далекую ночь сопровождающие Имхотепа жрецы-стражники расположились вокруг и внутри дворца Анк-су-намун. Бритые головы и тела людей Верховного жреца украшали татуировки их собственного тайного культа. Жрецы Осириса с обветренными пустыней лицами и могучими, как у Имхотепа, телами были всецело преданны своему Верховному жрецу и относились к нему как к живому богу. Конечно, считалось, что фараон сам является живым богом на земле, но эти жрецы поклонялись только Осирису, а так как Имхотеп был верховным служителем культа, то вся преданность жрецов всецело принадлежала ему.

Никто не ожидал появления фараона в этот час. Считалось, что он занят государственными делами. Однако при столь опасной связи, в которую вступили Имхотеп и любовница фараона, никакие предосторожности нельзя было считать излишними.

В одном из внешних залов с высоким потолком среди многочисленных колонн скрывались едва отличимые от украшавших дворец статуй жрецы. Только их глаза двигались, провожая открывшую золотые двери и вступившую в зал Анк-су-намун. Не обращая на присутствующих внимания, она молча проследовала мимо них легкой грациозной походкой, словно плывя над мраморными плитами пола и раздвинула легкие занавеси своей спальни. Живая богиня с оливковой кожей ни жестом, ни взглядом не выдала, что относится к жрецам как к мужчинам. Но и те в свою очередь никак не реагировали на ее ослепительную красоту.

Однако жрецы отнюдь не были каменными изваяниями. а перед ними сейчас прошла самая прекрасная и обольстительная женщина Фив, прикрытая лишь своими длинными распущенными волосами, почти не скрывающими ее идеальных и нежных. словно персики, грудей. Женщина направлялась, пожалуй, на самое рискованное, которое только можно было представить, тайное свидание с человеком, которого жрецы называли своим повелителем.

Сам Имхотеп, вступив с балкона в спальню, не испытывал заметного волнения, словно не понимал, что любовница фараона предстала перед ним почти обнаженной. По этикету она должна была быть одета в глухое, украшенное золотом и медью, черное платье и ее роскошные формы должна была скрывать плотная накидка. Только этого не было.

В спальне глухо прозвучал сухой смешок Верховного жреца:

— Никто не вправе коснуться тебя, кроме фараона. Видимо, этот глупец думает, что стоит лишь издать закон, как он тут же вступит в силу.

Милое, по-кошачьи лукавое личико Анк-су-намун: осветила улыбка, и она указала на свое покрытое рисунком тело: лиф и юбка, стилизованные под крокодилию чешую, были нарисованы прямо на ее коже. За исключением золотых украшений на шее, запястьях, талии и лодыжках женщина была голой, словно виноградина.

— Это последнее из нанесенных мне оскорблений, любимый, — прошептала она. — Теперь я, словно вещь, без остатка принадлежу фараону, и каждый день на мою кожу выкладывается новый слой краски.

Двое влюбленных стояли друг напротив друга в золоченой спальне возле широкого ложа, застеленного шелковыми тканями.

— Но когда Сети умрет, — произнес Имхотеп, беря лицо женщины в ладони со всей осторожностью, чтобы не размазать узоры, доходящие почти до горла, — трон унаследует его сын и ты станешь свободной...

Он жадно впился губами в ее губы, и она с такой же страстью ответила на его поцелуй. Они оба знали, что после смерти фараона его любовнице отойдет этот дом, будет назначено приличное содержание и она получит все права гражданина. Конечно, влюбленным не удастся заключить брачный союз. Скорее всего, Верховный жрец не упустит возможности обзавестись такой любовницей, а Верховный жрец в Фивах мог позволить себе очень многое.

Он, конечно, уже стар, — произнесла Анк-су-намун, вытягивая руку, покрытую узорами. Чтобы погладить любимого по щеке, — но еще крепок и может прожить немало лет.

— Неужели?

Ее глаза сузились, и теперь напоминали блестящие черные драгоценные камни на овальной маске лица:

— Может быть, тебе стоит что-нибудь предпринять?

Ответом его послужила улыбка. Он снова поцеловал ее, и его ладони размазали узоры, нанесенные жирной краской на коже возлюбленной.

— Ради любви к тебе, — прошептал он, — я готов бросить вызов самой смерти.

— Самой смерти! — эхом отозвалась Анк-су-намун, ища губами его губы.

Они и представить не могли, что в то время как они ласкали друг друга и готовили заговор против Сети, фараон уже мчался через площадь ко дворцу своей любовницы. Он гнал колесницу с такой скоростью, что фаланга охранников едва поспевала за ним.

Любовники, раскинувшись на золоченом ложе предавались любви и разговорам об убийстве. Мускулистый, блестящий, от пота торс Имхотепа вздымался и опускался на соблазнительное изящное тело Анк-су-намун. их тени переплетались на стене, а стоны страсти смешивались со словами заговора. Они непременно сделают это — здесь же, завтра вечером, в этой самой комнате. Имхотеп сам исполнит задуманное и вонзит в грудь фараона хеттский кинжал, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, кто именно совершил убийство.

Ни их близость, ни коварный план еще не завершились, как огромные золоченые двери, охраняемые жрецами Имхотепа, внезапно распахнулись, едва не слетев с петель, словно под действием ужасной неведомой силы.

Без сопровождения обычного эскорта на охранников-медджаев, которых он оставил далеко позади в своем страстном порыве выяснить личность любовника своей наложницы, фараон ворвался в зал. В тот же момент жрецы Имхотепа, испуганные и изумленные, отпрянули в стороны.

Лицо Сети, казавшееся еще более удлинненным из-за высокого золотого венца фараона, изображавшего кобру в угрожающей позе, исказила злобная гримаса. Он нахмурился, его квадратная, выделявшаяся темным пятном на лине козлиная борода задрожала:

— Что вы здесь делаете? — хрипло спросил он склонившихся жрецов.

Не дожидаясь ответа, Сети прошел мимо них, и его обутые в сандалии ноги, ступавшие по мраморным плитам пола, словно издавали барабанный бой, эхом разносившийся по дворцу.

В немом бессильном ужасе жрецы провожали глазами грозную фигуру, облаченную в кожаную с золотыми бляхами боевую одежду. Мускулистые руки и ноги фараона оставались обнаженными, а на запястьях и рукояти меча радугой сверкали драгоценные камни. Полы плаща развевались за спиной Сети, подобно крыльям злого демона. Он стремительно приблизился к пологу, отделявшему зал от спального покоя.

Анк-су-намун в одиночестве стояла в изножье ложа, сложив руки за спиной и покорно склонив голову и искоса, с чувственной улыбкой, поглядывая на своего давнишнего любовника и владыку. Именно благодаря этой улыбке наложница и смогла завладеть и роскошным дворцом, и расположением фараона.

Какой неожиданный и приятный сюрприз, мой Господин, моя любовь, — пролепетала Анк-су-намун.

Узоры ни ее груди, руках, талии и бедрах, искусно нанесенные лучшим художниками, совершенно утратили четкость и гармонию линий, и кое-где на теле можно было разглядеть отпечатки ладоней.

— Значит, слухи оказались верными, — презрительно скривился фараон.

— Мой господин?

— Кто осмелился дотронуться до тебя? — возмутился фараон и тут же потребовал ответа: — Кто этот мужчина?!

Ответом на вопрос послужило появление Имхотепа, выступившего из глубокой тени балкона. Развернув фараона лицом к себе, Верховный жрец выхватил из его ножен меч.

Повернутый вокруг своей оси, Сети неожиданно липом к липу с собственным оружием, занесенным над его половой. Темные глаза правителя расширились от ужаса:

— Имхотеп? Мой жрец... — И глаза фараона презрительно сузились: — Мой друг...

Эти слова на какой-то миг словно парализовали Имхотепа, и он не смог сразу опустить смертоносное лезвие.

В этот момент за спиной фараона со сверкающими, словно у разъяренной кошки, глазами и раздутыми, как у вздыбленной лошади, ноздрями возникла Анк-су-намун. В руке она сжимала блестящий кинжал, который, без колебаний, вонзила в спину Сети.

Глаза фараона вновь расширились, на этот раз от неожиданности и боли. Смертельный вопль вылетел из уст божества, которое оставалось еще живым человеком. В этом крике смешались отчаяние, боль и невыносимые страдания.

Фараон опустился на колени, будто вознося молитву собственному жрецу, стоявшему над ним с его же собственным, занесенным для удара мечом. На мгновение лицо Сети исказилось мольбой о пощаде, но натолкнувшись не ледяной, словно лезвие, взгляд Имхотепа. приобрело выражение безразличия и даже покорности своей участи, уготованной ему Верховным жрецом.

Стоявшие в зале бритые наголо, покрытые татуировкой жрецы Имхотепа видели не положе, огораживающем ложе, искаженные тени своего вождя и его любовницы. поражающих упавшего фараона кинжалом и мечом. Как бы инстинктивно пытаясь скрыть творящиеся в покоях, жрецы захлопнули высокие двери и заперли их на многочисленные засовы. За пологом тени преступников продолжали кромсать тело уже мертвой жертвы, и кровь на занавесках напоминала грязь, летящую из-под колес повозки. Жрецы застыли, взирая на происходящее, словно участвовали в каком-то необыкновенном ритуале, сопровождавшемся немыслимым по жестокости жертвоприношением. Жрецы продолжали стоять в оцепенении, когда неожиданно на дверь снаружи обрушились невероятные по силе удары. Их звук показался жрецам самым страшным из того, что им когда-либо приходилось слышать.

Все присутствующие, включая Имхотепа и Анк-су-намун, вздрогнули и обернулись к дверям. С застывших на замахе клинков капала кровь.

— Они здесь, — прошептал Имхотеп.

— Медджаи, — в ужасе выдохнула Анк-су-намун.

Босоногим охранникам фараона удалось приблизиться к дверям в покои абсолютно бесшумно. Но теперь, будто отзываясь на предсмертные вопли своего владыки, медджаи изо всех сил ударили своими телами в дверь.

Охрана фараона! — крикнул один из жрецов, обращаясь к Имхотепу, двери трещали, едва сдерживая натиск человеческих тел, по крепости не уступавших тарану.

Глаза Имхотепа — Верховного жреца — и Анк-су-намун — царской наложницы — неожиданно встретились. Теперь их переполняло отчаяние, словно влюбленные только сейчас осознали, что они натворили. Не сговариваясь, они опустили глаза, будто впервые увидели венценосного владыку в луже крови у их ног.

Жрец Осириса приблизился к Имхотепу. С должным почтением, но не скрывая охватившего его страха, он произнес:

— Повелитель, они скоро будут здесь. Вам надо уходить.

— Нет...

На помощь слуге Осириса поспешили еще двое жрецов, и они совместными усилиями увлекли Имхотепа к балкону. Достаточно было прыгнуть вниз, чтобы оказаться в безопасности. Имхотеп, оскалив зубы, сдавленно зарычал, пытаясь избавиться от крепкой хватки своих слуг. Пока он, напрягая силы, боролся с ними, кто-то приблизился к нему сзади и выхватил на его руки окровавленный меч.

Анк-су-намун.

Высокая и стройная, она выглядела маленькой и изнеженной, держа перед собой огромный меч. Однако она оказалась удивительно сильной. Ей хватило одного движения руки, чтобы вытолкнуть Имхотепа и вцепившихся в него жрецов на балкон.

А в высокие двери покоев с грохотом усиливающейся бури ударили мускулистые плечи охранников.

— Ты должен уйти, любовь моя, — тихо, но твердо сказала Анк-су-намун. — Ты обязан спастись.

Глаза влюбленных снова встретились, и Имхотеп понял, что имела в виду его подруга. Верховный жрец уже готов был выкрикнуть решительное «нет», но Анк-су-намун заговорила первой:

— Только ты сможешь вернуть меня к жизни, — прошептала она, и в этот момент двери, не выдержав отчаянного натиска, с треском распахнулись, медджаи, сжимая мечи и копья, сверкая белками глаз и оскаленными зубами, ворвались в покои и бросились к любовникам.

Однако когда стража сорвали окровавленный полог, жрецы уже успели увлечь Имхотепа в темноту. Один из спасителей Верховного жреца зажал ладонью рот своему владыке, и они укрылись в непроницаемой тени. Все внимание стражи фараона было приковано к их командиру и к фигуре девушки с обнаженным мечом, стоявшей над окровавленным трупом Сети.

— Мое тело больше не послужит ему храмом! — с ненавистью оскалившись, прошипела Анк-су-намун.

Имхотеп падал беззвучный вопль, когда его возлюбленная повернула меч лезвием к себе и, крепко вцепившись в рукоять, вонзила его в свое сердце.

Теперь, когда по прошествии сорока дней и ночей мумифицирование тела Анк-су-намун было завершено, Имхотеп стоял под звездным небом, озаренный неверным багровым светом факелов. Его окружили рабы-нубийцы, солдаты и верные жрецы. А издали, с гребней дюн, за ним внимательно следили медджаи. Имхотеп медленно читал Книгу Амон-Ра. Над завернутым в бинты телом своей возлюбленной Верховный жрец произносил слова заклинаний и проклятий...

Страницы массивной, в металлическом переплете книги, лежавшей на ладонях Имхотепа, начали светиться, будто от них исходило солнечное сияние. Потом во мраке ночи словно блеснула ослепительная молния, и чернокожие рабы попадали лицами в песок и захныкали, как маленькие дети.

Омытый золотым свечением, словно священная книга в его руках пылала огнем. Имхотеп ровным раскатистым баритоном продолжал бесстрастно произносить ужасные заклинания.

Теперь к золотистым молниям присоединились порывы пронизывающего ветра, словно хлыстом стегавшего окруживших тело мумифицированной женщины людей, мужественные солдаты, видевшие много ужасных битв, в страхе жались друг к другу. Воины прикрывались щитами, их белоснежные юбки трепетали на ветру, но песок под их ногами оставался неподвижен. Ни одна песчинка не поднялась в воздух.

Имхотеп, на которого буйство неведомых сил не оказывало никакого влияния, продолжал читать заклинания. Верные ему жрецы, державшие храмовых кошек и склонившиеся в церемониальном поклоне, тоже не обращали внимания на происходящее вокруг.

Когда Имхотеп произносил последние строки, мумифицированное, обернутое бинтами тело начало содрогаться, словно в него возвращались жизнь. В сверкании золотых молний неистовый вихрь наконец добрался до тела женщины и начал поднимать его в воздух. Испуганные рабы и солдаты вместе с невозмутимыми жрецами следили глазами за тем, как тело женщины плавно покачивается над землей, словно в чьих-то невидимых объятиях. Ровный голос Имхотепа дочитывал последние слова.

Во всеобъемлющей вспышке золотого свети зародился порыв ветра такой силы, что мог бы вызвать песчаную бурю. Однако этого не произошло. Вихрь, срывая бинты, швырнул мумифицированные останки на землю. С телом что-то происходило. Лишенное покровов, оно принялось изменяться, приобретая самые невероятные формы. В нем не осталось и следа былой красоты великолепного женского тела.

Подобно плотному душному плащу, пустыню окутала тишина. Ветер стих. Никто из присутствующих не проронил ни слова. Служители Осириса окружили изувеченные останки и поместили их в деревянный саркофаг. Погребальные урны с внутренностями положили туда же и крышку закрыли. Нубийцы дотащили саркофаг вырытой заранее ямы, сбросили его вниз и принялись засыпать песком, сгребая его ладонями. Многие из медджаев, наблюдавших с вершин дюн за происходящим, развернулись и отправились восвояси, очевидно, вполне удовлетворенные местью за убитого фараона. Очень скоро Анк-су-намун окажется в подземном царстве, где демоны пожрут ее душу.

Когда песок полностью скрыл могилу, так, что не осталось ни единого следа, нубийцы вопросительно взглянули на Имхотепа, ожидая дальнейших распоряжений. Однако следующий приказ Верховного жреца относился уже не к ним...

Имхотеп подал знак воинам, и те вонзили свои копья в тела рабов, чьи крики удивления и боли огласили ночь. Уже через несколько секунд место захоронения было завалено трупами и песок вокруг пропитался кровью.

Теперь уже воины, оставшиеся безоружными, обратили взоры к Имхотепу, ожидая разрешения извлечь копья из тел. Но тот отдал такой же безмолвный приказ жрецам Осириса. К этому моменту храмовые кошки уже лежали на песке, безразлично поглядывая по сторонам. Жрецы накинулись на воинов и моментально перерезали их своими короткими кинжалами. В темноте, рассеиваемой лишь неверным светом факелов, кровь убитых зловещими черными пятнами расплывалась по песку.

Однако не все медджаи покинули место захоронения Анк-су-намун. Некоторые из них по-прежнему оставались на дюнах. Они чувствовали себя здесь в полной безопасности, потому что, как и жрецы, считались людьми неприкосновенными. Убить же сегодня следовало только простолюдинов, к которым принадлежали рабы и солдаты, ибо они не должны были знать место, где покоились останки коварной любовницы фараона.

Но теперь и эти последние медджаи, остававшиеся на своих постах лишь для того, чтобы проследить за церемониальным убийством рабов и солдат, потихоньку скрылись в темноте ночи. Жрецы Осириса поднялись на ноги и отошли от своих жертв. Со священных кинжалов рубиновыми каплями стекала свежая кровь. По чуть заметному кивку Имхотепа его верные слуги сами взошли на дюны, чтобы убедиться в том, что все медджаи скрылись за барханами пустыни.

И когда они доложили Имхотепу, что последний охранник фараона исчез за дальней дюной, Верховный жрец кивнул в последний раз.

Только после этого и сам Имхотеп, и его жрецы бросились к могиле Анк-су-намун и начали руками разрывать песок, да так поспешно, словно там, под землей, их ждало неописуемое, бесценное сокровище.

По крайней мере в этом был уверен Имхотеп.

Глава 2 «Город Мертвых»

Словно сговорившись, темнота ночи и звездное небо с кривым, как сабля, месяцем, подарили пустыне цвет голубоватой слоновой кости. Гребни барханов плавно изгибались, напоминая тела чувственных наложниц, раскрывших свои объятия навстречу любимым. Трудно было вообразить более мирный пейзаж. Более звенящую тишину, более совершенные формы... Однако покой песков вскоре был нарушен двигающимися повозками и копытами лошадей, влекущих их. Изредка воздух оглашало тихое ржание. На гладкой поверхности массивные колеса оставляли глубокие колеи.

Иногда тишину раскалывали звонкие щелчки кнутов, люди и кони напрягали все силы, борясь с вязким песком. Жрецы Осириса послушно следовали за своим верховным владыкой, готовые участвовать в самом отвратительном и страшном обряде.

Имхотеп, презрев законы природы, устремлялся обратно во времени, обратив против существующего порядка вещей и самих богов. Он, словно генерал армию, вел за собой отряд черных колесниц, управляемых обриту наголо и мускулистыми, послушными исполнителями его воли. Они слепо и безоговорочно верили своему вождю, готовые пойти за ним даже по ту сторону бытия. Что, собственно, они и делали в эту чудесную ночь, заключившую в свои объятия пустыню.

На первой из следующих за Имхотепом колесниц покоилась сморщенная мумия той, которая была красавицей Анк-су-намун. Проклятие, наложенное Верховным жрецом на свою возлюбленную, должно было быть не только снято, но и обращено вспять. На всей этой земле существовало лишь одно место и одна-единственная книга, с помощью которой можно было совершить этот запрещенный обряд.

Помимо Книги Амон-Ра, вытянувшей душу из тела Анк-су-намун, имелась и другая книга, одно упоминание о которой считалось кощунством. Только она могла вернуть духовную сущность умершей. Это — самая черная из книг, которую по канонам верований Имхотепа нельзя было даже открывать...

...Книга Мертвых...

...она единственная содержала заклинания, способные вернуть Имхотепу его возлюбленную живой и в прежней идеальной телесной оболочке.

Но совершить подобный акт значило бросить вызов богам, и это Имхотеп, верховный жрец бога подземного царства Осириса, осознавал как никто другой. Однако не сам ли Осирис восстал из мертвых, чтобы воссоединиться со своей любимой женой Исидой? Неужели Имхотеп, будучи верным жрецом воскрешенного бога, не может проделать то же самое для своей возлюбленной? И неважно, что может произойти. Ради возвращения Анк-су-намун Имхотеп готов был пожертвовать не только своей жизнью, но и душой.

Чтобы никакие черные чары не нанесли вреда этой земле, Книга Мертвых охранялись ужасным богом Анубисом в Хамунаптре — жутком месте, о котором лишь шепотом упоминалось как о Городе Мертвых. Но называли его городом не в том смысле, насколько это применимо к Фивам — Городу Живых. Хамунаптра являлась комплексом храмов бога Анубиса и, подобно многим другим городам царства, представляла собой не обычную структуру, а скорее просто нагромождение всевозможных строений, огороженных стенами. В центре этой массы каменных построек и располагалась гигантская статуя Анубиса, который, как предполагалось, вечно «жил» самом храме.

Из людей в Хамунаптре обитали только воины-жрецы Анубиса, а истинный Город Мертвых располагался под землей. Здесь, под дюнами, в каменных гробницах из обработанного камня, хранились останки самых достойных из когда-то живших на Земле людей.

Подземные каменные захоронения заменили громадные и чудовищные пирамиды первых фараонов. Город Мертвых представлял собой подземный лабиринт из многочисленных тоннелей, лестниц, коридоров, гробниц и простых с виду комнат, напичканных всевозможными хитроумными устройствами и ловушками, а также ложными дверьми и тупиками, которые должны были дезориентировать и запугать любителей старинных захоронений.

Небольшая группа колесниц добралась наконец до каменного пандуса, ведущего к массивным деревянным воротам храма. Вход охраняли воины-жрецы, щиты которых, формой напомиравшие череп, были символом Хамунаптры. Эти бдительные и бесстрашные солдаты Анубиса не удивились появлению здесь служителей культа, тем более что их возглавлял сам Имхотеп. В их задачу входило охрана Города Мертвых от воров и святотатцев, а не от Верховного жреца Осириса.

Имхотеп сделал вид, что хочет остаться с божеством наедине, и прошествовал в огромный украшенный многочисленными колоннами зал, через двери которого открывался вид на занесенный песком пустыни Город Мертвых. Опустившись на колени перед громадной, с головой шакала, статуей бога Анубиса, Верховный жрец Осириса словцо решил воззвать к божеству, а на самом деле разыскивал на ощупь скрытый потайной рычаг, который приводил в движение плиту в основании статуи.

Недовольно скрипнув, небольшая тяжелая каменная дверца распахнулась, открыв взору Имхотепа богато украшенный резной ларец. Откинув крышку, Верховный жрец извлек из ларца тяжелую, с медными петлями и застежками книгу. Своими рисунками и письменами она очень походила на другую — Книгу Амон-Ра. Но только этот зловещий фолиант был заключен не в сверкающую золотом оболочку, а в вырезанную из черного обсидиана.

Имхотеп склонился над аспидно-черной книгой, и в ее блестящей полированной поверхности отразилось его лицо. На какой-то короткий миг оно приняло вопросительное выражение, словно Верховный жрец спрашивает себя, что же именно он собирается сделать.

Потом Имхотеп вернул опустевший ларец в тайник под статуей Анубиса и, скрывая тяжелый том под черным плащом, чтобы не привлечь к себе внимания воинов-жрецов Хамунаптры, быстрым шагом отправился собирать своих сподвижников на церемонию.

Проникнув в катакомбы под Городом Мертвых, Имхотеп, с Книгой Мертвых перед собой, словно с жертвоприношением, повел за собой своих жрецов, освещавших факелами бесконечные тоннели и переходы. Двое жрецов несли на плечах мумию Анк-су-намун. Потревоженные шарканьем сандалий и порождаемым под сводами огромной пещеры эхом, во все стороны разбежались огромные, размером с небольшую собаку, черные крысы. Процессия спускалась по лестнице, вырубленной в скале. Гигантская пещера представляла собой зал со множеством арок и колонн, по поверхности которых метался тревожный оранжевый свет факелов. На границе света и тени еле просматривались края бассейна, в котором булькала тяжелая отвратительная жижа. Она напоминала деготь, хотя на самом деле была разложившейся плотью давно умерших людей и тем, что когда-то было водой. Из этой жижи, словно из омерзительного бульона, то и дело, словно луковицы, всплывали и снова погружались в глубину осклизлые черепа.

Посередине помещения возвышалось некое подобие алтаря, кое-где украшенное изображениями скарабеев, голов кобр и бараньих рогов. Именно на его гладкую полированную поверхность пришедшие с Имхотепом жрецы и положили мумифицированные останки его возлюбленной.

Последователи Верховного жреца встали вокруг алтаря и, прикрыв глаза, раскачиваясь всем телом, затянули монотонные песнопения. Низкие ноты, рождающиеся в горнах поющих, наполнили зал вязким вибрирующим гулом. Пятеро особо приближенных по очереди протягивали Имхотепу драгоценные сосуды с внутренностями умершей, которые тот в установленном обрядом порядке разметил вокруг тела. Если бы со дня смерти наложницы фараона прошло больше сорока дней, то ее внутренние органы утратили бы необходимую свежесть и тогда для выполнения ужасного ритуала потребовалось бы прибегнуть к человеческому жертвоприношению. Это позволило бы заполучить необходимые жизненные органы.

Имхотеп раскрыл обсидиановые страницы огромной книги и приступил к чтению. При первых же звуках его голоса мумифицированные останки вздрогнули, а потом тело затрепетало на поверхности алтаря. Постепенно к нему стали возвращаться прекрасные формы Анк-су-намун, такой, какой она была при жизни. С расширившимися глазами, оскалив зубы в подобии улыбки, Имхотеп принялся снимать с тела бинты, с удовольствием ощущая под пальцами ожившую трепещущую плоть.

Начальная стадия его магического воздействия проходила вполне успешно. Но то, что Имхотепу предстояло совершить дальше... Его прежние заклинания были не серьезнее детских стихов перед тем, что он должен был произнести.

Имхотеп вновь обратился к Книге Мертвых, читая запретные строки, а жрецы еще плотнее окружили его и тело прекрасной женщины, не прерывая своего заунывного пения. Отвратительная жидкость в бассейне заволновалась, порождая лопающиеся на поверхности пузыри, словно бы закипая. На какое-то мгновение трансформации чудовищной жидкости поколебали невозмутимую отрешенность жрецов, вселив в их сердца трепет и ужас. Лица их побледнели, но, закрыв глаза, они продолжали тянуть монотонную мелодию. Они не замолкали даже тогда, когда мерзкая жидкость по-настоящему закипела в углах бассейна, то и дело выплескиваясь на облицованные камнем края.

Словно живое существо, жидкость из каждого покрытого мраком угла выбросила черные щупальца, а потом неспешными потоками потянулась из бассейна, сливаясь в единый ручей, прямо к алтарю. Горячая, почти обжигающая субстанция окружила жрецов, стараясь пробраться мимо их обутых в сандалии ног. Потом она начала вздыматься и, издавая отвратительную вонь, даже касаться тел замерших жрецов. Черное нечто тянулось к алтарю и уже облепило статуи с головами быков, служивших основанием алтаря.

Имхотеп, погруженный в чтение заклинаний, казалось, не замечал блестящей черной жидкости, скапливающейся возле его ног. Один из жрецов, самый молодой, бросил взгляд вниз, к своим стопам, и всмотрелся в сверкающее отражение: оттуда, из глубины адского зеркала, на него взглянуло его собственное, но уже мумифицированное мертвое лицо.

Крик животного ужаса вырвался из молодого жреца, перешел в кошмарный отчаянный вопль и эхом разнесся под сводами пещеры. Юноша бросился прочь из магического круга, расплескивая черную жидкость, тонким слоем затянувшую плиты пола. Беглец старался достигнуть лестницы, но поскользнулся и упал. В тот же миг черная жижа обволокла его и, залившись в рот, заглушила последний вопль. Поток жидкости увлек тело к бассейну,

превратив несчастного в кошмарнее варево.

Увлеченный произнесением магических заклинаний, Имхотеп вряд ли даже обратил внимание на происшедшее. Он внимательно следил за черной жидкостью, плавно взбиравшейся по стенкам сосудов с внутренностями. Через короткое время потоки жижи начали постепенно втекать внутрь драгоценных емкостей...

Ставшие черными, сосуды завибрировали и зашатались, а из одного даже послышалось ритмичное биение ожившего человеческого сердца.

Сердце Анк-су-намун забило снова!

Белки вытаращенных глаз Имхотепа покраснели, зубы по-звериному оскалились, когда он наблюдал, как черные вязкие щупальца заструились по резным барельефам скарабеев и кобр, разлились по обсидиановой поверхности алтаря и устремились к неподвижному телу, книга Мертвых сама потянулась вверх из рук Верховного жреца и повисла над Анк-су-намун. Тайственная жидкость тем временем покрыла уже всю фигуру бывшей наложницы, обволакивая сладострастные изгибы ее тела, превращая его в подобие черной блестящей статуи...

В завершение чудесного превращения жидкость, подобная ожившей ртути, начала словно бы всасываться во все отверстия и поры мертвого тела. Казалось, что плоть сама стремится поглотить покрывавшую ее жидкость, и вскоре залитый ею поп совершенно очистился. Черная жижа исчезла без следа.

Прекрасное обнаженное тело, распростертое на алтаре, впитавшее в себя невероятное количество таинственной субстанции, лежало спокойно и неподвижно, как и полагается мертвецу. Затем оно задрожало.

Имхотеп внимательно наблюдал за процессом.

Тело содрогалось и завязалось в конвульсиях, что говорило о том, что заклинания подействовали.

— Вернись ко мне, Анк-су-намун, — прошептал Имхотеп, и эти слова уже не являлись частью заклинания. — Вернись ко мне...

Так неожиданно, что жрецы внезапно прервали свое пение и даже сам Имхотеп вздрогнул, глаза Анк-су-намун широко раскрылись.

Она ожила.

Верховный жрец осторожно погладил возлюбленную по щеке, и их глаза встретились. Она молчала. Говорить она еще не могла. Душа Анк-су-намун возвратилась из Царства Мертвых, но для полного ее физического воскрешения извлеченные из тела органы должны были вернуться на свои места. Для этого требовалось сделать последний, самый ужасный шаг.

— Ты не почувствуешь боли, — нежно произнес Имхотеп.

Хотя неподвижное лицо его возлюбленной ничего не выражало, глаза, казалось, говорили: «Делай то, что должен сделать, любовь моя. Делай все то, что ты должен сделать...»

Имхотеп, положив Книгу Мертвых на ладонь одной руки, другой принялся совершать пассы, вызвав даже у жрецов изумление его силой. Сосредоточив все свое внимание на том, что он должен был совершить сейчас. Имхотеп извлек из-под черного плаща ритуальный кинжал. Его темное лезвие, широкое у рукояти и сужающееся к концу, было настолько острым, что одно легкое прикосновение к нему грозило парезом.

Выражение лица Имхотепа, на котором отражались обуревавшие Верховного жреца

эмоции и, вызвало оторопь у его приспешников. Высоко подняв кинжал, напоминающий змеиный зуб, и стиснув его рукоять так, что побелели пальцы. Имхотеп бросил взгляд на свою возлюбленную. В ее широко распахнутых глазах он прочел немое согласие женщины на то, чтобы погрузить сверкающее лезвие в ее восстановленную нежную плоть.

После того как органы Анк-су-намун будут помещены в ее тело, оно полностью вернет себе свое физическое совершенство. Не останется ни шрамов, ни следов от кинжала Имхотепа и от того лезвия, которым сорок дней назад она оборвала свою жизнь. Кипящая внутри ее тела черная жижа окажет свое магическое воздействие и завершит полное исцеление Анк-су-намун.

Под возобновившееся монотонное пение жрецов сердце Анк-су-намун, помещенное в сосуд, билось все сильнее и ритмичней, словно предчувствуя, что уже недалек тот миг, когда оно окажется на своем месте в прекрасной груди женщины. Своей пульсацией оно словно задавало ритм заунывному пению. Глаза Имхотепа вновь обратились к книге, лежащей на левой ладони. Он держал кинжал, готовый пронзить грудь женщины, а голос Верховного жреца, произносящего последние строки заклинания, срывался почти на крик, заглушающий и пение жрецов, и удары ожившего сердца...

И тут, неожиданно, заполняя шумом своего вторжения все обширное пространство пещерного храма, явились они. Преодолевая по несколько ступеней за раз, скатываясь по ним, издавая громкие воинственные вопли, ворвавшаяся толпа яростных татуированных воинов окружила место проведения ужасною ритуала.

То были медджаи!

Словно полчище саранчи, они заполнили все вокруг. И прежде чем рука Имхотепа с зажатым в ней кинжалом опустилась, он был схвачен сразу несколькими мускулистыми руками. Стальные пальцы сжали его запястья, вырывая книгу и не давая опустить кинжал. Имхотеп издал ужасный вопль, когда предводитель медджаев, ногой в тяжелой сандалиии, с хрустом, словно панцирь жука, раздавил драгоценный сосуд с бившимся внутри сердцем Анк-су-намун. Крик отчаяния Верховного жреца заметался под мрачными сводами. Эхо постепенно затихло.

Сердце Анк-су-намун замолчало навсегда.

Когда живые ткани сердца, словно мякоть перезрелого плода, брызнули из-под сандалиии медджая, произошло нечто настолько быстрое и невероятное, что впоследствии те, кто остался в живых после нападения на тайный храм, не могли с уверенностью сказать, случилось ли все это на самом деле или привиделось в темноте, озаренной неверным светом факелов.

Из всех отверстий и пор тела Анк-су-намун начала изливаться густая черная жижа. Собираясь на полу небольшими лужицами, она устремлялась, избегая прикосновений к присутствующим, в сторону, образуя небольшое озерцо. Затем таинственная жидкость, подобно животному, обладающему целью и волей, метнулась к бассейну с кипящей отвратительной субстанцией, откуда недавно появилась и влилась и чудовищное варево из человеческих останков.

С выражением мучительной боли Имхотеп, удерживаемый медджаями, взглянул в лицо своей возлюбленной. Какое-то время ее глаза смотрели на него, а потом их веки медленно сомкнулись.

Верховный жрец Осириса вновь издал душераздирающий крик, зловещим эхом отозвавшийся под сводами огромной пещеры. Имхотеп опять потерял любимую! И на этот

раз, возможно, безвозвратно.

Теперь медджаи, должны были воздать за содеянное нынешней ночью.

— Ты проклял сам себя, Имхотеп, — объявил предводитель стражей фараона. В его глазах соседствовали глубокая печаль и еле сдерживаемая ярость. — Но ты навлек проклятие и на своих верных жрецов. Прежде чем тебя постигнет заслуженная кара, ты станешь свидетелем того, что произойдет с ними. Тебе придется унести вину за их мучения с собой, чтобы и в подземном царстве тебя смогли осудить по достоинству.

В другом зале храма, предназначенном для погребальных церемоний, жрецы-бальзамировщики в масках, изображавших голову бога Анубиса, занялись последователями Имхотепа. Ему пришлось увидеть, как в мерцающем пламени факелов и светильников его верные жрецы были мумифицированы заживо.

Бальзамировщики, орудуя крючьями, иглами, щипцами и ножами, сохраняли абсолютное спокойствие, словно имели дело не с вопящими и извивающимися в муках живыми человеческими телами, а с мертвой плотью усопших. Самой ужасной была операция, когда голову бальзамируемых для неподвижности зажимали между двумя деревянными брусками. Но несчастные уже не кричали, так как их языки были вырезаны, а рты зашиты. Теперь бальзамировщики раскаленными докрасна крючьями, вводимыми в нос, крошили на мелкие кусочки мозг внутри черепов и постепенно извлекали: его через ноздри.

В каждом случае смерти предшествовало безумие.

Имхотеп пытался отвернуться или зажмурить глаза, чтобы не видеть происходящего, но служители, чьи лица скрывали маски шакалов, удерживали его голову и, если было необходимо, насильно оттягивали ему веки.

Этот кошмар продолжался несколько часов. Теперь у ног Имхотепа лежали тела двадцати одного преданного ему жреца. Некоторые из них слабо подергивались, напоминая выбирающихся из кокона насекомых. Скорее всего, это были лишь рефлекторные конвульсивные движения: ведь эти люди были лишены всех органов и мозга. Или все же они каким-то непостижимым образом еще могли испытывать боль? Но какие бы невыносимые страдания ни были причинены жрецам, Имхотепа ожидала совсем невообразимая участь. Хотя ему трудно было представить горшие страдания, чем созерцание мук своих сподвижников.

Однако его мнение изменилось, когда бальзамировщики, силой раскрыв Имхотепу рот, вырезали ему язык.

Обезумев от боли, он понял, что кричать можно и без языка. Затуманенным взором он видел, как из темных щелей к брошенному на пол языку устремились крысы и в мгновение ока растерзали его в клочья.

Лежащему Имхотепу приподняли голову, чтобы он не захлебнулся кровью, и предводитель медджаев обратился к нему:

— Ты удостоиться особой чести, Имхотеп. Ты станешь первым, над кем будет совершен обряд проклятия хом-дай.

Это было самым древним и страшным проклятием, которого до сих пор не заслуживал ни один из когда-либо ходивших по земле преступников. Вот уж действительно редкая честь.

Как и его жрецов. Имхотепа обмотали бинтами, но оставили отверстия для глаз, ноздрей и рта. Бинты были липкими — их пропитали отвратительным составом, который бальзамировщики зачерпывали из котла, наполненного варевом, кипевшим в бассейне.

Слабо извивающегося Имхотепа, лежащего на полу пещеры, продолжали поливать мерзкой жижой, чтобы бинты хорошенько пропитались ей.

Затем шакалоголовые бальзамировщики подняли тело Верховного жреца, словно неодушевленный предмет, каким он почти что стал, бросили в деревянный ящик, который затем установили в гранитный саркофаг. Отупевший от боли, едва не теряя сознания, Имхотеп уставился в каменный потолок пещеры, ожидая, когда крышку задвинут и пришедшая вместе с темнотой смерть оборвет его страдания.

Но ему пришлось испытать еще кое-что.

Перед саркофагом появился бальзамировщик в маске, держащий в одной руке глиняный кувшин. Видимо, подумал Имхотеп, его решили подвергнуть еще одному унижению. Возможно, заполнить той же вонючей жидкостью все внутреннее пространство саркофага?

Жрец в маске опрокинул кувшин на живую мумию, но из горла сосуда полилась не черная жижа.

Жуки.

Бесконечным потоком из кувшина хлынули навозники-скарабеи, распространявшие тяжелый гнилостный запах. Они обволокли забинтованное тело Имхотепа живым шевелящимся покровом. Некоторые из насекомых пытались забраться под бинты, часть покрыли лицо Верховного жреца уродливой движущейся маской. Другие проникли в рот, лишенный языка, а самые проворные атаковали ноздри.

Имхотеп, наверное, рассмеялся бы, если жуки не ползали бы сейчас вверх и вниз по его горлу. Он сокрушал зубами их отвратительные панцири, а насекомые в свою очередь пожирали его изнутри. Проклятие, обрушившееся на Имхотепа, обрекало его теперь на вечную загробную жизнь. Жуков ждала та же участь. Отныне они стали неразлучны, соединенные вечностью.

Только теперь крышку ящика закрыли. Погруженный в темноту, Имхотеп уже не мог видеть, как из мрака выступил предводитель медджаев и запер ящик восемью хитроумными замками, используя для этого специальный ключ. Потом приблизились жрецы и надвинули тяжелую крышку саркофага, сделав каменную гробницу непроницаемой для воздуха. И снова предводитель медджаев воспользовался восьмиконечным ключом, запирая саркофаг.

— Здесь ты останешься навсегда, — негромко произнес медджай, но Имхотеп все равно услышал эти слова, гулко прозвучавшие в его новом крошечном мире. — Заключенный внутри, ты обречен мучиться вечно.

Когда ритуал закончился, предводитель медджаев сложил восемь треугольных выступов ключа вместе, превратив его в подобие золотой восьмиугольной шкатулки с секретом.

Собрав вокруг себя воинов, главный ни медджаев обратился к ним:

— Теперь мы должны принять все меры предосторожности, чтобы Тот, Чье Имя Не Называется, никогда не покинул места своего заточения. Иначе он превратится в ходячее воплощение несчастий всего человечества, настоящего пожирателя плоти, обладающего силой веков, властью над песками и славой непобедимого.

Подчиненные молча склонили головы. Заживо погребенному вместе со скарабеями Имхотепу, как и собравшимся рядом с саркофагом медджаям, было известно, что именно такова была цена наложенного проклятья хом-дай. Самого ужасного из всех. Вот почему никогда ранее, независимо от того, что бы ни совершил преступник, оно не применялось.

На веревках тяжелый саркофаг погрузили в бассейн с кипящей и булькающей черной

жижей. Таинственная жидкость залила саркофаг, расползаясь по его поверхности, а потом вдруг начала всасываться в поры камня, как раньше это происходило с мумией

Анк-су-намун. Через какое-то время саркофаг впитал в себя нею жидкость без остатка, осушив бассейн до последней капли, а вскоре и на его стенках невозможно было заметить ни малейшего следа черной слизи.

С помощью тех же веревок бальзамировщики извлекли саркофаг из сухого бассейна и, прилагая все силы, потащили его к выбранному месту захоронения.

Заключенный в свой холодный непроницаемый ад, терзаемый ползающими по нему и внутри него скарабеями, Имхотеп знал и потайные лазейка в страшном проклятии хом-дай. Если каким-то чудом ему и его возлюбленной Анк-су-намун случится восстать из мертвых, они станут самыми могущественными владыками этого мира. Вместе они будут непобедимы и смогут навлечь на землю все напасти, ужасы и бедствия. Тогда прервется людской род и погибнет все живое... кроме Имхотепа и Анк-су-намун.

Возможно, как и многие его жрецы, Имхотеп в конце концов сошел с ума, не выдержав выпавших на его долю страданий. Тем не менее невнятные крики живой мумии, заключенной в саркофаг и теперь засыпаемой массами песка, казалось, несли и себе угрозу страшного мщения перемешанную с холодной уверенностью неизбежного триумфа.

Медджаи и жрецы погребли Имхотепа под статуей бога Анубиса, предварительно вернув в тайник на свое законное место страшную Книгу Мертвых. Отныне шакалоголовый бог смерти мог взирать со своего постамента на Того, Чье Имя Не Называется. Многие сотни лет каменный бог Анубис и сменившие друг друга поколения медджаев стояли на страже места захоронения Имхотепа, пока пески времени и беспощадная Сахара не превратили Хамунаптру в груды развалин. Изуродованная временем и непогодой голова Анубиса едва возвышалась над скрывшими статую барханами.

И все же, пока появлялись и исчезали цивилизации, возникали и рушились царства, в своей мрачной темнице, окруженный шевелящимися скарабеями...

Имхотеп ждал своего часа!

Часть вторая

ВОЗВРАЩЕНИЕ МУМИЙ

Сахара, 1925 год

Глава 3 «Легион пропащих»

Усилия яростной песчаной бури обнажили среди барханов развалины Хамунаптры, словно то были выбеленные солнцем кости заблудившегося в бесплодной пустыне путника, погибшего от жажды. Когда-то гордые, в ныне полуобвалившиеся пилоны древних храмов все еще хранили на своей поверхности резные изображения богов и царей. Некоторые колонны и остатки некогда величественных стен кое-где еще сохраняли вертикальное положение, в то время как другие были безжалостно повержены временем. Искусно вырезанные древними мастерами фигуры богов с головами львов и козерогов местами пообломались и были выветрены свирепыми бурями Сахары. Посреди обнажившегося из-под песка места поклонения одиноко возвышалась статуя шакалового бога Анубиса. Она вынырнула из безбрежных волн пустыни и казалась осиротевшей без своих когда-то многочисленных почитателей. Давным-давно величественные руины являлись основой жизни древнего могущественного народа, чьи религиозные воззрения сейчас могли бы показаться странными и даже варварскими.

Но даже теперь, когда телефонный провод соединил пирамиды Гизы с Каиром и богатые туристы могли поиграть в теннис на лужайке корта возле отеля, построенного буквально у подножья усыпальницы самого Хеопса, окружающий мир не скрывал присущего ему древнего духа варварства. И так же, как много веков назад, в то золотое и обогрелое кровью время, поили измученного страданиями Имхотепа оглашали тишину Хамунаптры. Сейчас безмолвие песков нарушали пронзительные крики воинов-туарегов.

Словно играющие в песок детишки, среди руин и барханов перебежали, стараясь занять более выгодные позиции, солдаты маршевого батальона французского Иностранного Легиона численностью в двести человек. Впрочем, слово «численность» звучало весьма условно, так как реальное соотношение с силами диких пленен представлялось как один к десяти. Используя веками отработанную тактику, свирепые воины пустыни преследовали идущих к фортам или временным базам легионеров, соблюдая некоторую дистанцию. Дождавшись, когда солдаты, изнуренные длинными переходами под палящими лучами солнца, уставали и теряли должную бдительность, туареги внезапно нападали. Они возникали из глубины пустыни, подобно миражу, размахивая саблями, паля из винтовок, и их длинные одежды, словно знамена, развевались над песками, когда туареги бешеным галопом неслись на врага.

Легионеры же двигались крайне неуклюже, в своем обтягивающем пехотном обмундировании, отягощенные вещевыми мешками с запасами продовольствия, боеприпасов и сменной амуницией. Из всего этого огромного количества вещей ценность здесь, среди песков, представляли разве что крепкие кожаные сапоги. Вуали, защищавшие головы солдат от солнца, крепились к круглым, с козырьками, кепи, и когда легионеры бежали, эти куски ткани предательски напоминали белые флаги капитуляции.

Вот в такие-то моменты Ричард О'Коннелл, уроженец города Чикаго, штат Иллинойс, и задавался вопросом о правильности выбранной им карьеры.

Обладавший внешностью лихого школяра, О'Коннелл, или Рик, как называли его друзья, или капрал, как обращались к нему рядовые, отличался стройной фигурой, лучистыми голубыми глазами и непослушной копной каштановых волос, носил форменную фуражку, легкомысленно заломленную набекрень.

Единственный из окружавших его солдат — разного отребья, набранного со всего западного мира, — Рик выглядел превосходно. В своем хорошо подогнанном снаряжении, подчеркивающим его ладно скроенное тело, с портупелями, отягощенными двумя револьверами, он мог послужить идеальным образцом воина для плаката. Такие, как правило, украшали вербовочные пункты Легиона.

Впрочем, в настоящий момент О'Коннелл больше подумывал о дезертирстве, и его останавливал лишь могучий инстинкт самосохранения.

Рик стоял на развалинах того, что когда-то являлось верхней защитной стеной Хамунаптры — Города Мертвых. Он прислушивался к приглушенному песком топоту копыт и леденящим душу воинственным выкрикам диких всадников.

Сначала Рик пользовался биноклем, но сейчас отбросил его за ненадобностью.

— Знавал я и лучшие деньки, — ни к кому конкретно не обращаясь, пробормотал он, вскидывая винтовку. О'Коннелл, как и его солдаты, был вооружен устаревшей моделью «Лебо».

Возможно, их ожидает вполне заслуженный конец. В пески их призвала не честь, а жадность. К их полковнику попала карта, указывающая путь к легендарной Хамунаптре, и весь гарнизон охватила жажда обладания древними сокровищами. А чего еще ожидать от сборища воров, убийц, беспринципных наемников и авантюристов?

Нынче же, во время атаки туарегов, развалины, скрывающие несметные сокровища, послужат им лишь временным убежищем.

— Есть кое-какие тактические соображения, капрал, — раздался позади Рика противный, словно у Хорька, писклявый голосок.

Обернувшись, О'Коннелл увидел рядовую второго класса Бени Габора. Он был родом из Будапешта, и одним своим видом доказывал, что дерьма хватает не только в Италии, Англия, Норвегии, России и Испании. Узкоплечий, с впалой грудью и глубоко посаженными глазками на вытянутом, с тонкой полоской усиков лице, этот изобретательный мерзавец более всех в Легионе сблизился с Риком. Скорее всего, потому, что среди этой кучи человеческих отбросов выбирать было не из чего.

— Единственная тактика, — ответил ему О'Коннелл, оглядывая усеявших горизонт арабских всадников, — это стрелять, пока они держатся кучей.

— Согласен, есть и такой вариант, — кивнул Бени. — Но я предпочел бы сдаться.

— Отдавай свой патронташ.

Бени, выпутываясь из ремней и передавая снаряжение капралу, добавил:

— Можно и просто убежать. А есть и другие возможности. Держу пари, что развалины вокруг изрыты подземными ходами. Чем мы, собственно, обязаны Легиону? Благодарностью за черствые бисквиты и жестокость?

— Возможно, ты и прав, — рассеянно ответил Рик, надевая патронташ Бени поверх своего собственного.

Пытаясь перекрыть нарастающий шум от криков туарегов и топота их коней. О'Коннелл рявкнул:

— Револьвер тоже отдавай. Как я понимаю, пользоваться им ты не собираешься.

— Бери. — Бени безоговорочно протянул Рику оружие, как привязанный, последовал за капралом вдоль стены. — Ты знаешь, как давно не поступали на войне? С этими тупыми дикарями вполне может пройти. Прикинемся мертвыми.

О'Коннелл тяжело вздохнул и на ходу откинул барабан револьвера, проверяя, есть ли в

нем патроны:

— Эти, как ты выразился, «тупые дикари» поставили нас в безвыходное положение. А впрочем, можешь попробовать все свои приемы. Уверен, что закончится это печально. Тебя сначала хорошенько помучат, а потом посадят на кол. Ты сдохнешь здесь от солнечного удара.

— Но это было всего лишь предложение...

— Черт возьми, и как тебя вообще занесло в Легион?

Такие вопросы, по этике, принятой среди наемников, задавать не полагалось. Большинство легионеров следовало лозунгу «Наша Родина — Легион!», так как в своих странах их разыскивала полиция. Правда, сейчас, когда приближающиеся туареги готовились всех их прикончить, такая оговорка была простительна.

Бени пожал плечами:

— Меня разыскивают по всей Венгрии за ограбление синагоги. Синагоги — это моя слабость, а иврит, кстати, один из моих семи языков.

— Грабить церкви... — покачал головой О'Коннелл, засовывая револьвер Бени за пояс. — Да ты еще хуже, чем я предполагал.

— Святые места обеспечивают самую богатую поживу, — певучим тоном школьного учителя поведал Бени. — Храмы, мечети, соборы... Да и кто их охраняет?

— Практически никто.

Вот именно! А как насчет тебя, Рик? — Бени продолжал идти за капралом, чтобы с высоты стены обозреть позиции, занятые легионерами. За линией вставших на колени и изготовившихся к стрельбе солдат расхаживал полковник Гуизо, очевидно, обдумывая план сражения. — Что же ты натворил такого, чтобы записаться в Легион пропащих?

О'Коннелл повернулся, чтобы ответить, но маленький мадьяр оказался настолько близко к нему, что они столкнулись носами. В попытке удержаться на ногах Бени судорожно вцепился в мундир Рика. Однако это привело лишь к тому, что они оба свалились с развалин стены вниз, взметнув облако песка.

— Итак, — продолжал как ни в чем не бывало Бени, поднимаясь на ноги и отряхиваясь, — что же ты натворил? Неужели пришел кого-нибудь?

— Пока еще нет, — сузив глаза, ответил О'Коннелл, проверяя, в порядке ли его оружие.

— В чем же тогда дело? Грабеж? Вымогательство? А, кажется, я понял! Слышал о последнем американском достижении, Киднэппинг?

— Да заткнись ты наконец! — Рик шел по песчаной дюне с обратной стороны стены, пока не добрался до разрушенных ворот. Здесь он остановился возле обвалившихся пилонов арки, через которую когда-то въезжала колесница Верховного жреца Осириса.

Бени нахмурился:

— Я же рассказал тебе свою чертову историю. Теперь твоя очередь!

Атакующие всадники находились уже в полумиле от позиций легионеров, и производимый туарегами шум постепенно нарастал, грозя превратиться в оглушительный. Если бы не сложившиеся обстоятельства, как отметил про себя О'Коннелл, его голос прозвучал бы сейчас мягко и мелодично:

— Была весна. Париж. Мне так хотелось произвести должное впечатление на одну молодую очаровательную леди... И еще моя душа жаждала приключений.

То, что он жаждал приключений напившись как свинья, О'Коннелл решил опустить.

— Думаю, теперь приключения не за горами. — Бени указал в сторону позиций, где

полковник Гуизо по всем признакам впал в панику.

Со странным безразличием и отрешенностью О'Коннелл и Бени увидели, как их командир бросился наутек.

Поздравляю с повышением в чине, — расплылся в издевательской улыбке мадьяр.

Теперь четкая линия горизонта превратилась в туманную мглу, в которой скакали, размахивая кривыми саблями и вопя, сотни всадников. Многие из них были вооружены винтовками, добытыми у погибших ранее легионеров.

— Проклятье! — пробормотал себе под нос О'Коннелл, Затем, придав своему голосу, насколько возможно, командные интонации, он закричал: — Берегитесь, ребята! Не стреляйте, пока не будете различать белки их глаз!

— Не могу поверить, что это сказал ты! — буркнул Бени, стоявший позади капрала.

Копыта взметали песок. Крики прорезали воздух. Туареги тоже понимали, что входят в зону поражения. Они вскидывали на скаку винтовки и прицеливались...

— Так ты со мной, парень, да? — О'Коннелл посмотрел на стоящего за ним Бени.

— Твоя сила передается и мне, — ответил Бени, сжимая винтовку обеими руками.

Воинственные вопли туарегов превратились в какое-то птичье улюлюканье.

— Вот и все, братишка, — промолвил Бени и пустился прочь так, что его ноги, казалось, едва касались песка.

О'Коннелл позволил себе сухо улыбнуться, вздохнул, наскоро помолился про себя и крикнул солдатам:

— Берегитесь. ребята! Берегитесь!

Рик держал винтовку, но пока не прицеливался. В ушах у него гудело от топота и несмолкаемых криков. Выждав еще некоторое время, он наконец скомандовал:

— Огонь!

Стоявшие на коленях легионеры дали дружный залп. Слитный выстрел множества стволов прозвучал как взрыв. Сила залпа оказалась убийственной, десятки атакующих всадников разом вылетели из седел. Некоторые умерли раньше чем коснулись песка. Их трупы и трупы коней образовали настоящую баррикаду, о которую спотыкались следующие всадники.

«Неплохо!» — подумал О'Коннелл, в свою очередь припадая на колено. Легионеры быстро перезаряжали винтовки, но краем глаза Рик видел, как то один, то другой солдат падают, сраженные пулями туарегов.

— Огонь! — снова скомандовал капрал.

На этот раз О'Коннелл присоединился к стреляющим, Следующий залп показался ему еще более оглушительным. Кони и люди беспорядочно валились на песок, создавая настоящий хаос из тел.

«Очень неплохо», — подумал Рик, хотя и понимал, что положение отряда безнадежно.

Легионеров оставалось двести человек, но что такое двести, какими бы храбрыми и меткими они ни были, против двух тысяч противников?..

Теперь принялись стрелять туареги. В отличие от дружных залпов легионеров их пальба представляла собой беспорядочную трескотню. Свинцовый град, сопровождающий движение туарегов в развевающихся одеждах, делал их похожими на всадников Апокалипсиса, мчащихся через облака дыма от собственных выстрелов.

Примерно треть солдат О'Коннелла в результате этой атаки оказалась поверженной. Люди задыхались от пыли и крови, бились и в предсмертных конвульсиях катались по песку.

— Стреляйте не дожидаясь команды! — выкрикнул О'Коннелл, пятась к развалинам храма. — Ищите убежище!

Отстреливаясь, солдаты отступали, но теперь их огонь наносил противнику еще больший урон, так как стал прицельный. Одна за другой небольшие победы на фоне общего сокрушительного поражения. Натиск воинов пустыни на легионеров оставался неудержимым. Стрельба со стороны кочевников поутихла: теперь они принялись размахивать своими страшными кривыми клинками. Отовсюду слышались крики, но то был не боевой клич, а вопли отчаяния и агонии. Неверные падали в песок, который пропитывался их кровью. Так и не найдя счастья у себя дома, теперь легионеры теряли еще и саму родину. Они гибли среди песков, без всякой надежды ни на возвращение.

Среди стен и развалин, куда спешили укрыться уцелевшие, повсюду кишели всадники. Их кони рвались к воротам, перепрыгивали через остатки построек и колонн Хамунаптры. Иногда клинок туарега не встречал на своем пути живой плоти, а всадник вылета из седла от выстрела легионера.

О'Коннелл, находящийся пока вне стен Хамунаптры, отбросил винтовку, так как патронов к ней не осталось. Сознавая, что это конец и он уже не встретится ни с семьей, ни с родиной, он все же выхватил из кобуры оба револьвера. Правда, сейчас Рик был слишком занят, стреляя по проклятым арабам на их проклятых лошадях, чтобы задумываться о высоких материях.

Кроме того, он искал убежище. О'Коннелл вскоре отбросил револьверы с расстрелянными барабанами и вытащил из-за пояса оружие, оставленное Бени, и свой пистолет. В этот момент Рик заметил венгра. Тот полз по песку среди развалин, извиваясь, будто змея, каковой он, собственно, и был на самом деле. Очевидно, Бени направлялся к входу одного из уцелевших, полужасыпанных песком зданий.

Внимание О'Коннелла отвлекли две напавших на него туарега, и он не видел, как Бени снял часы с одного из убитых легионеров, а потом встал на ноги и бросился к темному проему входа.

Еще с дюжину воинов рассталось с жизнью, но у Рика опять кончились патроны. Оглянувшись, он увидел, что его окружают одни мертвецы. О'Коннелл бросился к развалинам и заметил, как Бени, прилагая огромные усилия, закрывает за собой тяжелую каменную плиту входа в храм.

О'Коннелл усмехнулся. Итак, его друг нашел где спрятаться, руководствуясь своими тактическими соображениями.

— Бени! — закричит Рик. — Подожди, приятель! Эй!

Но Бени, казалось, не слышал его, а если и слышал, то не подал виду.

Капрал перемахнул через рухнувшую когда-то колонну. Его уши разрывались от криков настигавших его туарегов.

— Не закрывай эту проклятую дверь! — изо всей мочи заорал Рик, но Бени остался глух к его призывам. О'Коннелл готов был поручиться, что бывший друг прекрасно слышал его.

Со всех ног Рик устремился к закрывающейся двери. Обернувшись, он увидел, что четверка улюлюкающих всадников уже перемахнула через лежащую колонну.

— Ты, мелкий ублюдок! Не смей закрывать дверь!

Однако каменная плита задвинулась и темнота поглотила бесстыжие глаза Бени в тот самый момент, когда О'Коннелл всем телом ударился о возникшую преграду.

Мелкому ублюдку все же удалось запереться!

Потирая ушибленное плечо, О'Коннелл неловко развернулся в поисках еще какого-нибудь укрытия, тем временем всадники неумолимо приближались к нему. В другой стороне небольшого мощенного двора высились колонны полуразвалившейся усыпальницы. Перед ней валялось несколько трупов легионеров, у которых можно было разжиться оружием.

Рик бросился туда как раз вовремя: улюлюканье разделилось почти у него над головой. Он бежал, спасая свою жизнь и петляя, как заяц. Стук копыт становился все громче и громче, а туареги все ближе и ближе. На бегу О'Коннелл успел склониться к трупу одного из солдат и выхватить из его безвольной руки револьвер. Обернувшись, Рик нажал на спуск. Патронов в револьвере не оказалось.

Туареги, натягивая поводья, осадили коней, взметнувших копытами клубы пыли. О'Коннелл — безоружный и беспомощный — замер перед четверкой свирепых воинов пустыни.

Арабы вскинули сверкающие кривые мечи, и Рику, простому чикагскому парню, ничего не оставалось, как напоследок криво усмехнуться своим палачам и «показать им нос».

Неожиданно ближайший к О'Коннеллу конь попятился, храпя, раздувая ноздри и вращая глазами. Три оставшиеся лошади повели себя столь же непонятно. Вымуштрованные арабские скакуны словно посходили с ума, уподобившись полудиким американским мустангам.

Кони фыркали, ржали, придали ушами и наконец встали на дыбы, развернулись и поскакали прочь! Они напоминали лошадей на скачках, услышавших звук стартового пистолета. Не менее перепуганные всадники даже не пытались остановить своих скакунов: будто бы сам дьявол прогонял их с этого места.

Обескураженный, О'Коннелл взглянул на свои руки. Неужели его жест презрения и насмешки мог вызвать такую реакцию?

И тут он почувствовал, как все вокруг него пришло в движение.

Позже он будет долго размышлять не стал ли он жертвой галлюцинации. А еще позже убедится, что нет.

Но сейчас и песок, и земля под его ногами перемещались, управляемые какой-то, без сомнения, зловещей и вполне ощущаемой силой. Это вовсе не походило на землетрясение и выглядело более чем странно.

Оглядевшись вокруг, Рик увидел, что стоит спиной к статуе, скрывавшейся в усыпальнице, послужившей ему убежищем. Капрал достаточно хорошо знал Египет и его историю, чтобы безошибочно определить в монументе изображение бога Анубиса.

Неужели лошади испугались именно его? Или же своим обостренным инстинктом животные раньше, чем О'Коннелл, почувствовали, что происходит с песком?

Хотя некоторые фрагменты статуи отсутствовали и сама она была наполовину занесена песком, ее шакаля морда взидала на Рика со зловещим безразличием. Создавалось впечатление, что Анубису занятно наблюдать за испугом капрала, вокруг которого пески, двигались будто под ними вползали огромные змеи.

Поверхность песка все время изменялась, пока не вытолкнула из себя загадочный артефакт: блеснувшую золотом золотую шкатулку. Чисто автоматически О'Коннелл нагнулся, подхватил ее и сунул в карман.

Тут он осознал, что его напугало нечто большее, ощущение призрачной угрозы. *Песок менял свою форму не бессистемно. Словно невидимый палец вычерчивал на его поверхности рисунок.*

Однако Рику уже хватило испытаний и переживаний в этом жутком месте. Даже если под песками скрываются и другие богатства, кроме этой золотой безделушки, пусть себе остаются там навсегда.

Все туареги покинули разрушенный город, оставив после себя следы резни, которая впоследствии приведет к еще более кровавым побоищам. Вот только О'Коннелл дал себе зарок, что больше участвовать в них не будет. Рик тоже стал выбираться из руин, зная, что в Легион, где его наверняка посчитают погибшим, он не вернется. Но он и подумать не мог, что ему еще предстоит побывать в этом проклятом месте.

Бывший капрал бежал прочь и не видел, как на песке образовались контуры лица с распахнутым в безмолвном крике ртом. Впрочем, его черты для Рика были незнакомыми. А вот всадники, стоявшие на окружающей развалины возвышенности легко узнали бы в изображении лицо... *Имхотена*.

Но ничего подобного не случилось. Оставшиеся на возвышенности всадники наблюдали за бегущим О'Коннеллом, и им этого было достаточно. Они не были туарегами, хотя и принадлежали к одному из племен пустыни.

Он нашел Хамунаптру, — обратился один из них к предводителю, Ардет-бею. — Теперь он должен умереть.

Пустыня убьет его — ответил Ардет-бей. высокий, мускулистый, одетый во все черное вождь. За его поясом блестели золотом перекрещенные меч и длинный, как сабля, кинжал.

Темное мужественное лицо Ардет-бея со сверкающими глазами могло бы показаться красивым, если бы не украшавшая его татуировка. Сейчас же эти жестокие глаза смотрели в спину бредущему шатающейся походкой легионеру.

Глава 4 «Очередная никчемная безделушка»

Каир. Столица мусульманского мира. Величественные минареты мечетей вонзаются в небо, паря над сбившимися в кучу нищими кварталами. Самый большой город африканского континента и один из самых древних. Сами звезды изменили свое положение на небосклоне, с тех пор как он зародился. За это время осталось неизменным лишь одно: пропасть между богатством и бедностью. Именно из этих двух крайностей состоит восьмитысячное население Каира.

Огромный, расплывшийся во все стороны город, где множество ослов и верблюдов, где мужчины ходят в тюрбанах, а женщины носят паранджу. Здесь улицы базаров настолько узки, что на автомобиле по ним не проехать, и пешеходу приходится уступать дорогу ослам, везущим зерно, кирпичи, а то и знатную даму, жену какого-нибудь местного богача. Сама дама живет за высокими каменными стенами дворца. Его ворота охраняют евнухи, а весь остальной гарем хозяина неспешно прогуливается по разбитому за стенами тенистому тропическому саду.

Но существовала и другая часть Каира. Своими широкими асфальтированными улицами, проспектами и ландшафтными парками она не уступала Парижу. Здесь ходили электрические трамваи, выдавались напрокат автомобили, высились вполне современные жилые дома и отели. По обеим сторонам Моуски, главной деловой артерии, сверкали витринами роскошные магазины, ничуть не хуже европейских.

Эвелин Карнахэн получила образование у себя на Родине, в Англии, однако свое детство провела именно здесь. Несмотря на все перемены, она ничуть не заблуждалась по поводу внешнего превращения Каира в христианский город. Эвелин более чем любая другая белая девушка ее возраста, живущая в Каире (да и вообще где бы то ни было, раз на то пошло), понимала, что город остается таким же древним, как вся человеческая цивилизация.

Родители Эвелин несколько лет назад погибли в авиакатастрофе. Они не были чересчур богаты, как полагали некоторые их знакомые, но все же оставили значительную часть своего состояния каирскому музею древностей. Сама же Эвелин и ее брат Джонатан получил и в наследство дом и ежегодное содержание в несколько сот фунтов. Джонатан был возмущен такой несправедливостью в отличии от Эвелин, страстно увлекавшейся историей этой древней страны. Свою любовь к ней она переняла от покойного отца-археолога, Говарда Карнахэна, сына известного художника-орнитолога. Говард и сам прекрасно владел акварелью.

Работая на рубеже веков вместе с сэром Гастоном Масперо в египетском отделе по изучению древностей, он прославился своими талантливыми рисунками. Его работы скрупулезно копировали настенную живопись и барельефы, открытые экспедициями в Долине Царей. И самым, конечно, большим его достижением было участие в знаменитых раскопках гробницы Тутанхамона в 1922 году.

Эвелин до сих пор остро переживала потерю родителей. Пресса в то время усердно муссировала слухи о так называемом «проклятье» Тутанхамона, которое настигало всех, кто потревожил покой его гробницы. Девушка скромно надеялась, что когда-нибудь последует по стопам своего знаменитого отца, но пока предпочитала тихую архивную работу. Да Эвелин и не испытывала горячего желания заниматься раскопками, так как была библиотекарем, а не египтологом. Как можно было бы предположить, она разрывалась

между любовью к истории и уважением к людям, творившим ее.

Открытие гробницы Тутанхамона заставило отца Эвелин терзаться угрызениями совести. Он прекрасно понимал, что подобная находка распахнет двери для обыкновенных расхитителей могил. За год до своей смерти Говард уволил хранителя каирского музея, который чуть ли не в открытую торговал мумиями, найденными в долине Нила. Он отдавал их по сто долларов за штуку (наличными), снабжая «товар» сертификатом подлинности находки, с указанием возраста мумии и степени знатности «покойного». Эвелин находилась в тени славы своего знаменитого отца, и можно было подумать, что новый хранитель музея предоставил ей работу исключительно из уважения к его заслугам. Однако девушка обладала замечательными способностями: она великолепно читала и писала на древнеегипетском. Мало кто мог соперничать с ней и искусстве расшифровки иероглифов и тайных знаков жрецов. И уж, конечно, никто бы не смог столь тщательно составлять каталоги огромного количества хранящихся в библиотеке музея книг и документов.

Однако как бы сильно ни была привязана Эвелин к этому месту, она не собиралась останавливаться на достигнутом. Правда, сейчас у нее было плохое настроение. Именно сегодня, через месяц и три дня после истребления легионеров (событие, о котором Эвелин, кстати, ничего не слышала), она получила отказ на свое заявление о вступлении в научное общество Бембриджа. Между прочим, это был уже второй отказ.

Безупречную, как у Нефертити, фигуру молодой стройной женщины скрывала бесформенная одежда: длинная бежевая юбка, мужская, белая в полоску, рубашка и просторный кардиган. Длинные темные волосы девушки были собраны в пучок, а миндалевидные глаза скрывались за стеклами очков, которыми она пользовалась для чтения. Ничто из перечисленного выше не добавляло Эвелин привлекательности, но и не могло скрыть ее очевидной миловидности. Любовь к египетской древности она унаследовала от отца, но внешностью была целиком обязана своей матери.

Эвелин стояла на самом верху высокой лестницы между книжными шкафами, где на огромных стеллажах хранились бесчисленные тома, посвященные истории и культуре Древнего Египта. Из-за стекол очков расстояния воспринимались девушкой не совсем верно, как это скоро выяснится. Только что на полке перед собой она обнаружила книгу о Тутмосе ошибочно поставленную на стеллаж под литерой «С», и попыталась вернуть книгу на законное место — на полку, расположенную у нее за спиной.

Чтобы достать книгу, Эвелин, ухватившись за верхнюю перекладину лестницы, потянулась через проход между стеллажами. Ей казалось, что еще чуть-чуть и она справится с задачей...

Неожиданно лестница оттолкнулась от полки, на которую прежде опиралась, Эвелин, гордившаяся своим самообладанием и способностью хладнокровно решать любые проблемы, вскрикнула и выронила книгу, словно ту объяло пламя. Тяжелый том ударился об пол. Очень уж далеко он отлетел, как показалось Эвелин.

Судорожно ухватившись за верхнюю перекладину лестницы обеими руками, девушка обнаружила, что стоит между стеллажами, балансируя, как на одной ноге. Чуть пошатываясь на лестнице, Эвелин осторожно выдохнула. Больше она не позволит себе кричать словно истеричка... И в этот момент она потеряла равновесие.

Все еще держась за лестницу, Эвелин сделала несколько «шагов» на ней по проходу. Сейчас она уже не кричала, но про себя отчаянно взывала к Богу.

Раскачиваясь в проходе, девушка тщетно пыталась вернуть лестницу в прежнее

положение. Наконец проклятая «ходуля» оперлась на ближайший стеллаж и замерла.

Эвелин снова, на этот раз с облегчением, перевела дух.

Но этим дело не закончилось. Шкаф, о который она оперлась, медленно кренился, пока не ударился о соседний. Это действие привело к двум результатам. Одному положительному: лестница приобрела вполне приемлемый наклон для спуска, и Эвелин, соскользнув по ней, довольно удачно шлепнулась (куда бы еще?) на пол.

Второй результат оказался не из приятных. Происходившее далее лучше всего характеризуется так называемым «эффектом домино». Эвелин закрыла глаза, чтобы не видеть, как очередной падающий шкаф толкает следующий за ним. Правда, ей не пришло в голову заткнуть уши, и она прекрасно слышала, как бесценные тома с грохотом валятся на пол. Когда же последний шкаф, вытряхивая с полок содержимое с той небрежностью, с какой вагон ссыпает в бункер уголь, ударился о дальнюю стену, все наконец было позади.

Ну, почти позади.

Эвелин открыла глаза (сначала один, и только потом другой, как будто это могло уменьшить количество упавших стеллажей), и увидела не только то, что может пригрезиться библиотечарю лишь в кошмарном сне, то есть нагромождение упавших шкафов и разбросанные по всему залу книги. Здесь же, испуганно выпучив глаза, уже находился прибывший на шум ее непосредственный начальник и хранитель музея доктор Бей.

Эвелин скромно взглянула на него, позволив себе едва заметно улыбнуться.

— Опаньки! — негромко произнесла она.

Хранитель музея был маленьким пухлым мужчиной с небольшим круглым лицом. Он носил черный костюм и такой же галстук. Волосы на его макушке напоминали по форме паука, растопырившего лапы во все стороны.

— Опаньки? — ошеломленно переспросил он, и его брови поползли куда-то вверх, чуть ли не за пределы лба. Одновременно он оскалился и завернутая верхняя губа полностью скрыла его черные усики.

— А я и не слышала, как вы подошли, доктор Бей.

— Наверное, из-за грохота падающих шкафов, — понимающе кивнул босс.

Девушка тут же вскочила на ноги, одернула юбку и поправила шарфик у воротника рубашки. Затем она нагнулась и принялась поднимать книги, как бы давая понять доктору Бею, что исправить случившееся для нее — сущие пустяки. Разумеется, она прекрасно понимала, что на восстановление в библиотеке порядка у нее уйдет несколько месяцев.

Доктор Бей отчаянно замотал головой:

— Запустите сюда мух, лягушек или полчища саранчи! По сравнению с вами, мисс Карнахэн, все другие бедствия покажутся мне детской забавой.

— Простите, сэр. Это просто несчастный случай, какое-то недоразумение.

— Нет. Когда Рамзес уничтожил Сирию, вот это действительно было недоразумение. А это — настоящая катастрофа. — Он погрозил ей толстым пальцем. — Я терплю вас здесь только потому, что ваши родители были нашими лучшими покровителями и спонсорами... Да упокоит Аллах их души.

Эвелин давно подозревала, что хранитель музея недолюбливает ее. Она раздражала его хотя бы тем, что постоянно пыталась всучить ему какую-нибудь подделку, выдавая ее за «ценнейший артефакт». Эти «древности» добывал ее брат Джонатан, чаще всего покупая их по дешевке у археологов, проводящих свободное от раскопок время в местных барах.

— Доктор Бей, — выдохнула Эвелин. — Любой человек может устроить подобный

беспорядок. Но далеко не каждый в состоянии снова поставить все книги на их места.

Толстячок притих и сразу остыл.

— Если вы готовы принять мое заявление об уходе, — продолжала девушка, — то я не стану здесь задерживаться... хотя я сильно сомневаюсь, что вы найдете кого-нибудь другого в радиусе тысячи миль, кто смог бы грамотно ликвидировать этот кавардак.

— Так начинайте его ликвидировать, — резко бросил доктор Бей и поспешно удалился.

Немного раздраженная и смущенная, однако довольная тем, что сумела поставить доктора Бея на место, Эвелин принялась рассматривать место катастрофы. Придется собрать все книги, проверить, не пострадали ли они. Кто-то из работников музея должен будет переставить все шкафы. Они слишком массивны, она сама вряд ли справится с ними.

Ее мысли неожиданно были прерваны каким-то странным звуком. Эвелин почудилось, что она слышит чьи-то шаги.

Она повернулась, подозревая, что это возвратился доктор Бей, но позади нее никого не оказалось, Тишина становилась зловещей, как это нередко случалось в этом жутком, протянувшимся во все стороны здании, выстроенном в начале века. Тем более что здесь почти в каждом зале находились саркофаги, выставленные на обозрение туристов. Внутри некоторых саркофагов до сих пор хранились забальзамированные мумии царей.

И снова этот непонятный звук!

Кто-то прохаживался по музею, но передвигался достаточно медленно и как-то неловко, словно волочил больную ногу. Эвелин напрягла слух: шарканье доносилось, похоже, откуда-то со стороны противоположной галереи.

— Доктор Бей! — в надежде услышать голос начальника позвала она.

Никого...

— Абдул? Это ты?

И снова никто не откликнулся.

— Мохаммед?.. Боб?

Она осторожно двинулась в соседний зал, где были выставлены экспонаты Среднего Царства. Музей уже был закрыт, а потому освещение здесь уменьшили. Пламя от газовых светильников бросало повсюду длинные тени, превращая комнату в какой-то дом с привидениями, где повсюду были выставлено награбленное добро древней египетской знати. Девушка дошла до прохода, миновала закрытый саркофаг, обогнула еще несколько шкафов с выставочными образцами.

И опять эти шаги!

Может быть, сюда забрался кто-то из посторонних? Вор? Грабитель? Разумеется, тут было чем поживиться: в музее хранилось множество древних украшений — золотые браслеты для предплечий в виде змеек, ожерелья, пояса, цепочки, одним словом, все то, что израильтяне в свое время переплавили на золотого тельца, что так взбесило Иегову.

Надо обязательно рассказать о странных звуках доктору Бею.

Она прошла мимо статуи Анубиса, потом Гора, причем оба бога как будто угрожающе смотрели ей вслед. Девушка, не обращая на них внимания, устремилась к выходу. И тут она заметила саркофаг, прислоненный к стене и открытый. Внутри него находилась отвратительная полусгнившая мумия.

Но далеко не каждая мумия предназначалась для показа посетителям. Мумии демонстрировались в зале на втором этаже, где они располагались в стеклянных ящиках-футлярах. И туристов предупреждали о том, что эти экспонаты выглядят «не слишком

эстетично». Между прочим, некоторые мужчины в холодном поту выбежали из этого зала, чувствуя себя весьма неуютно при виде оскалившихся черепов некоторых мумий.

Эвелин вздохнула. Может быть, это чья-то глупая шутка? Или саркофаг случайно задел кто-то из сотрудников музея, и он раскрылся? Так или иначе, но теперь становилось ясно: она слышала шаги именно того человека, который и раскрыл этот саркофаг. Девушка склонившись над ним, вглядываясь в останки разложившейся мумии, которая оказалась на редкость противной. Эвелин успела подумать: «Ну, эта точно для обозрения выставляться не будет!», и в тот же момент мумия подалась вперед, издав жуткий, какой-то неземной скрип. Девушка в страхе отскочила назад и пронзительно закричала что есть мочи.

— Спокойно, сестренка! — из-за саркофага выскользнул Джонатан Карнахэн. — Или ты снова привлечешь внимание этого ужасного типа.

— Джонатан! Идиот, придурок, урод!

— Что за выражения, ай-яй-яй! — пожурил он сестру. Вечно праздный и беззаботный Джонатан обладал пронизательным взглядом и безвольным подбородком. Ему было тридцать, но на вид можно было дать и все сорок. Бодрый и беспечный молодой человек едва сводил концы с концами, пытаясь прожить на ежегодное семейное пособие. В основном он тратил деньги на выпивку. Вот и сейчас он ловко извлек из кармана своей бежевой куртки флягу виски и отхлебнул большой глоток.

Эвелин аккуратно закрыла крышку саркофага, сдерживая желание как можно громче хлопнуть ею.

— Неужели у тебя нет ни капли уважения к мертвым?

— А разве у тебя есть уважение к мертвецки пьяным?

Все еще сердясь на брата, она отошла чуть в сторону и спросила:

— Что ты здесь делаешь? У меня и без тебя тут хватает неприятностей. Я такое натворила в библиотеке...

— Я все слышал. И как доктор Бей ругал тебя — тоже. — Он еще отхлебнул из фляги. — Жаль тебя.

Эвелин решительным жестом уперла руки в бедра и вызывающе посмотрела на брата:

— Ты что же, в самом деле хочешь, чтобы моя карьера на этом и закончилась и чтобы я стала похожа на тебя?

— Ты ко мне несправедлива, сестренка. — Джонатан икнул, извинился и добавил: — Если хочешь знать, я как раз сейчас нахожусь на вершине своей карьеры.

Эвелин грустно улыбнулась:

— Но ты не был на раскопках уже полгода.

— Неправда! Я очень тщательно копал все это время. Просто надо знать места, где копать.

— А, так ты имеешь в виду бары и забегаловки? Умоляю тебя, Джонатан, не надо. Сегодня я не в настроении, чтобы возиться с твоими «находками». Между прочим, научное общество Бембриджа...

Он тяжело опустился на край одной из стеклянных витрин с экспонатами.

— Только не говори мне, что у этих тупиц хватило наглости снова отказать тебе.

Она присела рядом с братом.

— Они считают, что у меня не хватает опыта.

— Но ты набираешься опыта здесь, не так ли?

— Да, конечно. Все прекрасно. Я останусь здесь еще на год или два, а потом попытаться

еще раз... Как ты думаешь, какие рекомендации сможет дать мне доктор Бей?

Лицо Джонатана внезапно засветилось:

— У меня есть одна вещица, с помощью которой, я уверен, тебе снова удастся добиться его расположения. — И он принялся рыться в карманах куртки.

Эвелин только печально покачала головой:

— Не надо, Джонатан. Я не хочу видеть очередную никчемную безделушку. Если я принесу доктору Бей еще одну некудышную вещицу, да еще добавлю, что она от тебя...

— В этот момент Джонатан протянул ей небольшую золотую восьмиугольную шкатулку. Эвелин с первого взгляда поняла, что это действительно очень древняя вещь. Она принадлежала, скорее всего, ко времени Нового Царства, не иначе.

Она выхватила шкатулку из рук брата, и он не стал ей мешать.

— Где ты нашел это Джонатан?

— На раскопках... возле Луксора.

Эвелин принялась рассматривать занятую вещицу со всех сторон, любуясь ее поверхностью с иероглифами и бормоча что-то себе под нос, одновременно переводя таинственные древние знаки.

— Мне иногда даже было стыдно сознавать, что я сын Говарда Карнахэна, Эви... ни разу мне не удавалось найти ничего приличного. А эта... вещичка... она представляет собой какую-нибудь ценность? Ну, милая моя, скажи, что на этот раз мне посчастливилось найти кое-что стоящее.

На верхней стороне шкатулки обнаружили небольшие переключинки, и Эвелин принялась передвигать их во все стороны.

Что ты делаешь, Эви? — заинтересовался Джонатан. — Это шкатулка с секретом, да?

Как будто в ответ на его слова, шкатулка начала раскладываться на глазах, как распускающийся цветок, одновременно превращаясь в ключ с восемью сторонами. Внутри шкатулки оказалась выемка, в которой лежал сложенный кусочек папируса. Эвелин осторожно развернула его, и перед ее глазами возникла древняя карта. На ней был изображен Нил, шакаля голова Анубиса, орел и еще несколько рисунков и иероглифов. Карта несомненно, относилась ко времени Нового Царства.

— Джонатан...

— Да, сестренка.

— На этот риз ты действительно нашел кое-что.

* * *

Хранитель музея сидел в споем уютном, заставленном всевозможными экспонатами кабинете и, приставив к глазу окуляр ювелира, изучал находку. Эвелин стояла рядом. Она продемонстрировала боссу, как нужно раскрывать шкатулку, потом многозначительно посмотрела на босса и обратила его внимание на замысловатый орнамент верхней поверхности коробочки.

— Вот это, — пояснила она, — и есть царская печать Сети Первого.

Хранитель музея неопределенно пожал плечами:

— Может быть.

— Никаких «может быть», доктор Бей.

— А что это был за фараон, ваш Сети? — поинтересовался Джонатан, неловко улыбнувшись. Он сидел напротив хранителя музея и немного нервничал. — Я что-то запамятовал. Кстати, возможно ли, что он был богат?

Эвелин не всегда могла определить, когда Джонатан шутит, а когда говорит серьезно.

— Он был вторым фараоном девятнадцатой династии. Его личность вызывает споры у историков, но кое-кто из них считает, что он был самым богатым правителем.

— Симпатичный парень, этот Сети. Он начинает мне нравиться все больше. — Джонатан оскалился, и эта усмешка сделала его похожим на мумию, когда он наклонился поближе к шкатулке и лицо его озарило пламя свечи, стоявшей на столе доктора Бея. Хотя в музее было и электрическое освещение, хранитель частенько зажигал у себя в кабинете ароматические свечи.

Сейчас на этом столе лежала развернутая золотистая карта, словно вся собравшаяся здесь троица готовилась к путешествию. Доктор Бей ваял папирус в руки и поднес ближе к свече, чтобы получше рассмотреть какую-то деталь.

— Этой карте почти три тысячи лет, доктор, — сообщила девушка. — А вот эти знаки жрецов точно указывают на то, что именно здесь изображено...

Доктор Бей взглянул на свою сотрудницу.

Нервно улыбнувшись и неопределенно пожав плечами, Эвелин приступила к самой серьезной и опасной части своей речи:

— На этой карте указан путь к Хамунаптре.

Карта затрепетала. Вернее, это просто задрожали пальцы доктора Бея, когда он услышал такие слова. Он был потрясен сказанным, но только на несколько секунд. Затем хранитель музея все же взял себя в руки, рассмеялся и замотал головой:

— Моя милая девочка, не надо меня смешить, — заговорил он. — Вы меня удивляете! При вашем образовании и глубоких знаниях, при вашей серьезности... Это же только миф. О Хамунаптре древние египтяне рассказывали только затем, чтобы привлечь греческих, римских путешественников...

— Давайте не путать миф о Хамунаптре, доктор, — перебила босса Эвелин, — с весьма реальной возможностью того, что и храм, и некрополь, скорее всего, действительно существовали. Разумеется, я тоже не слишком прислушиваюсь ко всем этим рассказам. Ну, насчет какого-то проклятья мумии и о том, что это место, где таится некое зло. Это, разумеется, полная чепуха.

— Ну-ка, постойте, — неожиданно вмешался в разговор Джонатан, и пламя свечи заметалось, отражаясь в его глазах, так внезапно выполнившись искренним интересом. — Вы, кажется, имеете в виду ту самую знаменитую Хамунаптру? Ну, Город Мертвых, если не ошибаюсь? Не там ли, случайно, древние фараоны спрятали свои сокровища?

— Удивительно, как много ты стал знать в области египтологии, — изумилась Эвелин.

— Ну, в той части, которая касается сокровищ, моя милая, я настоящий эксперт. Да и кроме того, каждый школьник знает, что такое Хамунаптра. Там под землей где-то хранятся несметные богатства. Как ты считаешь, это правда, что фараоны, использовав какие-то свои хитрости, смогли все устроить так, что этот город исчез под песком в одно мгновение?

— Все это выдумки, — хихикнул Бей, однако продолжая внимательно рассматривать карту и поднося ее ближе к огню. — Как бы сказали американцы, это полная ахиня...

— Осторожней! — вскрикнул Джонатан.

Уголок карты коснулся огня, и уже через секунду папирус загорелся. Бей вскочил и бросил карту на пол, а Джонатан опустился на колени и принялся хлопать ладонями по карте, пытаясь затушить огонь. Когда ему это наконец удалось, выяснилось, что треть папируса успела сгореть.

— Боже мой! — прошептала Эвелин, прижимая пальцы ко рту.

Джонатан нахмурился, и со стороны напоминал ребенка, надувающего губы:

— Она сгорела из-за вас! Вы полный идиот! Смотрите, самая ценная часть карты пропала навсегда!

— Простите меня, — Бей опустил голову. — Произошло недоразумение.

— Когда Рамзес уничтожил Сирию, — холодно заметила Эвелин, — вот тогда действительно произошло недоразумение.

— А может быть, это даже и к лучшему, — неожиданно оживился Бей снова усаживаясь за стол. — Мы же с вами ученые, а не авантюристы и не охотники за сокровищами, верно? Между прочим, не один человек потерял жизнь в погоне за подобными кладами. Но это же полная чушь! Никто никогда не видел эту

Хамунаптру, а многие на тех, кто отправился ее искать, так и не вернулись назад.

Эвелин приподняла брови:

— Но мои исследования доказывают, что храм мог существовать.

Джонатан продолжал держать карту в руках. Он смотрел на ее обожженную сторону так, словно ребенок, который умудрился разбить подаренную ему игрушку на следующее же утро после Рождественской ночи.

— Вы сожгли карту, указывающую путь к затерянному городу, — обвинительным тоном подытожил он.

Хранитель музея снова лишь пожал плечами и добавил:

— Я уверен, что это была всего лишь очередная подделка. По правде говоря, мисс Карнахэн, я был о вас лучшего мнения. Вот уж не думал, что вас так просто ввести в заблуждение... Что же касается самой этой шкатулки... — и Бей потянулся рукой к золотому восьмиугольному артефакту на столе, — я, наверное, смог бы предложить за нее скромную сумму.

Глаза Джонатана хищно заблестели, но Эвелин успела схватить шкатулку, прежде чем пальцы доктора коснулись ее.

— Нет, спасибо, доктор Бей, — быстро заговорила девушка. — Дело о том, что мы уже передумали. Эта шкатулка не продается.

С этими словами она вышла из кабинета босса, и Джонатан, не выпуская из рук обгоревшую карту, поспешил за сестрой, так и не поняв, что она задумала.

Глава 5 «Юмор висельника»

Джонатан Карнахэн был полным профаном в египтологии и ровным счетом ничего не смыслил и археологии вообще. Но зато он успел досконально изучить все до единого питейные заведения Каира — от роскошных коктейль-баров с плюшевыми креслами в дорогих отелях «Континенталь» и «Шепард» до портовых забегаловок, куда вряд ли отважился бы заглянуть приличный англичанин (надо заметить, что из тех, кто все же рискнул это сделать, обратно вышли далеко не все). Однако Джонатан с его вечной жаждой и деньгами был желанным гостем повсюду.

Это открывало ему доступ не только к бесконечным возлияниям, но и к всевозможной информации. Именно Джонатан и выяснил, что в настоящий момент некий Ричард О'Коннелл проводит время в самом отвратительном месте Каира, который и так славится огромным количеством жутких мест, а именно в городской тюрьме.

Сделав с полдюжины звонков нужным людям, Джонатан умудрился даже устроить встречу с начальником тюрьмы, которого звали Гад Хасан.

«Правитель» этой неопикуемой «дыры» оказался жирным и неопрятным господином. Его свиноподобную физиономию немного оживляли черные сверкающие глаза. В густых усах Хасана можно было разглядеть крошки сразу нескольких блюд, а по густой щетине, покрывавшей щеки и подбородок, — предположить, что бритвой он пользовался не чаще одного раза в неделю.

Начальник тюрьмы в мятом бежевом костюме, пропитанном потом и покрытым пятнами от вина, жирной пищи и еще бог знает от чего, ловко подхватил Эвелин под руку. Этот жест мог показаться одновременно и учтивым, и распутным.

— Добро пожаловать в мою скромную обитель, — приветствовал он девушку. — Редкая честь принимать здесь у себя столь элегантную женщину. Мало кто пожелал бы переступить порог моего убогого жилища.

Мелодичные нотки, часто возникающие у говорящих на английском арабов, и хорошее знание языка произвели на Джонатана впечатление. При этом не следовало забывать, что Хасан в отличие от прочих арабов был все-таки начальником и обладал к тому же недюжинной сообразительностью и умом. Он провел Карнахэнов через узкий двор, разделенный внутри перегородами и похожий на загон для скота. Из центрального двора во все стороны тянулись темные коридоры, из которых доносились отчаянные вопли и несло страшной вонью. Джонатан подумал, что именно это зловоние и вызывает стоны заключенных.

Эвелин, прижимающая к груди сумочку из крокодиловой кожи, выглядела довольно мило. Ее наряд из платья и кардигана дополняла шляпа с плоскими полями, защищающими глаза от солнца. Даже чересчур мило, как подумал Джонатан, для посещения подобного свинарника...

Придерживая Эвелин под локоток одной рукой, другой Хасан широким жестом обвел посыпанную щебнем площадку:

— Вот здесь наши гости могут пообщаться с заключенными...

— Довольно мило, — произнесла Эвелин. Ее сарказм был настолько тонок, что его не уловил даже Джонатан.

Эвелин до сих пор дулась на брата. Она была просто взбешена, узнав, что Джонатан

вовсе не находил шкатулку на раскопках возле Луксора, а раздобыл ее в одном из самых отвратительных заведений во французском квартале.

— Так ты мне солгал! — укоряла она его с чувством ущемленного самолюбия.

И чему эта дуручка удивляется? Ложь дается трудно только поначалу. Когда постоянно обманываешь, поневоле овладеваешь этим искусством. И уж если ты не в состоянии обвести вокруг пальца тех, кто тебя любит, то что говорить о людях совершенно посторонних?

Джонатан пояснил, что вытащил шкатулку из кармана бесчувственного О'Коннелла, участвовавшего в пьяной потасовке, после чего его (О'Коннелла) сразу же арестовали. Эвелин, возмущенная столь жутким, по его словам, поступком «собственного брата», настояла на том, чтобы порасспросить предыдущего владельца шкатулки (однако ни словом не обмолвилась о том, чтобы вернуть ее хозяину).

Эта идея показалась Джонатану не слишком удачной. Все-таки шкатулку он украл, а воровство в Каире наказывается настолько жестоко, что любой почесал бы в затылке (или в другом месте), прежде чем решиться на такое.

Начальник тюрьмы подвел их к просторной нише, забранной решеткой. Такое помещение было бы вполне уместным где-нибудь в зоопарке, например в обезьяннике. Этот «загон» являлся частью тюремной стены, и, видимо, в него приводили на свидание заключенных.

— А почему мистер О'Коннелл в тюрьме? — обратилась к Хасану Эвелин. — Я понимаю, что он был задержан за поведение, оскорбляющее общественную нравственность...

Начальник тюрьмы пожал плечами:

— А почему бы вам не спросить об этом его самого? Он объяснял это своей любовью к приключениям. Я вам так скажу: вы вовремя успели прийти сюда. Я видел в списке на сегодня его фамилию.

— Вы имеете в виду, что сегодня состоится суд?

— Суд? — Хасан буквально захлебнулся от смеха. Его зубы имели замечательный зеленый цвет, который так ценят ювелиры в нефрите. В улыбке же он ценности не представлял. — Очень остроумно, мисс Карнахэн. Редко встретишь у женщины такой красоты и грации столь развитое чувство юмора...

Они как раз подошли к решетке, когда дверь в стене распахнулась и четверо арабов-охранников в одежде цвета хаки втащили в камеру заключенного. Им оказался красивый молодой человек, белый, небритый, с кандалами на руках и ногах. Одет он был в то, что когда-то являлось белой рубашкой и армейскими бриджами. Все это превратилось в лохмотья за неделю, проведенную им в тюрьме.

— А вот и ваш друг, — объявил начальник тюрьмы.

Охранники швырнули заключенного к решетке с такой силой, что он врезался в нее лицом. Впрочем, на нем при этом не отразилось никаких чувств.

— Послушайте. — обратился Джонатан к Хасану. — Неужели это так необходимо?

Начальник тюрьмы расплылся в улыбке, снова обнажая свои зеленые зубы, и повернулся к Эвелин:

— Я вижу, что наш брат тоже не лишен чувства юмора. Между прочим, это и есть мистер О'Коннелл, бывший житель Чикаго, штат Иллинойс. Позже он поступил в Французский Иностранный Легион. Так вот, ваш друг — дезертир.

Эвелин внимательно разглядывала О'Коннелла, и он занимался в отношении девушки

тем же самым, но только его интерес имел несколько другой характер

— Это он и есть? — спросила Эвелин брата. — Тот самый, кого ты обокрал?

Джонатан нервно хохотнул и краем глаза посмотрел на начальника тюрьмы:

— У моей сестры действительно потрясающее чувство юмора... Да, дорогая, это и есть тот самый бродяга, который мне кое-что *продал*.

О'Коннелл просунул голову между прутьями решетки, внимательно посмотрел на Джонатана и нахмурился:

— Что это я вам продал?

— Господин начальник, — обратился Джонатан к Хасану, — не будете ли вы столь любезны оставить нас наедине с нашим другом на несколько минут? Мы были бы вам премного благодарны.

— Как это «с другом»? — снова ничего не понял Ричард.

Джонатан протянул ладонь начальнику тюрьмы, придерживая между пальцев фунтовую купюру. Мужчины пожали друг другу руки, и купюра перешла к Хасану.

— Конечно, как скажете, — Хасан вежливо поклонился, — Я уже уйду... ровно на пять минут.

— Мы будем сильно скучать без вас, произнес О'Коннелл с деланной тоской в голосе, одновременно посылая Хасану воздушный поцелуй.

На этот раз начальник тюрьмы улыбаться не стал: ни искренне, ни злорадно. Он только многозначительно покачал в воздухе указательным пальцем, заметив при этом:

— А вот в заключенных чувство юмора я ценить не привык.

О'Коннелл рассмеялся:

— И как же ты собираешься наказать меня, жирдяй? Неужели мне перестанут ежедневно менять постельное белье?

Начальник тюрьмы чуть заметно кивнул грязному охраннику с сонными глазами, стоящему у Рика за спиной, и тот снова толкнул О'Коннелла на железные прутья. Лицо несчастного ударилось о них, словно резиновый мячик о мостовую. Однако и на этот раз О'Коннелл даже не поморщился от боли, хотя бросил в сторону охранника презрительный взгляд.

— Это неблагоприятно с вашей стороны, сэр, — покачал головой охранник, отходя от Рика и бормоча уже себе под нос: — Очень даже неблагоприятно.

Джонатан выждал, когда Хасан удалится, и только после этого обратился к О'Коннеллу:

— Надеюсь, ты больше не попадешь ему под горячую руку, старина.

— Где я мог раньше видеть тебя? — поинтересовался О'Коннелл.

— Дело в том, что я... м-м-м... ну, местный миссионер, я доношу до людей слова добра.

— А что это за дамочка с тобой?

— «Дамочка»? — недовольно сдвинула брови Эвелин.

— Это моя очаровательная сестричка Эви, — пояснил Джонатан, изысканным жестом указывая в сторону девушки.

— Эвелин. — коротко поправила она брата.

О'Коннелл еще раз взглянул на девушку и пожал плечами:

— Правда? Ну, если она распустит полосы, то, наверное, не все еще будет потеряно.

— Я не потерплю! — воскликнула Эвелин, вытаращив глаза от негодования.

— Что ж, меня это несколько но удивляет, — спокойно отозвался О'Коннелл ненова повернулся к Джонатану: — Что-то уж слишком знакома мне твоя физиономия...

Джонатан непринужденно рассмеялся:

— У меня просто самое обыкновенное лицо, каких в этом городе сотни, старина.

— Нет, я тебя где-то видел.

— Мистер О'Коннелл, — встряла в разговор Эвелин. — Позвольте мне объяснить причину нашего визита.

Лицо Рика со следами от удара о прутья погрузнело:

— Пока я не услышал вашего британского акцента, — горько усмехнулся он, — я даже в глубине души понадеялся на то, что вы из американского посольства.

— Сожалею, но вы ошиблись, — продолжала девушка. — Мы пришли сюда из-за вашей шкатулки.

— Из-за чего?

— Из-за вашей шкатулки с секретом. Ну, такой маленькой золотой коробочки с восемью гранями. Дело в том, что мой брат... нашел вашу шкатулку...

— Теперь я вспомнил. — О'Коннелл улыбнулся, покачал головой и, рванувшись вперед, несмотря на кандалы, умудрился, просунув руку через прутья, ловко ударить Джонатана справа в челюсть. Брат Эвелин никогда не был силен в кулачных боях, и этот удар сразу же поверг его на землю. Не поднимаясь на ноги, он потер ушибленное место, плохо соображая, что произошло.

— Так или иначе, — снова заговорила Эвелин, — но ваша шкатулка у нас, и мы пришли, чтобы спросить вас кое о чем в связи с этой находкой.

Теперь О'Коннелл смотрел на девушку с интересом:

— Но я, понимаете ли, только что вмазал вашему братцу.

— Да-да, я видела это и думаю, что он того заслуживает. Я знаю его с детства и потому могу предположить, что тут с вашей стороны все было по-честному.

О'Коннелл удивился еще больше:

— Наверное, мне следует поверить вам, Эви.

— Называйте меня мисс Карнахэн, если вам не трудно. Теперь что касается вашей шкатулки...

— А-а, вас, наверное, интересуется Хамунаптра? — И его ослепительно белые зубы сверкнули на фоне небритого и очень загорелого лица.

Джонатан наконец поднялся, отряхнулся и подобрал свою шляпу.

— Потихе, парень! Здесь и у стен есть уши.

На самом деле уши имел, конечно, тот самый грязный охранник с сонными глазами, который устроился в углу камеры. И хотя английского, возможно, он не понимал, однако слово «Хамунаптра» было хорошо известно всем.

— Какие интересные вещи вы говорите, мистер О'Коннелл, — негромко произнесла Эвелин. — Почему же ваша шкатулка вызвала у вас и памяти название такого мифического места?

— Наверное, потому, что я как раз и находился в том самом мифическом месте, когда нашел ее.

Эвелин часто заморгала:

— Вы были там?

Да, и если бы потом мимо меня не прошел караван копателей из Каира, я бы сейчас не рассказывал вам все это.

Джонатан, потирая челюсть, все еще сердился на Рика. Однако он не удержался и

рявкнул:

— Откуда нам знать, что это правда? Может быть, этот парень разбирается в археологии, как свинья в апельсинах.

— Ну, во-первых, я не знаю, насколько компетентна свинья в цитрусовых. А во-вторых, попрошу вас подойти поближе к решетке еще раз...

— Нет уж, спасибо, — нервно улыбнулся Джонатан, отступая на шаг.

Однако Эвелин не имела ничего против этого грязного преступника и подошла к нему поближе:

— Значит, вы были там? В Хамунаптре?

Он снова широко улыбнулся девушке:

— Чтоб мне сдохнуть, леди, но я там действительно был. В тех местах, где правил Сети. И я видел этот проклятуший Город Мертвых.

— Вы, наверное, должны были благодарить за это Бога...

— Да, но там почему-то чаще вспоминался черт. Каждый день.

Эвелин нахмурилась:

Я совсем не то имела в виду. Вы могли бы поклясться, например, что...

Я вас прекрасно понял. Мне просто захотелось немного поводить нас за нос. За ваш миленький симпатичненький носик...

Девушка гордо приподняла подбородок и посмотрела на Рика свысока:

— Вы сейчас и таком положении, мистер О'Коннелл, что ваше заигрывание совершенно неуместно. Тем более что у меня к вам весьма серьезный разговор.

— Ну, и в чем его суть?

— Что вы там видели?

— Песок. Очень много песка.

— И что еще?

— Я видел смерть. И тоже в больших количествах. Никто не шутит и не рассказывает сказки, когда говорит, что это место проклято...

Это только предрассудки, мистер О'Коннелл, которые являются лишь показателем невежества. Меня интересуют научные данные. Мы с братом египтологи.

— Неужели? Тогда могу поспорить, что вам тоже захочется побывать в тех местах. В Хамунаптре, я хотел сказать.

— Не могли бы вы двое разговаривать чуть тише? — сердито вставил Джонатан.

Эвелин подошла еще ближе к решетке:

— Вы не могли бы рассказать мне, как попасть туда? Вы помните точное расположение города?

— Я могу для вас сделать нечто большее. Я сам приведу вас туда.

— Но, мистер О'Коннелл, вы сейчас, наверное, не в состоянии это сделать, если учесть все обстоятельства...

— Это еще как посмотреть...

— Может быть, вы просто расскажете, как туда попасть? Поясните мне в подробностях, где это место находится.

— Вам удалось открыть шкатулку?

— Ну... в общем, да.

— Значит, у вас есть и карта.

Эвелин метнула строгий взгляд в сторону брата, и тот лишь пожал плечами.

— Что касается карты, старик, — начал Джонатан, не рискуя приблизиться к решетке, — боюсь, нам с ней не повезло. Получилось так, что часть ее сгорела... причем именно та часть, которая нас интересует,

— Подойди поближе Джонатан, — попросил О'Коннелл, натянуто улыбаясь и маня молодого человека пальцем. — Я тебя плохо слышу...

Но Джонатан только сделал еще шаг назад.

— Вы же были там, — снова вступила в разговор Эвелин. — Значит, вы помните туда дорогу.

— Да, и могу взять вас с собой, — кивнул Рик.

— Каким образом?

— Ну, вы могли бы начать хотя бы с того, что...

Она приблизилась к прутьям:

— Ну? Говорите же!

— *С того, что вытащите меня отсюда, черт возьми!*

Эвелин отпрянула:

— Только не стоит при этом сквернословить, мистер О'Коннелл.

— Простите. В таком месте забываешь про приличие и этикет.

— Значит, вам действительно хочется узнать, как можно попасть туда?

— Да, конечно.

Он жестом попросил ее подойти поближе, взглядом давая понять, что он побаивается, как бы охранник не подслушал их беседу. Эвелин придвинулась вплотную к прутьям, и в этот момент Рик изловчился и поцеловал девушку в губы.

Затем он распутно подмигнул ей и усмехнулся:

— Вытащи меня отсюда, милая, и мы вместе отправимся навстречу восхитительным приключениям.

От охранника, разумеется, не ускользнула такая недопустимая развязность во время свидания с посетителями, и пока О'Коннелл разговаривал с Эвелин, грязный сонный охранник уже приближался к нему, готовый снова ударить Рика о прутья.

Но на этот раз О'Коннелл быстро развернулся, вцепился в араба и вдавил его в прутья лицом так, что у того глаза полезли на лоб. Через мгновение к Рикю уже подскочили другие охранники и, ругаясь, поволокли его из камеры.

— Было приятно познакомиться! — выкрикнул напоследок заключенный.

В следующую секунду он исчез за углом, в темноте зловонной тюрьмы, увлекаемый в ее недра грязными арабами-охранниками.

Неожиданно возле Эвелин снова возник начальник тюрьмы.

— Боже мой! — воскликнула девушка. — Они его сейчас будут бить?

— Нет-нет, мисс Карнахэн, — сладко запел Хасан. На это у них уже не остается времени.

— Не остается времени? Какого времени?

— Его сейчас повесят.

— Повесят?!

— Ну да. Он дезертировал из Иностранного Легиона. Я же говорил вам. А за такой проступок полагается смертная казнь через повешение.

— Но Французский Легион не имеет здесь никаких полномочий, — вступил в разговор Джонатан. — Это же не Алжир, слава Богу...

— Мы с вами цивилизованные люди, мистер Карнахэн. Мисс Карнахэн, у нас с ними... как бы лучше выразиться? Взаимная договоренность, что ли. Легион платит нам по пятьдесят ваших фунтов за человека, и мы помогаем им, освобождаем от всех трудностей и официальных процедур, связанных с выдачей дезертиров. Ну а теперь прошу меня извинить. Я должен присутствовать при казни. Это, конечно, просто пустая формальность, но я приверженец строгих порядков и выполняю все, что от меня требует закон.

— Возьмите меня с собой, — попросила Эвелин.

— Сестренка, это еще зачем? — застонал Джонатан.

— Об этом не может быть и речи, замотал головой начальник тюрьмы. В моей стране женщинам не разрешено присутствовать при казни.

Девушка снова гордо вздернула подбородок:

— В вашей стране женщины носят паранджу. Вы видите ее на моем лице? Я англичанка, в конце концов.

Хасан только пожал плечами:

— Если хотите. Но, в отличие от вашего лица, повешение — штука вовсе не такая уж приятная, моя дорогая.

* * *

Вскоре Джонатан и Эвелин в сопровождении Хасана очутились на балконе, выходящем в другой двор тюрьмы. У зарешеченных ниш толпились заключенные, взглядам которых открывалась виселица, поставленная посреди двора. Эшафот не был ничем закрыт, поэтому можно было видеть, как тело повешенного будет извиваться в последних конвульсиях. Начальник тюрьмы не был садистом, но считал, что иногда заключенным стоит развлечься.

Таким же развлечением можно было считать и появление Эвелин. Из-за всех решеток на нее тарасились узники. Однако вполне ожидаемых свистков с их стороны не последовало. Заключенные, с лицами, обезображенными шрамами, косматыми бородами, одноглазые, с гнилыми зубами, молча смотрели на нее. Они напоминали стаю голодных шакалов, увидевших свежее мясо.

— Женщина без паранджи, — пояснил начальник тюрьмы, приподнимая бровь, словно хотел добавить: «Я же вас предупреждал». — Вы могли бы с таким же успехом прийти сюда и вовсе без одежды.

Эвелин не обратила внимания на его замечание, поскольку не сводила глаз с заключенного, которого выволокли на тюремный двор те же охранники, которые так грубо обошлись с ним и конце их свидания. Рика втащили на эшафот и поставили на люк. Палач в маске, обнаженный до пояса, в широких штанах, накинул петлю заключенному на шею и туго затянул ее. В этот момент О'Коннелл увидел на балконе Эвелин и Джонатана. Сначала он нахмурился, потом улыбнулся.

Начальник тюрьмы занял свое место, и Эвелин села рядом с ним. Джонатан предпочел стоять.

— Я вам дам на пятьдесят фунтов больше, чем заплатил за его смерть Легион, но только оставьте этого человека в живых, — обратилась Эвелин к Хасану.

Джонатан даже не поверил собственным ушам. Сто фунтов за этого обормота? Правда, он мог бы привести их в Хамунаптру...

Нос начальника тюрьмы задергался, как у возбужденного кролика:

— Я сам бы заплатил сто фунтов только за то, чтобы посмотреть, как повесят этого дерзкого поросенка.

— Тогда двести, — не отступала девушка.

— Двести фунтов? — переспросил Джонатан. Он не выдержал и тяжело плюхнулся на скамейку рядом с сестрой.

— Двести фунтов, — подтвердила Эвелин, кивая.

Но начальник тюрьмы отрицательно мотнул головой и поднял руку:

— Начинайте! — крикнул он палачу, который стоял возле смертоносного рычага. На лбу у О'Коннелла от напряжения выступили капли пота: он слышал каждого слово переговоров между Эвелин и начальником тюрьмы.

— Триста фунтов! — продолжала девушка.

Джонатан вцепился в плечо сестры и торопливо зашептал:

— Ты что, спятила? Это все наше годовое пособие! И ты согласна отдать его за этого мерзавца?

Эвелин строго взглянула на брата и одними губами беззвучно произнесла: «Хамунаптра».

Однако начальник тюрьмы даже не стал отвечать на последнее предложение девушки. А там, внизу, возле виселицы, палач уже спрашивал О'Коннелла:

— У тебя есть последнее желание?

— Да, конечно. Нельзя ли перенести это мероприятие, например, на завтра? У меня после вашего супа из рыбьих голов появилась какая-то тяжесть в животе.

Палач замер на месте. Ему до сих пор не приходилось слышать ничего подобного. Он повернулся к балкону и прокричал просьбу осужденного, обращаясь к Хасану, хотя и начальник тюрьмы, и его гости прекрасно слышали каждое слово О'Коннелла.

— Нет-нет, — нетерпеливо отмахнулся начальник тюрьмы. — Никто не будет ждать до завтра. Продолжайте!

Смущенный палач пожал плечами, глядя на О'Коннелла, словно хотел сказать: «А я-то тут при чем?», и схватился за рычаг, раскрывающий люк под ногами осужденного.

Джонатан закрыл лицо руками.

Начальник тюрьмы посмотрел на Эвелин, затем крикнул палачу:

— Подожди! — и снова взглянул на девушку: — Вы говорите, пятьсот фунтов?

— Да.

Хасан положил руку на ногу Эвелин, чуть выше колена:

— Я соглашусь, если вы предложите мне другое вознаграждение, нефинансовое... если вы будете добры ко мне. Понимаете, я одинокий человек, и у меня очень тяжелая работа...

Эвелин убрала руку Хасана, брезгливо приподняв ее средним и большим пальцами, как будто пыталась отделаться от какого-то омерзительного насекомого. Затем она отвернулась и пару раз кашлянула, выражая этим свое отвращение.

Начальник тюрьмы оказался человеком гордым, и его сильно ранил безумный смех заключенных, которые стали свидетелями такого жестокого отказа.

Опустив вниз большой палец — жестом, достойным Нерона, — он приказал палачу довести дело до конца.

И тот немедленно повиновался.

Люк под ногами О'Коннелла распахнулся, и одновременно с диким криком Эвелин: «Не-е-ет!» бывший капрал Иностранного Легиона рухнул вниз, натягивая веревку.

Тело его дернулось...

...но при этом он остался жив и принялся отчаянно лягаться и извиваться, болтаясь в воздухе!

— Надо же, какая удача! — игриво покачал головой начальник тюрьмы, складывая пальцы рук вместе. — Редкое явление. У него не сломалась шея. Так что мы сможем еще некоторое время понаблюдать за тем, как он будет дергаться, пока не задохнется окончательно.

Остальные заключенные отреагировали на случившееся по-разному. Кого-то предсмертные муки О'Коннелла развеселили. Отовсюду раздавался одобрителный хохот. Другие, напротив, проявили свое недовольство. Наверное, они были возмущены тем, что осужденному приходится так долго страдать. Или они были разочарованы, что им не удалось понаблюдать за тем, как у человека ломается шея?

Джонатан, разумеется, не получил никакого удовольствия, глядя на несчастного, лицо которого сильно покраснело от прилива крови. О'Коннелл продолжал отчаянно вертеться на веревке, борясь с удушьем.

Эвелин что-то прошептала на ухо начальнику тюрьмы. Джонатан вздрогнул: конечно же, она не намерена предложить этому типу...

— Хамунаптра? — широко раскрыв глаза от удивления, переспросил Хасан. — Вы лжете!

— Я никогда не лгу! Я добропорядочная женщина.

Хасан нахмурился:

— Так значит, этот грязный поросенок знает, как найти Город Мертвых со всеми его сокровищами?

— Да...и если вы прикажете обрубить веревку, мы предложим вам... пять процентов.

О'Коннелл, задыхаясь, но все же продолжая слушать разговор Эвелин и Хасана, каким-то образом умудрился прохрипеть: «Пять процентов?» Глаза его были выпучены, как полагал Джонатан, из-за того, что он был поражен жадностью Эвелин. Но, наверное, еще и потому, что он задыхался и был близок к смерти.

— Ну, хорошо, — продолжала Эвелин. — Десять процентов.

— Пятьдесят, — отрезал начальник тюрьмы.

— Двадцать.

— Уступите... уступите же ему... — хрипел О'Коннелл, и лицо его стало приобретать синюшно-багровый оттенок.

— Сорок, — проговорил Хасан.

— Тридцать.

— Я... я умираю! — раздался прощальный стон О'Коннелла.

— Двадцать пять, — снизил свою долю начальник тюрьмы.

— Согласна! — воскликнула Эвелин, и они пожали друг другу руки.

Начальник тюрьмы одарил ее своей незабываемой улыбкой, обнажая зеленые зубы, и что-то выкрикнул палачу на арабском. Тот взмахнул кривым мечом, разрубил веревку, и О'Коннелл рухнул на землю.

Полумертвый, Рик покотился по гравию двора, все еще задыхаясь и откашливаясь. Но

теперь он стал героем дня: все заключенные ликовали. Они, аплодировали ему, одобрительно свистели и смеялись от радости. Правда, сам Рик еще не мог прийти в себя, а потому не сумел по достоинству оценить вновь обретенную свободу.

Джонатан сейчас чувствовал себя немногим лучше О'Коннелла. Надо же! Им придется отдать двадцать пять процентов! Ну, теперь уж они точно должны дойти до Города Мертвых...

Эвелин поднялась со скамьи и, перегнувшись через перила балкона, улыбалась своему новому партнеру.

— Мне тоже очень приятно было познакомиться, — сообщила она.

В это мгновение О'Коннелл потерял сознание.

Глава 6 «Ночь на Ниле»

Нил с его двумя рукавами — Белым и Голубым — самая длинная река в мире и единственная, насколько знал Ричард О'Коннелл, текущая с юга на север. Все в этой идиотской стране теснились к его берегам и идущим от русла каналам. И в Каире, и дальше, к югу, где долина Нила раскинулась на пять миль в ширину.

Под жарким палящим дневным солнцем река казалась полосой блестящего сатина, оттенком чуть темнее безоблачного неба. То тут, то там на берегах возвышались пирамиды. По спокойной глади изящно скользили лодки с пассажирами и грузом, а их паруса напоминали распростерты крылья чаек.

Умиротворенность этого пейзажа сводила на нет суета, царящая на мостках пристани рядом с причалами порта Гизы. Там сквозь толпы арабов в тюрбанах и одеждах, похожих на ночные рубашки, проталкивались туристы и группы путешественников. Повсюду мельтешили торговцы и наперебой предлагали простакам вещицы, якобы добытые при раскопках гробницы Тутанхамона. И, конечно же, вездесущие попрошайки требовали «бакшиш».

Это слово, означавшее «дайте что-нибудь», стало буквально национальным гимном. Его почти пропевали. О'Коннелл с джутовым рюкзаком на плече игнорировал все просьбы. Даже на мальчика, скулящего «папа-мама умер, живот пустой», он не обратил ни малейшего внимания. Рик достаточно долго прожил в Египте и знал: стоит подать монетку одному, как тут же набросится вся свора. Получится, как с той ехавшей на бал женщиной, вздумавшей подать милостыню у паперти Нотр-Дам.

Благодаря двадцати фунтам, которые О'Коннелл выпросил у своей спасительницы мисс Эвелин Карнахэн, чтобы кое-что приобрести, он превратился совсем в другого человека. Гладковыбритый, подстриженный и причесанный, он выглядел великолепно и прекрасно сознавал это. Белоснежная рубашка без намека на круги от пота под мышками, брюки, заправленные в начищенные сапоги, и коричневый шейный платок, закрывающий след от веревки, делали его поистине неотразимым.

Он сразу заметил в толпе своих компаньонов. Эвелин была в белой широкополой шляпе и голубом платье. Покрой его мог бы показаться старомодным, но соблазнительные формы, которые оно подчеркивало, заставляли забыть об этом. Ее брат красовался в пробковом шлеме и костюме цвета хаки. Брат и сестра тащили тяжеленные саквояжи, умудряясь одновременно держаться с достоинством, придерживать головные уборы и следить за сохранностью кошельков. Это было нелишне, учитывая орду нищих и торговцев, через которую им приходилось продираться. Они направлялись к пароходу «Ибис», пришвартованному возле пристани.

Нагоняя своих спутников, О'Коннелл слышал их спор.

— Как мы можем быть уверены в том, что он вообще появится здесь? — говорила Эвелин. — Сейчас он, скорее всего, где-нибудь в баре пропивает мои двадцать фунтов.

— Это больше похоже на меня, сестренка, чем на О'Коннелла. Он обязательно придет, вот увидишь. Эти американцы все считают себя настоящими ковбоями. Они парни честные и всегда держат свое слово. Потому что больше у них за душой ничего нет.

— Ну, что касается меня, — высокомерно заявила Эвелин, — я считаю, что он просто неопрятный, дерзкий и нахальный тип. Он мне ничуть не понравился.

— Я с ним, случайно, незнаком? — внезапно поинтересовался О'Коннелл, возникая рядом с девушкой.

Она широко раскрыла глаза от удивления и смущения. О'Коннелл сразу понял, что вовсе не прочь с головой окунуться в эти глаза. А ее губки, такие пухлые и чувственные...

Рик спохватился: ему не хотелось доставлять девушке удовольствия от осознания того, что ею восхищаются. Однако сам он даже не заметил, что она тоже не скрывает своего восторга при виде такого элегантного джентльмена.

— Добрый день, О'Коннелл, — обратился к американцу Джонатан, одновременно беря его под руку и кивая в сторону девушки: — Ты не обращай внимания на слова сестры. Она вспоминала какого-то другого нахала.

— Мне показалось, что это просто отвратительный экземпляр, — заметил О'Коннелл, чуть заметно усмехнувшись.

— Здравствуйте, мистер О'Коннелл, — нервно улыбнулась Эвелин, делая вид, будто не поняла, что он ее поддразнивает.

— Они подошли к трапу парохода. Их начали обступать нищие, которые вопили на весь голос: «Бакшиш!»

— Великолепный день для того, чтобы отправиться навстречу приключениям, — заметил Джонатан, кладя руку на плечо О'Коннеллу.

— Действительно, — кивнул О'Коннелл, после чего отделался от руки Джонатана и, остановившись на пару секунд, проверил, на месте ли его бумажник.

— Дорогой мой, — Джонатан вздохнул и прижал ладонь к сердцу, словно его оскорбили в лучших чувствах. — Я никогда не стал бы ничего красть у партнера.

— Приятно узнать, что у тебя в этом деле есть какая-то система. Как твоя челюсть?

Кровоподтек от удара О'Коннелла переливался на щеке англичанина всеми цветами радуги, как неизвестный экзотический цветок.

— Забудь об этом, приятель, — бодро отозвался Джонатан. — Со мной такое частенько происходит.

— Охотно верю.

Эвелин с громким стуком уронила тяжелые сумки на причал, так, чтобы привлечь внимание обоих мужчин. Откашлявшись, она нарочито официально начала:

— Мистер О'Коннелл, как вы знаете, у нас впереди длительное путешествие...

— Да, мэм: день пароходом и два на верблюдах.

— Совершенно верно. И вот пока мы не пустились в наше опасное путешествие, обрекая себя на дискомфорт и неудобства, не говоря уже о расходах... Можете ли вы посмотреть мне в глаза и убедить меня в том, что наше предприятие отнюдь не авантюра и не имеет своей целью избавить меня от денег?

— Что?

Миловидное лицо Эвелин зарделось. Из-за тени, отбрасываемой полями шляпы, оно приняло какой-то синеватый оттенок. Она надменно задрала подбородок и свысока взглянула на американца. Подобное выражение, по мнению Рика, ей совершенно не шло.

— Несмотря на то, что вы, возможно, могли предположить, мы с братом вовсе не богачи. Поэтому у нас нет никакого желания рисковать жизнью и своими скромными доходами из-за... как там говорится?

О'Коннелл вопросительно поднял бровь:

— Журавля в небе? — подсказал он.

— Да, что-то в этом роде. Я понимаю, что человек, оказавшийся у подножья виселицы, вполне мог опуститься до обмана, чтобы спастись. Если именно это и произошло, то я даю свое разрешение и даже благословляю вас...

— Если уж вы хотите знать все до конца, то скажу вам честно, — О'Коннелл сделал несколько шагов к той, которая осмелилась говорить с ним столь высокомерно, и почти столкнулся с ней. Ее глаза расширились, а ресницы затрепетали, как крылья испуганной бабочки. — Послушайте, леди. Я и мой батальон в двести человек во главе с полковником прошагали всю Ливию и часть Египта, чтобы очутиться в вашем драгоценном Городе Мертвых. Так они нашли его и присоединились к «жителям». Все, кроме меня. Теперь я и сам горю желанием отправиться туда, потому что эти проклятые пески взяли надо мной верх. И на этот раз я намереваюсь победить. Я отправлюсь туда с вами или без вас. Вообще, вам самой лучше бы остаться в Каире, а мы с вашим братом рискнем.

Эвелин не отпрянула, а осталась на месте, хотя О'Коннелл находился на непозволительно близком расстоянии от нее.

— Нет уж, спасибо. У меня свой интерес.

Отступив на шаг назад, Рик пожал плечами, совершенно одурманенный ее духами с запахом сирени.

— Ладно, расслабьтесь. Я позабочусь о вашем багаже.

Закинув на плечо рюкзак, О'Коннелл подхватил ее сумки и направился к сходням. Он не слышал, как Джонатан шепнул сестре:

— Пожалуй, ты права, сестренка. Это действительно нахальный тип, и восхищаться им нечего.

И тут О'Коннелл услышал голос, который предпочел бы не слышать больше никогда. Обращаясь к Карнахэнам, его обладатель пропел:

— Позвольте пожелать вам доброго дня.

Рик, дошедший уже до середины трапа, резко обернулся. Однако Эвелин среагировала раньше, чем избавила присутствующих от пары крепких выражений.

— Что вы здесь делаете?

Начальник каирской тюрьмы галантно приподнял потертую шляпу с загнутыми полями, которая несколько странно дополняла его заляпанный костюм.

— Я пришел, чтобы защищать свои инвестиции, — важно заявил Гад Хасан. — Мой народ хорошо знает, что англичане говорят вежливо, но всегда готовы выхватить землю буквально из-под ног.

Поклонившись, Хасан с саквояжем проследовал на палубу «Ибиса», по дороге дружелюбно улыбнувшись О'Коннеллу, который бросил в сторону жирного маленького ублюдка гневный взгляд.

— Забудем о прошлом, — буркнул начальник тюрьмы.

О'Коннелл поставил сумки и, потирая шею, зловеще заметил:

— Если тебе понадобится галстук, только попроси.

Хасану не понравилось предложение американца, и он поспешил убраться куда-то на нос парохода.

Рик доставил багаж Эвелин Карнахэн к двери ее каюты и отпросился осмотреть судно.

— Делайте все, что считаете нужным, мистер О'Коннелл, — четко произнесла девушка. — Я вам не начальник.

— Ну и не забывайте об этом, — ответил он, и Эвелин, фыркнув, удалилась в каюту.

— Эви всегда слишком прямолинейна, — понимающе высказался Джонатан, волоча свой багаж. — Не обращай на нее внимания. Ее поведение означает только то, что ты ей очень поправился.

— Она выбрала занятный способ продемонстрировать это.

— Но так поступает большинство женщин, разве нет? Во всяком случае те, с которыми стоит иметь дело. Увидимся за ужином.

— Увидимся за ужином.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Пароход представлял собой ветхое деревянное сооружение двадцати футов шириной и ста пятидесяти длиной. Этакая славная двухпалубная пассажирская лохань. Нижнюю палубу занимали каюты для пассажиров, а верхняя служила для размещения багажа. Часть верхней палубы была затянута тентом, под которым располагались столики со стульями, откуда пассажиры могли любоваться проплывающим мимо зелено-бежевым пейзажем. Пароход шел со скоростью шесть миль в час, управлял им рулевой-нубиец с небольшой бородкой, в тюрбане и бурнусе. Курс он прокладывал так, что посуда двигалась от одного берега к другому, словно змея.

Следом за собой пароход тащил сбитую из грубых досок баржу, предназначенную для перевозки лошадей, верблюдов, а также пассажиров второго и третьего классов. Люди прихватили с собой циновки, на которых и должны были спать прямо на палубе.

В столовой на пароходе в восемь часок накрывали табльдот. Кроме О'Коннелла, все явившиеся пассажиры были в вечерних костюмах. Гостей элегантно обслуживали официанты-нубийцы в белых одеждах с красными кушаками. О'Коннелл сидел за столом вместе с Карнахэнами и не спускал глаз со своего рюкзака. Они ни словом не обмолвились о предстоящей им миссии, предпочитая держать само название «Хамунаптра» при себе из-за множества посторонних. Кроме них за столом находился начальник тюрьмы Хасан, пара миссионеров, несколько коммивояжеров и группа охотников на крупную дичь.

Еда оказалась отменной. Пассажирам были предложены прозрачный бульон со специями, вареная рыба, только что выловленная в Ниле, рагу из дичи, жареная баранина с мятной подливкой, рис, бобы, салат из томатов, пудинг и фрукты...

О'Коннелл с волчьей жадностью принялся поглощать все это, да так торопливо, что Джонатан не удержался и заметил:

— Боже мой, приятель, мне кажется, еще немного, и ты примешься поедать даже скатерть.

— Я рекомендую тебе делать то же самое. Учти, что в пустыне нам такого ужина никто не предложит.

Джонатан на секунду задумался и последовал совету О'Коннелла.

После ужина Рик вышел на нижнюю палубу и некоторое время любовался луной, которая в свою очередь наслаждалась собственным отражением в переливающихся и сверкающих водах Нила. По обоим берегам реки простиралась пустыня, тихая и умиротворенная, цвета слоновой кости. В такие минуты О'Коннелл вспоминал, почему он решил оставить Чикаго и отправиться на поиски приключений. Но в этот момент его словно ужалили, и он поспешил в бар, находившийся в передней части парохода.

За центральным столом, где устроились четверо американцев и Джонатан, полным ходом шла игра в покер. О'Коннелл некоторое время стоял рядом и молча наблюдал за картежниками, положив свой рюкзак у ног. Здесь никто ни с кем не знакомился, так как

покер не предусматривал подобных любезностей и утонченных манер. Но очень скоро О'Коннелл и сам догадался, что американцы направлялись на какие-то раскопки. В экспедиции был и египтолог, доктор Чемберлен, мужчина лет пятидесяти, с тонкими белыми усиками и ясными голубыми глазами. С виду он очень походил на профессора университета.

Остальные мужчины представляли собой грубых и неотесанных молодцов, каждому из которых было лет под тридцать или чуть больше. Все эти горячие сердца, искатели приключений на свою голову, напомнили О'Коннеллу его самого: и светловолосый Хендерсон, громогласный и чуточку надменный, и спокойный, задумчивый смуглолицый Дэниэлс, и Бернс, простодушный и всегда веселый. Правда, ему постоянно везло, и возле него на столе уже образовалась солидная кучка долларовых купюр и монет разного достоинства.

Бернс тщательно протирал носовым платком свои очки в тонкой оправе. С полминуты назад Хендерсон шлепнул перед ним на стол колоду карт.

— Господи, Бернс, ты прекрасно все видишь! — прорычал Хендерсон, не вынимая изо рта толстой сигары. — Сколько можно? Снимай колоду!

Бернс надел очки и ответил:

— Чтобы снять колоду, ее надо, прежде всего, увидеть.

— Присоединяйтесь к нам, мистер О'Коннелл, — предложил Джонатан, жестом приглашая Рика присесть на свободный стул. — Устраивайтесь. Мы можем принять еще одного игрока.

— Нет, спасибо. Игрок из меня никудышный.

— Позвольте вам не поверить, — заметил Хендерсон, ухмыляясь и раскладывая карты в руке веером. — Только отчаянный человек и истинный игрок может отправиться на поиски Города Мертвых.

— Что-что я, по-вашему, должен искать?

— Вы прекрасно слышали мои слова, О'Коннелл. Неужели вы никогда не играли и даже не бились о заклад?

— На деньги? Не приходилось.

— Жаль. Потому что я, например, имею пятьсот монет и готов поспорить на них, что наша милая компания доберется до Хамунаптры быстрее вас.

О'Коннелл попытался изобразить на своем лице улыбку:

— А, так вы, значит, отправились на поиски Города Мертвых, да?

— И мы его обязательно найдем.

— И, как вы уже сказали, по-вашему, я тоже намерен отыскать его?

Хендерсон рассмеялся:

— Вот именно.

— Это кто же вам сказал?

— Вот этот маленький лорд Фаунтлерой, — и Хендерсон небрежно ткнул большим пальцем в сторону Джонатана, который нервно улыбнулся, затем, встретившись с суровым взглядом О'Коннелла, опустил глаза и, насвистывая, с самым невинным видом продолжил изучать сданные ему карты.

Хендерсон оскалился, демонстрируя желтоватые зубы:

— Ну, так как же, О'Коннелл, что скажешь насчет нашего спора? По рукам?

О'Коннеллу было наплевать на этого коренастого потного американца, но только

человек, который бежит из родного города для того, чтобы вступить в Иностраннный Легион, вряд ли проигнорирует тот факт, что ему сейчас, но сути дела, бросили самый настоящий вызов.

— Согласен, — коротко ответил Рик.

Египтолог доктор Чемберлен уже давно изучил свои карты и теперь внимательно разглядывал О'Коннелла, словно перед ним находился таинственный иероглиф, который ему следовало расшифровать.

— Почему вы так уверены в себе, молодой человек? — поинтересовался он, обращаясь к Ричарду.

— А почему он так уверен? — в свою очередь спросил О'Коннелл, кивая в сторону Хендерсона.

Тот выпустил изо рта колечко дыма и, прищурившись, усмехнулся:

— А может быть, в нашей команде имеется человек, который раньше там бывал.

— Где «там»?

— Ну, а ты сам как думаешь? В самом Городе Мертвых. В Хамунаптре.

— Послушайте, — вмешался в разговор Джонатан. — Это какое-то совпадение. Между прочим, у нас тоже...

Но он так и не закончил фразу, потому что как раз в этот момент О'Коннелл, подняв с пола свой рюкзак, ловко перекинул его через плечо, «случайно» больно ударив им Карнахэна по ребрам.

— Ой! — вскрикнул Джонатан, но тут же пришел в себя и бодро спросил: — На чем мы остановились? Чья очередь делать ставку, джентльмены?

О'Коннелл в это время уже направлялся на палубу.

— Помните, что вы поспорили со мной! — крикнул ему вслед Хендерсон.

— Помню, джентльмены. Спокойной ночи.

Он сделал шаг вперед и услышал радостный возглас Бернса:

— А у меня опять фул, джентльмены!

— Тебе сегодня просто везет, как никогда, — хмуро отозвался Хендерсон.

— Ничего, вечно это продолжаться не может, — успокоил товарища Дэниэлс, впервые подавая голос.

Ветерок из пустыни дул не просто прохладный: его смело можно было назвать холодным, что, впрочем, характерно для ночей на Ниле. Очень скоро О'Коннелл обнаружил, что на верхней палубе никого нет, кроме Эвелин Карнахэн. Луна светила достаточно ярко, и, пользуясь этим, Эвелин читала книгу. Сейчас молодая женщина была без шляпы. Она устроилась за плетеным столиком, на котором стояла чашка чая, и увлеченно поглощала произведение Форстера «Путешествие в Индию». О'Коннелл бросил свой рюкзак рядом с ней, и она вздрогнула от неожиданности.

— Простите, — тут же извинился Рик. — Я не хотел вас пугать.

Гордо подняв подбородок, Эвелин тут же заявила:

— Единственное, что меня пугает, мистер О'Коннелл, так это ваше полное незнание правил этикета.

Рик неопределенно пожал плечами:

— Простите, я действительно не захватил с собой ни одного вечернего костюма.

— Я имела в виду совсем другое.

— Что же?.. Надеюсь, вы не обиделись за то, что я вас чмокнул тогда, в тюрьме?

— Что значит «чмокнул», мистер О'Коннелл?

— Ну, поцеловал.

— И это вы называете поцелуем?!

Эвелин снова углубилась в книгу, а О'Коннелл, пожав плечами, опустился на колени у своего рюкзака и начал вынимать оттуда различные предметы, в основном оружие: два револьвера, несколько охотничьих ножей, штурцер и с полдюжины динамитных шашек.

Эвелин удивленно приподняла брови и, оторвавшись от книги, произнесла:

— Наверное, я что-то неправильно поняла? Значит, мы едем на войну?..

— Нам с вами уже удалось пережить несколько неприятных моментов, если можно так выразиться... Послушайте, в последний раз, когда мне пришлось заглянуть в ваш драгоценный Город Мертвых, получилось так, что всех, кроме меня, убили.

О'Коннелл устроился за плетеным столиком напротив Эвелин. Оружие было разложено у его ног. Теперь он принялся доставать из рюкзака большие патроны и не спеша заряжать штурцер.

— Я полагаю, что некоторые меры предосторожности все же будут нелишними, — согласилась девушка.

Рик поднял голову и посмотрел на нее:

— Вы успели заметить группу американцев, путешествующих вместе с нами?

— Этих грубиянов во главе с профессором?

— Ну да. Они самые.

Она быстро кивнула:

— Да, я их заметила. Кстати, и узнала одного из них. Это египтолог доктор Чемберлен. Раньше он работал при музее Метрополитен в Нью-Йорке, но потом там разразился какой-то скандал и профессор был вынужден уйти. Там началась какая-то шумиха насчет разграбления гробниц или что-то в этом роде, я уже не помню.

— Догадайтесь, за какими сокровищами он решил поохотиться на этот раз, — усмехнулся О'Коннелл.

Не может быть... Хамунаптра? Какое дикое, чудовищное совпадение!

— Я не верю ни в Санта-Клауса, ни в дикие совпадения... Но...

Эвелин нахмурилась:

— Что «но», мистер О'Коннелл?

— И все-таки там что-то есть.

— Простите, не поняла...

— Под песком.

— Ну конечно, есть. Невообразимые сокровища, которые так притягивают моего брата. — Она вздохнула и печально покачала головой. — Боюсь, что Джонатан немногим лучше этих ужасных американцев, охотящихся за богатством.

— А что же так притягивает вас?

Эвелин постучала пальцами по обложке «Путешествия в Индию»:

— Одна книга.

— Книга.

— Да, но вам меня не понять. Это уникальная вещь... А что, по вашему мнению, еще может там находиться?

О'Коннелл смотрел на поблескивающую воду Нила, а пароход тем временем продолжал настойчиво преследовать луну.

— Что-то очень древнее, мисс Карнахэн, древнее, чем сама цивилизация... зло.

— Зло?

— Да-да, зло. Туареги и бедуины считают, что над этим местом довлеет проклятье. И ваша Хамунаптра на их языке означает «Двери в ад».

Эвелин снова изумленно выгнула брови:

— Вы правы. Я читала об этом. А на древнеегипетском это место называлось буквально «проход в подземный мир».

О'Коннелл принялся чистить и смазывать револьверы, которые приобрел по случаю в магазине, занимающемся продажей подержанного оружия.

— Но из книг вы никогда не узнаете, что такое зло.

— Мистер О'Коннелл, дело в том, что я тоже не верю в Санта-Клауса, равно как и в проклятья. Однако я верю в то, что где-то под теми песками похоронена одна из знаменитейших книг в истории человечества, а именно Книга Амон-Ра. Она словно заколдовала меня, когда я еще была ребенком... Тогда мне о ней рассказывал отец...

— И что же вас так заинтересовало? Наверное, то, что эта книга сделана из чистого золота?

Эвелин чуть не передернуло от возмущения, но она сдержалась:

— Ну... да, конечно...

— И после этого вы будете утверждать, что не являетесь охотником за сокровищами?

Она напряглась:

— Мистер О'Коннелл, цели, которые я преследую, являются чисто научными.

— Ах вот оно что.

Лицо Эвелин приобрело более мягкое выражение: Рик сумел произвести на нее впечатление.

— Но я должна сказать вам... что, к вашему сведению, Книга Амон-Ра была специально сделана из золота. Однако вы действительно кое-что понимаете в истории. Вот уж никогда бы не подумала...

— Скорее, я понимаю кое-что в сокровищах, — усмехнулся Ричард.

Луна отыскала в небе облако и спряталась за него. Лишившись возможности читать дальше и, видимо, несколько сбитая с толку разговором с Риком, Эвелин встала из-за столика:

— Не сомневаюсь в этом. Спокойной ночи.

Однако девушка не уходила. Она продолжала стоять на месте, очевидно, собираясь с духом, чтобы о чем-то спросить Рика.

— Вы что-то хотели мне сказать, мисс Карнахэн?

— Я думала вот о чем... почему вы все же поцеловали меня тогда, в тюрьме?

Он нарочито небрежно пожал плечами:

— Черт возьми, да ведь каждый приговоренный к смертной казни имеет право на последнее угощение, что ли...

Эвелин чуть не задохнулась от возмущения. Она широко раскрыла глаза, произнесла невнятно: «Ну-ну!» и быстро зашагала прочь.

— А что я такого сказал? — обратился О'Коннелл к самому себе, взял оружие и продолжил свое занятие.

Рюкзак был почти полностью заново упакован, и Рикуну осталось проверить только небольшой арбалет, чем-то напоминающий крохотное ружье, как в этот момент он уловил

неподалеку от себя какое-то движение и почувствовал, что он на палубе не один. О'Коннелл не спеша поднялся, перешагнул через рюкзак, затем резко повернулся, бросился в сторону и вытащил из-за огромного ящика маленького человечка.

В его руке извивался, как хорек, Бени Габор, тот самый негодяй, который так коварно закрыл дверь перед носом своего «боевого товарища» в Хамунаптре. Сейчас Бени беспомощно улыбался, тщетно пытаясь освободиться. Он был одет в некое подобие черной пижамы с красными подтяжками, такого же цвета феску и легкие сандалии.

— Так ты, оказывается, жив! — просиял Бени, неубедительно пытаясь выразить на своем лице радость и хлопая в ладоши. — Это настоящее чудо! Мой друг Рик выжил!

— Но только не благодаря тебе. — сказал О'Коннелл и приставил острие стрелы арбалета к шее Бени. Тот прижался к ящику и поднял руки вверх.

— Но как получилось, что ты остался в живых?

— Наверное, мне повезло, так же, как и тебе, Рик. Вокруг развалин бродили верблюды погибших воинов. Когда я понял, что опасность миновала, то потихоньку выбрался из своего укрытия и отловил себе парочку... Только убери эту штуковину от моей шеи, хорошо?

— Зачем? Почему бы мне не убить это жалкое создание?

Как бы неуютно ни чувствовал себя Бени, он все же попытался улыбнуться, хотя ухмылка у него получилась отвратительная.

— Потому что... наверное, это не понравится твоей спутнице. Она довольно привлекательна, ну, в смысле, как может быть привлекательна учительница. Но только я посоветую тебе, Рик, быть осторожней. Ты сам знаешь, что тебе с дамами не очень везет... Они — твоя слабость.

О'Коннелл вдавил острие стрелы чуть сильнее в шею Бени:

— Я должен был сразу догадаться, что это ты взялся отвести туда тех американских неотесанных мужланов. Что за сюрприз ты готовишь на этот раз? Бросишь их на половине пути на растерзание своим родственникам — грифам?

Лоб Бени покрылся каплями пота.

— Роскошный план, Рик, но, к сожалению, он невыполним. Может быть, эти американцы просто грязные свиньи, но они еще и умные свиньи ко всему прочему.

О'Коннелл убрал руку с арбалетом и грубо рассмеялся:

— Они выделили тебе только половину суммы, а вторую пообещали отдать потом, когда ты приведешь их на место, да?

Бени кивнул с мрачным видом, потирая пальцами то место на шее, где только что острие стрелы оставило на коже маленькое красное пятнышко.

— Американцы, они все такие, — подтвердил О'Коннелл, сочувственно покачивая головой. — Тебе придется туговато, поскольку сначала нужно будет переступить через меня.

Бени добродушно раскинул руки:

— Но мы же не соперники, Рик, мы с тобой друзья, товарищи...

— Пошел к черту, хорек!

Глаза Бени заблестели в лунном свете:

— А я уже был в гостях у черта, Рик, так же, как и ты. Но из-за сокровищ я вынужден вернуться туда. А какая у тебя отговорка на этот счет? Я помню, что жадным тебя никак нельзя было назвать.

Где-то внизу послышался легкий вскрик. Кричала, по всей очевидности, женщина.

О'Коннелл взглянул туда, откуда донесся этот звук, и увидел Эвелин. Она прогуливалась

по нижней палубе и подошла очень близко к барже, к тому месту, где стояли лошади и верблюды. Один верблюд вытянул шею в ее сторону. Очевидно, ему удалось легонько ущипнуть девушку. Вот он снова попытался укусить ее за руку, она еще раз вскрикнула и поспешила прочь.

Бени не сводил с О'Коннелла хитрых глаз, и по его виду можно было предположить, что он о многом догадывался.

— Рик, опомнись... Дамы, Рик, для тебя означают верную смерть.

— Да, но зато какая это сладкая смерть!

Бени вынужден был согласно кивнуть:

— Значит, мы с тобой расстаемся друзьями? Все старое забыто?

— Не совсем так. Прощай, Бени.

— Почему «прощай»? Ты ведь хотел сказать «до свидания» или «спокойной ночи», да?

— Нет, я именно хотел сказать тебе «прощай». — С этими словами О'Коннелл схватил Бени за шиворот пижамоподобного одеяния и перекинул его через перила. Тот, истошно завывая и размахивая руками, полетел прямо в темные воды Нила, издав при этом громкий всплеск.

О'Коннелл подхватил рюкзак и зашагал на нижнюю палубу, к своей каюте. В воде барахтался несчастный Бени. Лицо его исказилось от ярости.

— Ты заплатишься за это, Рик! О, как жестоко ты заплатишься! — эхом разносился его голос по воде.

Эти вопли и угрозы Бени несколько удивили Рика: он и не предполагал, что этот маленький негодяй умеет плавать.

И в этот момент О'Коннелл заметил на палубе следы четырех человек. Следы были мокрыми, словно тайная четверка только что вылезла из реки на палубу парохода. Рик бросил взгляд на воду и увидел небольшой ялик, привязанный к «Ибису». Он, очевидно, ожидал возвращения тех, кто сейчас уже находился на пароходе.

Увидев, куда направляются эти мокрые следы, О'Коннелл немедленно сунул руку в свой рюкзак.

Глава 7 «Полуночное плавание»

При свете керосиновой лампы, стоявшей на тумбочке у койки, Эвелин Карнахэн изучила свою маленькую каюту и нашла, что обстановка в ней вполне приемлема. Девушка готовилась лечь спать и сейчас разглядывала свое отражение в зеркале туалетного столика. Широкая белая ночная рубашка скрывала соблазнительные изгибы ее тела, хотя, взглянув в достаточно глубокий вырез, можно было понять, что одно из достоинств фигуры девушки — замечательная пышная грудь.

Сама Эвелин не считала себя красивой, но и к дурнушкам не причисляла, если уж на то пошло. Мужчины ее не интересовали. Эвелин уже давно решила для себя, что пойдет по стопам отца. Смыслом своей жизни она выбрала карьеру и являлась самой настоящей феминисткой, женщиной Новой эпохи.

Но сейчас что-то шевельнулось в ее душе, и все из-за этого грубияна О'Коннелла. Конечно, он нахальный, дерзкий и невоспитанный тип. Но у него изумительные голубые глаза. А то, как изящно спадает ему на лоб прядь волос, может свести с ума кого угодно...

Эвелин усмехнулась, глядя на свое отражение. Ну что за мысли! Прямо как у школьницы! Тем не менее тепло того самого поцелуя и воспоминания о мягких чувственных губах этого мужлана никак не угасали у нее в голове. «Что он там говорил про меня в тюрьме? Если я распушу волосы, то, пожалуй, не все еще будет потеряно?..»

Она вынула из длинных каштановых волос, уложенных в пучок, шпильки и хорошенько встряхнула головой. Шелковистые пряди рассыпались по ее обнаженным плечам. Расчесывая волосы, Эвелин еще некоторое время размышляла о Ричарде, потом отругала себя за это и снова принялась думать об О'Коннелле.

Она так размечталась, что уронила несколько шпилек на пол и нагнулась, чтобы поднять их. Подобрав, она снова взглянула в зеркало и увидела совсем другое отражение.

Прямо за ее спиной стоял живописного вида мужчина с жутким крюком вместо руки. Внимание Эвелин сразу привлекли замысловатые татуировки на его коже, свидетельствовавшие о том, что этот незванный гость принадлежал секте, считавшейся уже давно не существующей: наука полагала, что все ее члены исчезли в глубине веков где-то в песках Сахары. Татуировками была разрисована вся кожа незнакомца, которую было сейчас видно в большом зеркале: и треугольное лицо, обрамленное черными волосами, подстриженными под сфинкса, и голая грудь, и даже мускулистые ноги. На ремне, повязанном поверх черной галабеи, висели кинжал и совершенно неуместный для такого яркого представителя древнего племени вполне современный револьвер.

Эвелин онемела. Ее потрясло не только то, что в ее каюту каким-то непостижимым образом пробрался мужчина. Мало того! Этот незванный гость оказался медджем! Однако все это произошло так внезапно, что Эвелин не успела и глазом моргнуть, как осознала, что мужчина уже успел зажать ей рот своей влажной ладонью. Теперь в зеркале она видела свои расширенные от ужаса глаза и страшный крюк, занесенный над нею и готовый в любой момент нанести ей смертельный удар.

Но незнакомец почему-то не торопился убивать ее.

Вместо этого он прошептал ей грубым голосом, не лишенным, однако, мелодики, из-за явного восточного акцента:

— Карта! Я возьму карту...

Эвелин невольно перевела взгляд на папирус, разложенный у нее на столе и освещенный пламенем свечи.

— Хорошо, хорошо... И еще ключ. Я возьму ключ.

Наверное, он имел в виду ту самую шкатулку с секретом.

Ну, эту вещицу она ему просто так не отдаст. Шкатулка была спрятана под койкой и отражалась в зеркале крошечным блестящим пятнышком. Надо было только знать, где она лежит. Эвелин встретила взглядом с незнакомцем в зеркале и мотнула головой, что должно было означать «нет», и вдобавок пожалала плечами, как бы давая понять, что место хранения коробочки ей неизвестно.

— Скажи мне, где ключ, или умрешь.

Она принялась отчаянно мотать головой: нет, нет и нет!

Тогда темные брови на жестоком лице чуть заметно приподнялись, словно констатируя неизбежность того, что сейчас должно будет произойти, и рука— крюк чуть поднялась вверх, готовая опуститься в следующую же секунду.

Но в тот же миг дверь в каюту чуть не разлетелась на куски от мощного удара ногой, и тут же в зеркале возникло отражение О'Коннелла!

В каждой руке он держал по револьверу. Глаза его сверкали, лицо было напряжено. Сейчас он выглядел настоящим героем, черт бы его побрал! И если бы Эвелин не успела уже влюбиться в него чуть раньше, это непременно произошло бы в данную минуту...

— Надеюсь, я не помешал воркующим голубкам?

Какая дерзость!

Медджай тут же обхватил Эвелин свободной рукой и повернул ее спиной к себе, превратив девушку в живой щит. Острие его страшного крюка коснулось ее шеи.

Прошло несколько бесконечных мгновений. Три неподвижных фигуры словно превратились в статуи. Однако эта картина вскоре должна была «ожить» и, скорее всего, закончиться трагедией. Внезапно пламя свечи, стоящей на столе, затрепетало. О'Коннелл резко развернулся в сторону возникшего сквозняка, и в тот же момент в распахнувшееся окно в каюту ввалился еще один медджай. Он выстрелил, но Рик успел пригнуться, и пуля, вонзившись в косяк, обдала его целым водопадом щепок.

Плененная первым медджаем Эвелин, хотя и смертельно напуганная, не могла скрыть своего восхищения О'Коннеллом. Тот хладнокровно прицелился во второго «гостя» и дважды спустил курок. Получив две пули в грудь, разбойник опрокинулся на подоконник. Падая, он успел выстрелить. Пуля угодила в керосиновую лампу, та раскололась, и стену, на которой она висела, охватило пламя.

Медджай, удерживающий девушку, тоже увлекся происходящим. При этом острый стальной крюк отодвинулся от горла Эвелин. Воспользовавшись моментом, девушка с неожиданным для себя проворством схватила со стола свечу и ткнула ею назад. Пламя и капли горячего воска угодили прямо в правый глаз медджая. Видимо, это причинило ему невыносимую боль, так как он тут же пронзительно завопил и выпустил Эвелин. Она рванулась вперед и оказалась в объятиях О'Коннелла, а каюта между тем уже превратилась в пылающий ад.

Эвелин почувствовала, как сильная рука Рика увлекает ее в коридор. О'Коннелл, с револьвером в одной руке, захлопнул изуродованную дверь и снова потащил девушку прочь. Однако Эвелин уперлась:

— Подождите!

Он нахмурился:

— Что еще?

Она высвободилась и указала туда, где дым уже начал обволакивать закрытую дверь ее каюты.

— Карта! Нам нужна карта!

— Расслабься, крошка, — усмехнулся Рик и постучал себя пальцем по лбу. — Вот где хранится настоящая карта.

— Совсем неубедительно.

— И все же я поздравляю вас со счастливым спасением.

Он снова схватил ее за руку и увлек за собой, но она опять умудрилась вырваться:

— Подождите!

— Господи! Ну, что там еще?!

— Шкатулка осталась в моей каюте! Она спрятана под койкой.

— И вы хотите сейчас отправиться за ней?

— Но медджай явился ко мне именно за картой и за этой шкатулкой!

— Кто явился?

— Мистер О'Коннелл...

— На объяснения у нас сейчас нет времени, крошка, — отозвался Рик и еще раз решительно ухватил девушку за руку.

— Никакая я вам не «крошка»!

Но он словно не слышал ее слов.

— Нам нужно найти вашего брата... На борту еще осталось, как минимум, двое этих негодяев.

— Но если их целью была я, — задыхаясь, заявила Эвелин, — то Джонатан сейчас тоже находится в опасности.

Они выбрались на палубу и не видели, как по коридору, но только с другой стороны, перемещался как раз тот, кого им сейчас требовалось найти: Джонатан Карнахэн.

— Господи, да тут что-то горит! — испугался Джонатан, учуяв запах дыма. Он завернул за угол и тут же увидел искореженную дверь в каюту своей сестры и заполнившие уже весь коридор клубы густого черного дыма.

Что за чертовщина тут творится?

Он бросился к двери и, распахивая ее, сильно ударил в ягодицы медджая с крюком вместо руки. А тот, рискуя собственной жизнью, все же продолжал исполнять свой долг и, стоя на четвереньках, обыскивал каюту в надежде найти золотую шкатулку.

— Эви! — воскликнул Джонатан, заглядывая в каюту. Сейчас он не видел ничего, кроме языков пламени, начавших пожирать маленькую комнатку. Джонатан облегченно вздохнул, осознав, что сестры тут нет, и в тот же момент взгляд его привлекло блестящее пятнышко под койкой...

Отчаянно сражаясь с дымом и огнем, он нагнулся и потянулся за шкатулкой. Она очутилась в его руках, но чьи-то пальцы, сплошь покрытые невиданной татуировкой, тут же выхватили ее у несчастного англичанина.

— Послушайте, — сердито бросил Джонатан. — Эта вещь моя...

Он оглянулся и увидел перед собой медджая с крюком вместо руки и залитым воском лицом. Одежда на спине араба уже загорелась, и теперь он напоминал павлина, волочащего за собой огненный хвост.

Собрав всю храбрость, о наличии которой Джонатан и не догадывался, он выхватил из рук медджая заветную шкатулку и с силой оттолкнул грабителя. Взвыв от боли и ярости, араб попытался на ощупь достать из-за пояса револьвер. Однако Джонатана уже давно научили вовремя покидать вечеринку, и он не преминул воспользоваться этим умением.

Джонатан вылетел из горячей каюты и бросился наутек. Пули, посланные ему вдогонку, одна за другой прошивали доски стен и дверей. Но каждый раз свинцовые плевки попадали в то место, которое Джонатан уже миновал. Он выскочил на палубу со стороны левого борта и заметался в поисках сестры.

Однако Эвелин в сопровождении Рика оказалась по другую сторону палубы. Там они столкнулись с визжащей мечущейся толпой, забившей проход. Пламя еще не успело распространиться на эту часть парохода, а все уже были в панике.

Ужас охватил и животных в загоне на барже, которую буксировал «Ибис». Верблюды и лошади проявляли крайнее беспокойство, если не сказать большего. Если первые только издавали истошные крики и топтались на месте, то последние дико ржали, взвивались на дыбы, лягались и бились о стенки загона. Пассажиры второго и третьего классов поспешно бросались за борт и пускались вплавь к берегу.

— Надо найти Джонатана! — воскликнула Эвелин, барахтаясь в объятиях О'Коннелла, прикрывающего ее от беснующейся толпы.

— Придется пробираться на нос, — Рик кивком указал нужное направление. — Последний раз я видел его и баре.

В воздухе щелкнул пистолетный выстрел, и пуля продырявила стенку прямо над головой Эвелин, осыпая ее щепками. Девушка чуть не задохнулась от испуга, а крепкая рука Рика уже заставила ее пригнуться. Удерживая Эвелин, О'Коннелл развернулся в сторону кормы, откуда велась стрельба, и открыл ответный огонь, целясь в еще одного татуированного дьявола. Тот продолжал палить, и пули откалывали крупные щепки вокруг Рика и девушки.

Одна из шальных пуль угодила в керосиновую лампу, висевшую на стене слева от Эвелин, и вскоре огонь забушевал и на палубе. Оранжево-голубые языки стремительно пожирали деревянную обшивку.

Медджай постепенно приближался, продолжая целиться.

— Мы представляем собой легкую мишень! — констатировал Рик, в отчаянии оглядываясь по сторонам. Проход, ведущий на нос судна, также был запружен задыхающейся от дыма кашляющей толпой.

Добраться до воды тоже не представлялось возможным, так как путь к реке преграждал загон на барже, где продолжали бесноваться испуганные животные.

Внезапно лицо О'Коннелла озарилось торжествующей улыбкой. Он вскинул револьвер и дважды выстрелил. На этот раз не в приближающегося медджая, а, как показалось девушке, по лошадям.

На какой-то миг Эвелин решила, что ее компаньон сошел с ума, но вскоре поняла, чего тот добивался. Пули сбили замок, запирающий ворота загона.

Лошади, подстегнутые выстрелами, распахнули ворота. Вцепившись в одну створку, О'Коннелл направил взбесившихся животных таким образом, что они, высыпав на палубу, живым ураганом смели крадущегося араба. Медджай успел вскрикнуть всего лишь раз, как копыта превратили его тело в кровавое месиво.

Пламя тоже бесновалось вовсю. Пароход пылал, и тент на верхней палубе напоминал развевающееся огненное покрывало.

Пассажирам ничего не оставалось, как прыгать в воды Нила и плыть к ближайшему берегу. Проход на нос судна постепенно очистился. О'Коннелл вскинул на плечо свой джutowый рюкзак и потащил Эвелин в том направлении.

Они не могли видеть Джонатана, попавшего в переделку на левом борту. Там он столкнулся с тремя американцами, стоящими плечом к плечу и ведущими беспорядочный огонь. За их спинами, как перепуганный школьник, прятался профессор-египтолог. Целью американцев был четвертый медджай, вскарабкавшийся на нос парохода и отвечавший им столь же «метким» огнем.

— Настоящее шоу про Дикий Запад! — пробормотал себе под нос Джонатан, раздумывая, не стоит ли ему прыгнуть за борт.

Он уже не видел, как американцам наконец-то удалось подстрелить араба, и тот кувырком полетел в реку. Сейчас Джонатана больше беспокоила судьба его сестры. Он повернулся, ища способа попасть на противоположную сторону судна... и увидел, что прямо на него надвигается охваченный пламенем медджай!

С вытаращенными глазами и стальным крюком вместо руки. Поднятое для удара блестящее острие не сулило Джонатану ничего хорошего.

— Пригнись! — раздалось откуда-то сзади.

Джонатан присел, и над его головой просвистели пули, выпущенные американцами по горячей фигуре с крюком вместо руки. Это напоминало заградительный огонь целого взвода стрелков. Пораженный десятком пуль, медджай вывалился за перила палубы и канул в реку, где и расстался с жизнью уже окончательно...

— Настоящий Дикий Запад! — восхищенно проговорил Джонатан. — Вот так шоу!

Но теперь сами американцы смотрели на Джонатана с неподдельным ужасом в глазах, как будто англичанин превратился в меджая и представлял для них непосредственную опасность. Охотники за сокровищами, не сговариваясь, отвернулись от Джонатана и бросились наутек, словно перепуганные щенки, правда, топот их ног больше напоминал англичанину стук копыт целого табуна лошадей.

И только через пару секунд Джонатан понял, что не ошибся. К нему действительно приближался табун перепуганных насмерть лошадей. Обезумевшие животные неслись к носу парохода. Джонатан тоже обратился в бегство.

Американцы завернули за угол и попрыгали в воду с правого борта, но Джонатан не стал медлить и бросился в Нил с левой стороны судна. Очутившись в реке, он все еще продолжал размышлять о том, что же случилось с его сестрой и тем самым американцем.

* * *

На правом борту, где пассажиры так же отчаянно бросались в воду, О'Коннелл и Эвелин неожиданно столкнулись со своим навязчивым партнером, бывшим начальником каирской тюрьмы. Он ждал своей очереди, чтобы подойти к перилам и перемахнуть через них в реку. О'Коннелл повернулся к нему спиной.

— Плыви к дальнему берегу, — приказал он Эвелин.

Однако все пассажиры «Ибиса» направлялись к ближнему.

— Но почему? — резонно спросила девушка.

— Надеюсь, ты умеешь плавать, — утвердительно произнес Рик.

— Разумеется, если того требуют обстоятельства.

Вокруг них поднимались клубы дыма, языки пламени лизали дерево, кричали люди, ржали лошади, слышался стук копыт.

— Глядя на все, что происходит сейчас, — кивнул он, — я бы сказал, что обстоятельства весьма настойчиво требуют этого.

Он поднял ее на руки, словно был женихом, Эвелин — невестой, а перила — порогом дома молодоженов.

— Поставь меня на место! — потребовала девушка. — Отпусти меня!

И он действительно отпустил ее. Но только по ту сторону перил, в воду, и нырнул следом за ней.

Вода оказалась ледяной, и Эвелин удивилась: как может река, протекающая через пустыню, быть такой холодной? Некоторое время девушка барахталась в воде, задыхаясь и отплевываясь, пытаясь сориентироваться. Почему-то все люди и животные плыли к ближнему берегу.

Однако О'Коннелл решительно направлялся к дальнему.

Она послушно последовала за ним и через некоторое время успешно вскарабкалась на крутой берег. Здесь она не без удовольствия обнаружила своего брата. Он стоял возле Рика, и оба они, мокрые и уставшие, дрожали от холода.

Ночная рубашка Эвелин прилипла к телу, но девушке даже не пришло в голову подумать о том, что сейчас: она оказалась перед мужчинами почти голая. Во всяком случае она так и не осознала этого, пока не увидела жадный и восхищенный взгляд О'Коннелла, который молча любовался ее красотой. Ей даже показалось, что по подбородку у него стекает не струйка воды, а слюна...

Выжав воду из подола ночной рубашки, она резко заметила:

— Перестаньте даже думать об этом! Мы же потеряли все на свете, идиот! Все инструменты, оборудование...

— Ну, не совсем все, — ответил О'Коннелл и кивком указал на джутовый рюкзак, покоящийся у его ног.

Вскоре на берег вылез начальник тюрьмы Хасан. Он напоминал огромную рыбу, выбросившуюся из [ВОДЫ](#).

— Я прислушался к вашему совету плыть к дальнему берегу, — пояснил он свое появление, обнажая в улыбке знаменитые зеленые зубы.

— Как я рад, что ты не утонул! — в сердцах сплюнул О'Коннелл.

Объятый пламенем «Ибис» медленно плыл по течению в ту сторону, откуда прибыли путешественники. Корпус судна постепенно погружался в пучину вод. А там, на другом берегу, возле американцев суетился маленький тщедушный мужчина в черной одежде и красной феске. Охотники за сокровищами ловили лошадей и верблюдов. Перепуганные и усталые животные даже не пытались убежать.

— Мы потеряли карту, — мрачно сообщила Эвелин брату неприятную новость.

— Но зато у нас есть вот это, — неунывающим голосом отозвался Джонатан и вытащил из-за пазухи золотую шкатулку. — Разве я поддался панике? Конечно, нет.

— Что ж, неплохо. Молодец! — кивнул О'Коннелл, и Джонатан просиял оттого, что его похвалили.

— Эй, Рик! — раздался голос с другого берега.

О'Коннелла звал тот самый маленький человечек в красной феске.

— Что это за омерзительный тип? — поморщилась Эвелин, обращаясь к О'Коннеллу.

— Это мой приятель, — сухо ответил тот, если только слово «сухо» можно было применить к промокшему насквозь Рику. — Мы с ним оба возвращаемся в Хамунаптру.

— Ах вот как! Он, должно быть, работает на американцев.

— Да. Это еще один дезертир-легионер. Может быть, мы уговорим начальника тюрьмы, и он повесит его для нас.

Бени подпрыгивал на месте, не переставая кричать:

— Эй, Рик! Похоже, что все лошади и верблюды оказались у нас!

И Бени разразился приступом пронзительно писклявого смеха, оскорблявшего уши достойной компании.

— Вполне возможно, Бени! — прокричал в ответ О'Коннелл. — Но только, как мне кажется, вы высадились не на том берегу.

Маленький человечек в феске застыл на месте. Он поглядел на звезды и затряс кулаками, потом начал сердито топтать ногами песок, ругаясь сразу на нескольких языках.

— И что нам делать теперь? — обратилась Эвелин к Ричарду.

— Надо постараться не замерзнуть окончательно до наступления утра. Надеюсь, вы умеете сворачиваться калачиком, да?

Она только фыркнула и прикрыла руками грудь:

— Да, если того требуют обстоятельства.

Глава 8 «Скачки на верблюдах»

Перед ними раскинулась бесконечная накаленная солнцем Сахара, этакая сковородка, на которой вполне мог поджариться маленький караван верблюдов. Во главе процессии двигался верхом О'Коннелл, за ним Эвелин, а чуть позади ее брат и самовольно оставивший каирскую тюрьму ее бывший начальник Гад Хасан.

О'Коннелл воспринимал мерцающий под солнцем пейзаж как нечто величественное и вызывающее благоговейный страх. Словом, как то место, к которому нельзя относиться легкомысленно. Сейчас копыта верблюдов ступали по твердой песчаной поверхности, усеянной камнями. Чем-то эти равнины напоминали бесплодные пространства американского юго-запада. Лишь кое-где однообразие нарушалось редкими кустиками местной версии обыкновенной полыни. Через день равнина могла смениться бесконечной чередой подвижных песчаных дюн с высокими барханами и глубокими долинами между ними. В любой момент мог налететь обжигающий ветер «сирокко», способный своей душающей жарой прикончить и людей, и животных.

Четырех мучимых блохами «кораблей пустыни» путешественники приобрели в караван-сарае одного из оазисов. Своим спасением люди были обязаны бедуинам, которых привлек ярко полыхавший в ночи огонь. Оазис представлял собой группу финиковых пальм, растущих по берегам неглубокого ручья, и был своеобразным центром торговли. О'Коннелл потратил большую часть ночи, препираясь с бедуинами по поводу цены на верблюдов, примитивное лагерное оборудование и продовольствие (финики, галеты и мятный чай).

Джонатан, единственный, кто сохранил деньги, поначалу надоедал своим спутникам жалобами на слишком высокую цену «четырех шелудивых тварей». Наконец О'Коннеллу это наскучило. Он предложил в качестве платы отдать бедуинам сестру несговорчивого англичанина, и тот сразу утих.

— А заманчивое предложение, да? — не смог удержаться Джонатан.

— Действительно заманчивое, — подхватил О'Коннелл, увидев выходящую из шатра переодетую в синий восточный наряд Эвелин. Умело сшитый, он одновременно и подчеркивал достоинства фигуры девушки, и скрывал их от нескромных взглядов мужчин.

Начало их пути пролегало по зеленой долине Нила, напоенной запахом цветущего клевера. Но уже через несколько часов их верблюды ступали по твердой поверхности каменистой пустыни. Все вокруг свидетельствовало о неутоленной многовековой жажде, владевшей этими землями.

Джонатан вполне уверенно держался на спине верблюда. Он, безусловно, был неплохим наездником, но его здорово раздражала раскачивающаяся верблюжья походка.

— Грязные животные! — жаловался он О'Коннеллу. — От них воняет, они кусаются и плюются. Никогда в жизни не встречал более омерзительных тварей.

Очевидно, Джонатан не подумал о Хасане, который ехал следом за ним. Потный и вонючий начальник тюрьмы, покачиваясь в седле, с жадностью пожирал финики. Он плевался косточками во все стороны ничуть не хуже верблюдов и совершенно не обращал внимания на жужжащих над его головой жирных мух.

— Что ты такое говоришь, — возразила брату Эвелин. — По-моему, они просто очаровательны!

О'Коннелл догадался, что она имеет в виду верблюдов, а не начальника тюрьмы с его

мухами.

Казалось, Эвелин наслаждается путешествием. Сейчас ей оченьгодились те уроки верховой езды, которые она брала чуть ли не в детстве. Девушка с легкостью управляла животным и, чуть подпрыгивала в седле, заставила его поравняться с верблюдом О'Коннелла.

— Не обращайте внимания на моего брата, — заговорила она с Риком. — Он такой раздражительный. Видите ли, дело в том, что все его запасы виски остались на дне Нила.

— Прежде чем закончится наше путешествие, вздохнул, щурясь от яркого солнечного света, О'Коннелл, — боюсь, мы все станем раздражительными.

— Лично мне очень нравится этот милый пейзаж, — бодро отозвалась Эвелин. — Неужели, глядя на него, вы не начинаете задумываться, а чего стоит вся эта возня вокруг так называемой цивилизаций? То есть я хочу сказать вот что. Мы находимся посреди необъятной бесплодной равнины. Неужели она не переполняет вашу душу смирением, не прогоняет прочь тщеславие из вашего сердца? Неужели вы не считаете, что эти бескрайние просторы сродни самой Вселенной, где мы лишь крохотные песчинки?

— Я как раз собирался рассказать вам о том же.

Она улыбнулась, и на ее подбородке образовалась очаровательная ямочка.

— Вы просто посмеиваетесь надо мной, мистер О'Коннелл.

— По-моему, вам уже пора называть меня просто Рик.

— Почему?

— Потому что меня так зовут.

Она чуть вздернула подбородок и придержала своего верблюда, чтобы снова запясть свое место за верблюдом американца, успев заметить при этом:

— Но в таком случае, мистер О'Коннелл, мне придется разрешить вам называть меня Эвелин.

— Или, что еще ужасней, просто Эви, — усмехнулся Рик.

Девушка подарила ему в ответ скромную улыбку.

Примерно через час она снова поторопила своего верблюда и устроилась рядом с О'Коннеллом. Но теперь ее бодрое настроение улетучилось. Она хмурилась, и от этого на ее лбу появились морщинки.

— Я все время вспоминаю вчерашнее жуткое происшествие на пароходе, — начала девушка. — Эти страшные люди...

— Те самые разбойники с татуировками? Вы их имеете в виду?

— Ничего забавного я здесь не вижу. Мне кажется, они пытались остановить нас... и наших поисках.

— Как так?

— Их татуировки указывали на то, что эти люди принадлежат к древней секте и называются «медджаями». Но только все считали, что они давным-давно исчезли, вместе с культом.

— Каким культом?

— Ну... именно поэтому я и подумала, что они рассчитывали на то, что им удастся не пустить нас в Хамунаптру. Говорят, что как раз медджаи и охраняли Город Мертвых. Вообще о них практически ничего больше и не известно.

— Значит, вы полагаете, что мы можем встретить еще кого-нибудь из этих странных

типов?

— Я не могу точно предсказать это, мистер О'Коннелл. Ведь те, которых мы встретили на пароходе, были первыми, кто повстречался людям в двадцатом веке... или в девятнадцатом, раз на то пошло... или в восемнадцатом... или...

— Я вас понял.

День тянулся своим чередом, и О'Коннелл обратил внимание на то, что настроение девушки продолжало портиться. Впрочем, то же самое он мог сказать и о себе. Дорога по бескрайней неровной пустыне выматывала людей, а качающаяся походка верблюдов делала путешествие вообще невыносимым. Неудивительно, что путники почти не разговаривали между собой.

О'Коннелл понимал, что его маленький отряд погружается в апатию. Ближе к вечеру Рик заметил вдали небольшую горсточку пальм. Убедившись, что это ни мираж, он объявил, что там они останутся на ночь.

Огромный багровый солнечный диск, разбрасывая по пустыне пурпурные и красные полосы света, опускался к горизонту. Постепенно вечерние тени густели, лишая путников возможности вдоволь налюбоваться этим восхитительным зрелищем. Удушающий раскаленный зной сменялся вечерней прохладой. К тому времени, когда компания разбила лагерь, приятная свежесть превратилась в ощутимый холод. Пресной водой путешественников обеспечил древний колодец — перекладина с длинной веревкой и ведром из козлиной кожи на конце. Привязав веревку к седлу верблюда О'Коннелла и заставляя животное отойти, путешественники добыли достаточное количество воды.

— Теперь всем необходимо поспать, — объявил О'Коннелл, когда они уже сидели у костра, сложенного из пальмовых ветвей и листьев, и подкреплялись галетами, финиками и мятным чаем, сладким, словно сироп. — Мы снимемся с лагеря в час ночи, чтобы двигаться по холодку.

Это означало, что спать им остается всего несколько часов, но никто не возражал. Сама мысль о путешествии под луной и звездами казалась очень привлекательной после трудного пути под палящим солнцем.

Снаряжение, купленное у бедуинов, включало в себя четыре маленьких палатки, верблюжьи одеяла и подстилки, которые легко превращались в удобные лежа. Однако, несмотря на это и на костер, поддерживаемый О'Коннеллом, холод ночной пустыни оказался весьма ощутимым. Кроме всего прочего, Рик выторговал у бедуинов четыре бурнуса и накидки с капюшонами. Сейчас они оказались как нельзя кстати.

Хотя О'Коннелл и усмехался про себя, слушая, каким высоким слогом Эвелин говорила о пустыне, он вынужден был признать, что в ее словах есть доля правды. Бесспорно, пустыня привлекала своей бескрайностью, похожей на вечность, по сравнению с которой человеческая жизнь казалась бессмысленной. Пустыня дарила неповторимое чувство свободы и отвергала необходимость суетливой погони за славой и богатством.

Только под темно-пурпурным, усеянным звездами шатром неба пустыни человек мог размышлять о вечности.

По крайней мере, О'Коннелл мог, чего нельзя было сказать о начальнике тюрьмы, раскатисто храпевшем в соседней палатке. Джонатан некоторое время ворчал, возмущаясь этими звуками и ворочаясь с боку на бок, пока не захрапел сам. Занятый своими мыслями, Рик уже начал дремать, когда к нему в палатку вдруг вползла Эвелин.

— Простите, — начала девушка, — но холод снаружи собачий. Вы не будете против?

— Против чего?

— Чтобы свернуться калачиком... вместе. Обстоятельства, как вы заметили, весьма настойчиво требуют этого.

Рик нежно обнял Эвелин и привлек ее к себе. Потом целый час он упивался охватившим его чувством нежности и покоя, размышляя при этом, не стоит ли ее поцеловать, пока его не сморил сон. Ему и в голову не приходило, что Эвелин испытывала точно такие же чувства.

О'Коннелл проснулся около часа ночи и разбудил Эвелин. Он попросил ее удалиться в свою палатку, пока не встали остальные члены отряда, которые могли бы неправильно истолковать происходящее. Потом Рик растолкал Джонатана и Хасана и посоветовал им не снимать бурнусов, когда они отправятся в дорогу. Путешественники сложили палатки и взгромоздились на верблюдов. Им предстояло совершить очередной переход через пески, блестящие в лунном свете, словно слоновая кость.

Горячий и бежевый днем, мир Сахары превратился ночью в голубоватый и холодный. О'Коннелл, как и накануне, занял место во главе каравана. Рядом с ним пристроилась Эвелин. Чуть позади бок о бок двигались Джонатан и Хасан. Последние тут же снова уснули и покачивали головами в такт шагу своих верблюдов, словно китайские болванчики. Их слитный храп привольно разносился над песками.

О'Коннелл не сводил глаз с девушки. Та была еще совсем вялой после непродолжительного сна. Каждый раз, когда Эвелин начинала сползать с седла в сторону, Рик приближался и, не будя, возвращал ее на место. Пользуясь тем, что девушка погрузилась в дремоту, О'Коннелл без помех любовался ею. Его восхищало ее нежное лицо и пухлые чувственные губы...

Бени не ошибся, характеризуя своего бывшего капрала. Рик действительно питал слабость к противоположного полу. Но на этот раз им овладели совсем другие чувства. Это не было легким флиртом с целью достижения очередной победы. Теперь его подстерегала опасность, самая страшная из тех, что может подстергать солдата удачи: он повстречал женщину, в которую мог влюбиться без памяти.

Но тут его глаза, скользнув по линии дальних барханов, обнаружили еще одну опасность. Группа конных всадников двигалась параллельно их маленькому каравану, причем с той же скоростью и в том же направлении. Конечно, они были слишком далеко, чтобы О'Коннелл мог с уверенностью утверждать, да и луна давала не слишком много света...

...но все же Рику казалось, что руки и лица всадников покрыты татуировкой. Совсем как у тех арабов, что напали на «Ибис» прошлой ночью. Неужели эти «тени в пустыне» и являлись теми самыми меджаями, о которых рассказывала Эвелин?

Не исключено, правда, что всадники принадлежали просто к одному из многочисленных кочевых племен, не представляющих для каравана шишкой угрозы. Словно опровергая тревожные предположения Рика, арабы неожиданно исчезли с бархана. Приближалось утро, рассветало, и больше О'Коннелл их не видел.

Ночная прохлада начала отступать, хотя солнце еще не поднялось над горизонтом. Как только обычная для этих мест жара стала напоминать о себе, путешественники спешили. Они сняли бурнусы и вдоволь напились воды. Джонатан и Хасан, воспользовавшись короткой передышкой, тут же набросились друг на друга с взаимными обвинениями в невыносимом храпе. Каждый из них клялся, что не храпел никогда в жизни.

Вскоре маленький отряд возобновил свой путь. Теперь караван двигался по подножью

длинной и высокой песчаной гряды, защищавшей путников от солнца.

Эвелин подъехала к О'Коннеллу:

— О чем выдумаете? — поинтересовалась девушка.

— О том, что мы уже почти на месте.

— Как вы можете быть в этом уверены? Один участок пустыни как две капли воды похож на другой.

— Ничего подобного. Просто надо научиться обращать внимание на некоторые «дорожные знаки», — И он кивком указал куда-то влево. Девушка проследила взглядом за его движением и увидела какие-то белесые предметы, которые поначалу приняла за камни. Но уже через пару секунд Эвелин поняла, что смотрит на обветренные и выбеленные безжалостным солнцем человеческие кости. Несколько скелетов беспорядочно лежали на песке, при этом некоторые кости торчали из земли так, словно их обладатели пытались выбраться из своих песчаных могил.

— Боже мой! — негромко произнесла Эвелин.

— Черт побери! — тут же выругался Джонатан, заметивший кости. — Как ты считаешь, кто были эти несчастные?

— Очередные авантюристы, пытавшиеся отыскать Город Мертвых, — ответил ему Хасан. Его начало трясти, хотя ночная прохлада давно сменилась зноем.

Неподалеку в землю был врыт столб с какой-то табличкой, покрытой арабской вязью. Столб стоял посреди этого импровизированного кладбища и выглядел довольно нелепо.

— Что тут написано? — обратился Джонатан к сестре. — «По газонам не ходить»?

Эвелин бросила в сторону брата испепеляющий взгляд:

— Нам советуют держаться подальше от этих мест, а еще лучше — повернуть назад.

— Ну, я почти что догадался, — пожал плечами Джонатан.

— Эта табличка появилась здесь недавно, — вступил в разговор О'Коннелл. — Иначе песок бы успел проредить свежую краску. — Я полагаю, данные советы исходят от ваших приятелей — медджаев?

Эвелин промолчала, но лицо ее стало мрачным. В этот момент она услышала какой-то шум позади них и невольно оглянулась.

Слабый рокочущий звук постепенно усиливался, пока не превратился в громopodobный стук множества копыт. На дальнем конце дюны, закрывавшей маленький отряд от солнца, показалось три дюжины всадников. Копыта их коней взметали настоящую песчаную бурю.

Эвелин, до сих пор находившаяся рядом с О'Коннеллом, в страхе дернула его за рукав:

— Медджаи! — воскликнула девушка.

— Нет, — успокоил ее Рик. — Это местные копатели во главе с моим старым знакомым Бени.

— Да в придачу и с этими проклятыми американцами, — добавил Джонатан.

Он не ошибся. Среди всадников были и трое грубых американских парней и их трусоватый профессор-египтолог верхом на муле. Всю экспедицию возглавлял Бени — человек, действительно знающий путь в Хамунаптру. Он восседал на верблюде, причем очень ухоженном, чего нельзя было сказать о животных О'Коннелла и его компании.

Бени натянул поводья и остановил верблюда. Вся группа всадников последовала его примеру. Они напоминали эскадрон, изготовившийся для атаки. Теперь маленький караван от американцев отделяло немногим более ста футов.

— Доброе утро, Рик! — жизнерадостно завопил Веки. — Какая маленькая пустыня.

если друзья то и дело встречаются в ней!

О'Коннелл согласно кивнул и ударил верблюда пятками. Маленький караван медленно двинулся в сторону восходящего солнца.

Бени подал знак американцам, те обратились к группе копателей, и они все вместе так же неторопливо последовали за отрядом О'Коннелла.

— Эй, О'Коннелл! — позвал Рика надменный Хендерсон. — Наше пари никто не отменял, верно? Тот, кто первым доберется до города, получает пять сотен.

Ричард снова кивнул, но теперь его взгляд был устремлен к горизонту, туда, где небо уже посветлело над песчаными барханами.

— Какого черта мы тащимся за ними? — не выдержал всегда молчаливый стоик Дэниэлс, обращаясь к Бени.

Но эту беседу ни О'Коннелл, ни его товарищи уже не слышали.

— Терпение, мой друг, ответил Бени. — Терпение.

Бернс, щуря глаза, спрятанные за стеклами очков, тоже задал Бени вопрос:

— Кто быстрее бежит по песку? Верблюд или лошадь?

— Верблюд.

— Хочешь получить сотню хрустящих, малыш Бени?

— Смотря сотню чего?

— Ну, зеленых, бабок, монет, баксов. Долларов, одним словом.

— Теперь понятно. Как там говорится? «Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет».

— Ну, тогда помоги нам выиграть пари, и мы тебе отдаем сотню «роз». В нынешних верблюжьих скачках ты выступишь нашим жокеем.

Пока продолжался этот разговор между Бени и его работодателями, О'Коннелл воспользовался возможностью поговорить с Эвелин с глазу на глаз.

— А вы неплохо держитесь в седле, — начал Рик.

— Благодарю вас, — удивленно отозвалась девушка.

— Очевидно, вы считаетесь отличной наездницей, иначе не смогли бы справиться с верблюдом.

— Спасибо, мистер О'Коннелл. Но почему вы вдруг...

— Приготовьтесь.

— К чему?

Он пристально посмотрел на нее, едва сдерживаясь, чтобы не улыбнуться:

— Еще немного, и нам укажут путь.

Малиновое солнце наконец вырвалось из песков, чтобы залить их своими лучами. Одновременно взглядам путешественников открылась темная, будто в тумане, гора со срезанной вершиной... Это был потухший вулкан, старше самой древности и мертвый, словно бесплодные пески пустыни. Единственный и неповторимый ориентир, созданный древними богами... или Господом Богом, притягивающий взор.

О'Коннелл и Бени обменялись многозначительными взглядами. Итак, единственные уцелевшие легионеры из отряда полковника, который когда-то привел их сюда, к этой вулканической вехе, приготовились. Азартно улыбнувшись, оба одновременно пустили своих верблюдов с места в галоп, подбадривая их пронзительными криками: «Тык-тык-тык».

Рик и Бени устремились в направлении величественного конуса потухшего вулкана. Остальные всадники, наконец-то придя в себя, поскакали вдогонку. Роскошные арабские

скакуны обладали достаточной скоростью, но соревноваться в беге по пескам наперегонки с уродливыми неэстетичными верблюдами не могли.

Один из тех, кто восседал на горбатом животном, а именно Джонатан Карнахэн, при виде такого поворота событий разразился ликующими криками. Он с таким пылом принялся освистывать конных американцев, что едва не вывалился из седла. Тем временем верблюды О'Коннелла и Бени вырвались далеко вперед, держась ноздря к ноздре. Животное, управляемое Эвелин, тоже включилось в гонку, постепенно нагоняя лидеров.

Физиономия Бени сложилась в противную ухмыляющуюся гримасу. Он нахлестывал своего верблюда, а потом вдруг ни с того ни с сего злобно замахнулся хлыстом на Рика. В воздухе дважды звонко щелкнуло, и хлыст два раза обрушился на О'Коннелла. Бени пытался таким образом выбить соперника из седла. При третьей попытке Рик перехватил хлыст, зажатый в руке мадьяра. Сильно рванув его на себя, бывший капрал выкинул своего бывшего солдата из седла па песок, Бени, жутко вопя и ругаясь, кубарем покатился по земле, преграждая путь спешащим за О'Коннеллом всадникам.

Сначала чуть ли не ползком, потом спотыкаясь и подпрыгивая, Бени поспешил убраться с дороги, и мимо него, в облаке пыли и песка, проскакали Джонатан и остальные. На размахивающего руками, кашляющего и отплевывающегося венгра никто из них не обратил внимания.

Рик вдруг обнаружил, что Эвелин почти поравнялась с ним. Ее верблюд уверенно держал ритм бега и даже порывался выйти вперед. Глаза наездницы сверкали восторгом, на губах играла торжествующая улыбка, а испытываемое девушкой удовольствие казалось почти осязаемым. Конус вулкана был уже рядом. За ним открывался вид на долину, из глубины которой путешественников манили развалины знаменитой Хамунаптры.

Победный смех Эвелин и ее сияющие глаза заставили О'Коннелла улыбнуться. Он вынужден был согласиться с тем, что эта девушка ему очень нравится, хотя на самом деле он уже был влюблен в нее по уши. Эвелин на своем верблюде вырвалась вперед и помчалась к каменному пандусу с пилонами, оставшимися от храма.

И только теперь О'Коннелл вспомнил о странной дюне, находившейся прямо за воротами храма.

— Эвелин! Сбавь скорость! Там...

Это было все, что успел прокричать Рик. Верблюд с наездницей, миновав пилоны, сам резко затормозил, осей на задние ноги, Эвелин, кувыркаясь, вылетела на седла и плюхнулась прямо на дюну.

— Ну, ничего страшного, — подбодрил О'Коннелл ошарашенную девушку. Та сидела на песке и яростно отплевывалась.

Рик спешил и помог Эвелин подняться. Она начала отряхивать с себя песок, который набился даже в ее роскошные полосы. Вскоре подоспел Джонатан в сопровождении Хасана, а уже за ними явились американцы и их наемные копатели. Вновь прибывшие с широко раскрытыми ртами обзоредали раскинувшиеся перед ними развалины Хамунаптры.

— Добро пожаловать в Город Мертвых, ребята. — О'Коннелл широким жестом обвел руины. — И кстати, вы задолжали вот этой леди пятьсот монет.

Глава 9 «Что может знать женщина»

Посреди руин, оставшихся от Хамунаптры и необитаемых со времен Сети Первого, две соперничающие экспедиции поставили неподалеку друг от друга свои палатки. Здесь же повсюду бродили всеми позабытые беспризорные верблюды. Они лениво переступали ногами, над ними жужжали мухи, а на некоторых животных до сих пор были навьючены запыленные тюки и баулы. Эвелин заметила, как помрачнело лицо О'Коннелла, когда он смотрел на унылых верблюдов.

— Откуда здесь взялись эти несчастные создания? — удивилась девушка, обращаясь к Рикку. Как же импозантно он выглядел со своим коричневым шейным платком, белой рубашкой и перекрещивающимися на груди кожаными патронташами!..

— Когда-то они принадлежали моим товарищам— легионерам, — с неожиданной теплотой в голосе начал О'Коннелл. — Очевидно, грифы склевали плоть солдат, а пески похоронили их кости... Одни лишь верблюды тщетно ждут возвращения своих хозяев.

Американцы, имеющие полное оборудование и полную команду наемных копателей, развернули настоящую поисковую операцию. Чемберлен занялся составлением плана раскопок и присматривал за рабочими, вооруженными кирками, заступами и мотыгами. Копатели расчищали грунт и оттащивали его в сторону целыми корзинами, чтобы добраться до подножия нескольких колонн. Поверхность их была покрыта иероглифами, которые, по мнению египтолога, имели большое значение. Сами американцы, эти трое охотников за сокровищами, не собирались заниматься тяжелой работой. Они уселись перед палатками и изводили своего услужливого проводника бесчисленными вопросами. Впрочем, Бени охотно отвечал им, покуривая кальян.

О'Коннелл навестил лагерь конкурентов, чтобы пожелать удачи своим соотечественникам. Вернувшись к товарищам, он передал Эвелин заповедь, услышанную из уст Бени:

— Если вас укусит змея, на месте укуса ножом сделайте крестообразный надрез, высосите яд из ранки и сплюньте его, — наставлял венгр своих работодателей.

Косоглазый Бернс в бифокальных очках поинтересовался:

— А что делать, если змея ужалит в такое место, до которого вы губами не дотянетесь?

— Для этого существуют друзья.

— Боже мой! А если она цапнет меня за задницу?

— Ну, приятель, если в этом случае ты обратишься к Бени, то, скорее всего, так и умрешь, не дождавшись помощи, — встрял в разговор Рик.

О'Коннеллу вся эта история показалась забавной, хотя Эвелин, выслушав ее, сумела только выдавить в ответ вежливую улыбку.

Две группы держались на некотором расстоянии друг от друга, и американцы, похоже, не видели в О'Коннелле и его товарищах серьезных конкурентов. Сам Рик слышал, как доктор Чемберлен сказал своим спутникам:

— Главная у них там эта девица. Ну а что может знать женщина?

Такое отношение к прекрасному полу вполне устраивало Эвелин. Во всяком случае теперь она убедилась в том, что никаких помех со стороны американцев опасаться им не придется. Что же касается того, где нужно копать, чтобы отыскать сокровища, то на этот счет она имела свое мнение.

Рядом с развалинами храма, где возвышалась полуразрушенная и засыпанная песком статуя Анубиса, в скале открывалась щель. Через нее можно было видеть пещеру, уходившую в глубину.

Пожалев о том, что бедуинская одежда является ее единственным туалетом, Эвелин встала на колени и заглянула в открывшийся проход. Внимательно изучив его, она подняла голову и увидела над собой три довольно тупых лица. В глазах ее спутников отражалось полнейшее недоумение.

— Это вход, — сказала она.

— Это просто дыра в земле, — отозвался О'Коннелл. — И сделана она не человеком... Причем ненужно быть археологом или, черт возьми, геологом, чтобы определить это.

— Вы правы, ее делал не человек, но люди использовали ее в качестве входа, — пояснила девушка, сметая песок с какой-то отполированной поверхности, которая вдруг засверкала под солнечными лучами, тут же на мгновение ослепив Джонатана.

— Что это еще за чертовщина? — встрепенулся тот.

— Зеркало, — с удивлением констатировал О'Коннелл. — И очень древнее зеркало...

Небольшое полированное зеркало, украшенное по краям иероглифами, крепилось к краю скалы там, где расщелина становилась достаточно широкой, чтобы туда мог пролезть человек.

Поднимаясь на ноги, Эвелин продолжила свое объяснение:

— Здесь находится подземное помещение, и эта трещина, безусловно, была когда-то прикрыта каменными плитами или, возможно, деревянным полом. Поймите, что фараоны использовали природные образования, например, пещеры, но в дополнение к этому еще и вырубали в скалах целые анфилады комнат. Я уверена в том, что под нашими ногами находится настоящий подземный город, состоящий из многочисленных пещер, а также залов, галерей и переходов искусственного происхождения.

Эвелин велела своим товарищам, вооружив их теми инструментами, которые удалось приобрести у бедуинов в караван-сараяе, искать вдоль края расщелины другие зеркала, и через час стараний было обнаружено с полдюжины древних зеркал, расположенных по обе стороны щели.

— Но зачем они их здесь расставили? — удивлялся О'Коннелл, отряхиваясь.

— Это древнеегипетская система освещения. — Эвелин прошла вдоль края расщелины, поворачивая зеркала так, чтобы они отражали солнечные лучи, следуя какой-то непонятной закономерности. Девушка скорее действовала наугад, но все равно была крайне возбуждена, полностью отдаваясь работе. — Если я не ошиблась в расчетах, вы скоро увидите все своими собственными глазами.

— Вы готовы спуститься вниз? — осведомился О'Коннелл.

— С удовольствием.

Он начал привязывать веревку к ближайшему каменному выступу.

— Если верить ученым из Бембриджа, — продолжала девушка, обращаясь к брату, начальнику тюрьмы и неотразимому искателю приключений, — где-то внутри гигантской статуи Анубиса находится тайник... который может до сих пор хранить Книгу Амон-Ра.

Мужчины внимательно слушали ее, стараясь не пропустить ни единого слова. О'Коннелл, проверив надежность узла, сбросил прочную пеньковую веревку в глубь расщелины. Рик закинул за плечи рюкзак, а за пояс заткнул пару факелов. Они представляли собой деревянный стержень, конец которого был обмотан полотняной лентой, пропитанной

керосином и отжатой.

— Я подам вам знак факелом, как только буду убежден в том, что внизу находиться вполне безопасно, — предложил О'Коннелл. — Мне не хочется кричать и привлекать внимание наших «друзей».

— Что ж, это разумно, приятель, — согласился Джонатан.

О'Коннелл задержался у расщелины, достал что-то из своего рюкзака и перебрал эту вещь Эвелин.

Она поймала плоскую кожаную сумку, размером со среднюю книгу, но не успела и рта раскрыть, чтобы спросить у Рика, что это такое, какой заговорил сам:

— Эту штучку я... м-м-м... одолжил у своих соотечественников... когда заходил к ним, чтобы пожелать удачи в раскопках.

Он улыбнулся девушке, затем ухватился руками в перчатках за веревку и, прыгнув в расщелину, быстро заскользил вниз.

— Какой неожиданный и приятный сюрприз! — восхищенно произнесла Эвелин. Сумка имела несколько отделений, в каждом из которых обнаружились столь необходимые ей археологические инструменты.

Вскоре где-то внизу засветился оранжевый огонек, и это означало, что О'Коннелл благополучно закончил спуск и теперь стоит на твердом полу подземного помещения. По приглашению Джонатана и после бесконечных: «Нет, что вы, только после вас!» вторым под землю отправился вспотевший, с выпученными от страха глазами бывший начальник тюрьмы.

Джонатан улыбнулся сестре и заметил:

— Что ж, если этот столб выдержал такую тушу, как наш Хасан, то нам бояться нечего.

И с этими словами он последовал за арабом.

Наконец наступила очередь Эвелин. Она погружалась в призрачную темноту, неторопливо перебирая руками веревку. Сейчас, в своем свободном одеянии, девушка как никогда сожалела о том, что одета не в брюки. Коснувшись пола ногой в сандалии, она неожиданно поскользнулась и довольно неудачно шлепнулась.

Рик нагнулся, чтобы помочь ей подняться, и откинул руку с факелом в сторону. Яркое пламя осветило стены, покрытые геометрическими узорами, иероглифами и вырезанными в камне изображениями богов и богинь.

При виде этой мрачной красоты у всех четверых захватило дух.

— Друзья мои, негромко произнесла Эвелин таким тоном, как будто находилась в церкви, — узнаете ли вы, что мы с вами сейчас находимся в помещении, куда не ступала нога человека вот уже в течение трех тысячелетий?..

— Где сокровища? — грубо перебил ее начальник тюрьмы.

— Могу отдать вам свою долю паутины, тут же отозвался О'Коннелл, стряхивая ее с себя и отбрасывая в сторону.

Он зажег второй факел и передал его Джонатану, который в это время взволнованно поводит носом:

— Но что это за жуткий запах?

Эвелин тяжело вздохнула.

Она была поражена этим открытием, которое, возможно, по своей значимости не уступало обнаружению гробницы Тутанхамона. Сейчас девушку переполняли самые разные чувства. И эту торжественность момента ей приходилось разделять с тремя примитивными

варварами и абсолютными невеждами!

Джонатан начал паниковать, и факел у него в руке предательски задрожал:

— Говорю вам, здесь пахнет смертью!.. — упорствовал он.

Начальник тюрьмы подошел поближе к англичанину и принялся:

— Лично я ничего не чувствую, — искренне признался он.

Джонатан инстинктивно втянул носом воздух возле Хасана, отпрянул и неловко заулыбался:

— Простите, ложная тревога... Послушайте господни Хасан, не могли бы вы держаться от меня подальше, если это возможно? Я не выношу толпы.

Хасан состроил оскорбленную физиономию и отошел от англичанина на пару шагов.

Эвелин, ухватив Ричарда за руку, заставляла его поочередно освещать различные участки помещения, пока не обнаружила то, что искала: маленький диск, укрепленный на стене. Девушка сняла с его поверхности паутину и повернула его к лучу света, вертикально падавшего сверху через расщелину. Этот луч образовывали все те зеркала, которые Эвелин настроила наугад. Как только на диск попал световой поток, он отразился в нескольких таких же дисках, укрепленных в разных частях помещения, озарив его ровным ярким светом.

— Неплохой трюк, — вынужден был согласиться О'Коннелл.

— Бог ты мой! — восхищенно воскликнула Эвелин, обозревая помещение. Барельефы покрывали не только стены, но и потолок зала. Подняв руку и медленно ведя пальцем по иероглифам, девушка принялась разбирать их, после чего сообщила:

— Это же Сах-Нетджер.

— Я только что хотел сказать то же самое, — невозмутимо заметил Джонатан.

— И что это за абракадабра? — поинтересовался О'Коннелл, отставляя ставший ненужным факел.

— Это зал приготовления, — объяснила Эвелин, указывая на некое подобие алтаря, находившегося в центре помещения. — Для входа в загробный мир.

— Черт возьми! — поморщился Джонатан. — Это, что, фабрика по изготовлению мумий?

Эвелин повернулась к О'Коннеллу:

— Кажется, я потеряла ориентацию. Вы не можете мне подсказать, где находится на поверхности статуя Анубиса?

— С удовольствием, — ответил тот и указал факелом в угол зала. Пламя осветило открывавшийся там проход. — Пойдемте?

Девушка кивнула с таким видом, словно ее приглашали на танец:

— Конечно.

Туннель, куда они попали, был одним из целого лабиринта проходов, узкий, весь затянутый паутиной, с низким потолком. О'Коннелл, пригнувшись, шел впереди, отводя руками паутинные занавеси. Группа двигалась туда, где, по уверению Рика, находилась статуя, как вдруг их заставил остановиться странный шуршащий звук.

— Похоже на насекомых, — подозрительно озираясь, промолвил Джонатан. Он шел следом за Эвелин, а замыкал короткую процессию Хасан.

О'Коннелл достал один из револьверов, и с факелом в руке вновь двинулся вперед. Свет от зеркал постепенно становился слабее, и в туннеле сгущалась темнота.

Наконец они дошли до пещеры, оказавшейся вовсе не творением древних каменотесов. Неизвестно, что было тому причиной, землетрясение или же беспощадное время, но именно

сюда и опустилась нижняя часть статуи. По крайней мере, постамент и ноги массивного идола оказались перед ними.

Отзвук движения (Эвелин не могла бы утверждать, что это тот же самый шорох, услышанный ими ранее) раздался вновь, но на этот раз он исходил, казалось, с другой стороны статуи.

О'Коннелл передал Эвелин факел и, прошептав: — «Держитесь позади меня», извлек второй револьвер.

Подозрительный звук усиливался. Начальник тюрьмы стал потихоньку отступать назад. Джонатан, однако, собрав все свое мужество, остался на месте и вытащил из кармана куртки солидного калибра пистолет.

Чтобы там ни было, и кто бы ни приближался, они должны были вот-вот столкнуться нос к носу. О'Коннелл одним прыжком, держа револьверы наготове, обогнул основание статуи.

...В неверном свете факела он разглядел три потных физиономии американских авантюристов и три нацеленных на него дула револьверов.

Позиция, в которой оказались конкурирующие группы, была недвусмысленной и грозила вот-вот завершиться кровавой схваткой.

— Остановитесь! — завопила Эвелин. — Не делайте глупостей!

Вооруженные мужчины замерли по разные стороны статуи Анубиса. За американцами, размахивая револьвером, подпрыгивал Бени. Дальше виднелись фигуры доктора Чемберлена и его наемных рабочих. Последние выглядели перепуганными насмерть.

— Господи, О'Коннелл! — облегченно выдохнул Хендерсон, делая шаг назад. — Ты нас так напугал, что мы чуть не обделались.

— Фи! — поморщился Рик. — Что за выражения в присутствии дамы!

Пренебрежительно пожав плечами, О'Коннелл в свою очередь отступил. Американцы последовали его примеру. Мужчины опустили оружие, хотя прятать его в кобуру пока что никто не торопился.

Внезапно Бернс, прищутив косящие глазки за стеклами очков, указал пальцем в сторону Эвелин и противным голосом произнес:

— Постойте-ка, это же мой набор инструментов!

Эвелин прижала к груди кожаную сумку и мотнула головой:

— Не может быть! Это подарок одного моего старинного друга. Он вручил его мне в день выпускного вечера.

— А я говорю, что инструменты принадлежат мне! — грозно повторил Бернс и решительно шагнул вперед.

О'Коннелл вклинился между спорщиками и приставил дуло револьвера ко лбу Бернса:

— Ты ошибся, — спокойно проговорил он. — Но если ты хочешь попросить у меня займы нулю, то говори, не стесняйся.

Бернс нервно сглотнул, неуверенно улыбнулся и, отступив, пробормотал:

— Очевидно, вы правы. Моя сумка вроде потемней. Глаза подводит, знаете ли...

Эвелин подошла к О'Коннеллу и положила руку на основание статуи. Жест, казалось бы, обыденный, но в нем явственно читалась претензия на находку.

— Ну, что ж, джентльмены, — сладким голосом пропела она. — Идите своей дорогой, и всего вам хорошего. А меня с компаньонами ожидает много работы.

Лицо Чемберлена сморщилось от едва сдерживаемой ярости. Он протиснулся между

Хендерсоном и Дэниэлсом и заявил:

— Вот что, юная леди. Этот участок для раскопок принадлежит нам. Не будете ли вы любезны немедленно удалиться?

Эвелин гневно сверкнула на него глазами и демонстративно скрестила руки на груди:

— Я полагаю, доктор Чемберлен, что такому выдающемуся египтологу, как вы, не нужно объяснять необходимость соблюдения правил этикета. Что же касается ваших американских соучастников, им могу сказать проще: было ничье — стало мое.

О'Коннелл с Бени переглянулись, и трое американцев сделали то же самое.

Мужчины снова подняли оружие, и противостояние двух групп вернулось в прежнюю позицию. Напряжение нарастало и должно было вот-вот разрешиться насилием.

Тут молчаливый стоик Дэниэлс наконец-то соизволил заметить О'Коннеллу:

— Это наша статуя... *приятель*.

— Забавно, улыбнулся Рик. (Эвелин никогда раньше не приходилось видеть такой устрашающей улыбки.) — Я нигде не вижу на ней ваших автографов... *дружшце*.

Тщедушный, в красной феске и при усах, прихвостень американцев Бени прицелился из револьвера в своего бывшего собрата по легиону.

— Рик, Рик, Рик, — заговорил он с мерзкой улыбочкой, словно ожидая неприятной для О'Коннелла развязки. — У тебя нет никаких шансов.

— Бывало и хуже, мелкий негодяй. И ты знаешь это так же, как и я.

— С обеих сторон защелкали взводимые курки, и эти легкие звуки породили, казалось, громоподобное эхо под каменными сводами.

— Эвелин почувствовала себя беспомощной. Ей очень хотелось вмешаться и остановить происходящее, но она не знала, как это сделать. Она опустила голову, и ее взгляд случайно упал на глубокую трещину в полу. Незаметно посветив себе факелом, она столкнула в нее ногой несколько мелких камешков... и услышала, как они застучали по плитам где-то внизу.

Значит, под этим залом расположен еще один!

— Ребята, ребята, ребята, — заговорила Эвелин, стараясь придать своему голосу самые чарующие интонации. — Участок для поисков огромный. У вас большая группа, а нас так мало... Мы уступаем вам эту статую. В конце концов, здесь можно обнаружить еще массу интересного.

Напряжение спало, но подозрительность с лиц американцев не исчезла. Особенно у доктора Чемберлена.

Эвелин засмеялась. Ее смех прозвучал нежно и мелодично, но несколько неестественно.

— Если уж мы оказались все вместе, необходимо уметь уступать друг другу.

С этими словами она взяла О'Коннелла за руку и увлекла его за собой. Девушка смотрели на него так многозначительно, словно предостерегала от несвоевременных расспросов.

Продолжая держать на прицеле Бени и американцев, Джонатан и Хасан отступили следом за Эвелин и Риком.

Они уже не могли видеть, как их противники убирали оружие, зато прекрасно слышали, как оставшиеся у статуи обменивались колкостями и насмешками на их счет.

О'Коннелл хмурился, сжигаемый стыдом, так как его мужество оказалось под сомнением. Тем не менее он послушно следовал за Эвелин, не выпуская ее руки. Пройдя вперед еще немного, девушка остановилась. Когда все собрались вокруг нее, она прижала палец к губам, прося сохранять тишину. Члены ее отряда прислушались.

Эхо доносило до них голос египтолога Чемберлена:

— Теперь мне необходимо заняться расшифровкой этих иероглифов. Они должны указать нам, где следует искать сокровища Сети Первого.

Услышав эти слова, Эвелин улыбнулась и знаком предложила своим путникам вернуться следом за ней в комнату для бальзамирания. Ее все еще освещали отраженные солнечные лучи.

— Очевидно, доктор Чемберлен не знает о существовании в этой статуе тайника, — сообщила девушка. — Они собираются искать лишь сокровища Сети, а вовсе не Книгу Амон-Ра.

— Но и мы тоже должны искать эти сокровища! — возмущенно заговорил Хасан, и на его потном лице отобразилось полное отчаяние.

— Книга, о которой она говорит, попытался успокоить начальника тюрьмы О'Коннелл, — сделана из чистого золота. Ясно?

Пока Хасан переваривал полученную информацию, Эвелин поделилась с Риком и братом новостью о существовании еще одного помещения под статуей, открытого ей.

— Надо попытаться проникнуть туда, — сказала девушка, и группа снова отправилась в путешествие по лабиринту. Рик двинулся первым, с факелом в руке. Прошло несколько минут, и путники обнаружили еще один туннель, ведущий вниз. Им пришлось проделать очередное путешествие, передвигаясь в полусогнутом состоянии и постоянно сражаясь с паутиной, но наконец коридор привел их в просторный зал. По размерам он не слишком отличался от верхнего, разве что потолок был ниже, а стены не так богато украшены барельефами.

— Еще один зал подготовки, — пояснила Эвелин. — Видимо, для лиц, менее значимых, чем члены царской династии.

— И зачем это все? — недоумевал О'Коннелл, обходя комнату с факелом. — Не хотите ли вы сказать, что существовали разные уровни мумифицирования?

— Именно так. И их было три, — подтвердила Эвелин. — Фараонов и наследников царствующего дома приготавливали к переходу в Царство Мертвых по первому классу. Мы же сейчас находимся там, где, если можно так выразиться, «обслуживали» покойников по третьему. Тела очищали от внутренностей, вымачивали в крепком соляном растворе и хранили в этом помещении не менее семидесяти дней. Нам повезло. Потолок здесь низкий, и мы доберемся до него без особых усилий. Если я все правильно рассчитала, то статуя Анубиса расположена прямо над нами.

Джонатан посмотрел на трещины, змеящиеся по потолку, и усмехнулся:

— И как только эти поганые грязные янки уснут... Ой, извини, О'Коннелл.

— Ничего страшного. Ты имел в виду других поганых грязных янки.

— Именно! — кивнул Джонатан. — Когда они улягутся спать, мы вернемся сюда и сопрем книгу прямо у них из-под носа.

— Они наверняка выставят наверху охрану. — О'Коннелл продолжал разгуливать по залу, освещая стены факелом. — Мы не можем рисковать и обязаны постараться проделать все незаметно. Они ни в коем случае не должны узнать, что мы овладели книгой. Они вообще не должны иметь понятия о ее существовании... Мисс Карнахэн, вы ведь сможете найти тайник, да?

— Да, если, конечно, доктору Чемберлену не улыбнется удача и он случайно не наткнется на него.

— Прекрасно, — подытожил Джонатан. — Можно считать, что план мы составили. — Он указал на потолок. — Инструменты у нас есть. Нужно лишь определить наиболее подходящее место и пробить его.

Эвелин нахмурилась:

— Но они сразу же заметят новое отверстие в полу, Джонатан.

О'Коннелл поднял руку с факелом, внимательно разглядывая потолок.

— Пробиваться следует здесь. Кладка фрагментарная. Так мы сможем достичь верхнего туннеля.

— Может, стоит начать прямо сейчас? — вслух размышлял Джонатан. — Или они нас услышат?

— Но они в курсе того, что мы тоже собираемся копать, — возразил О'Коннелл, извлекая из рюкзака зубило. — Мы же не будем пробивать дыру прямо у них под ногами... Я предлагаю начать сейчас.

— Я, пожалуй, возьму одну из этих вещиц. — заявила Эвелин, имея в виду зубило. Видимо, ей пришлось по вкусу идея немедленно приступить к работе.

Джонатан тоже подхватил зубило, взвесил его на ладони и, вздохнув, заметил:

— Ну, вот. Наконец и меня нашел физический труд... Что ж, по крайней мере, здесь не воняет так, как наверху. — И оглядевшись, он понял, почему. — Пойдите! А где же наш ароматный друг?

О'Коннелл описал факелом в воздухе широкую дугу.

Джонатан был абсолютно прав: начальник тюрьмы исчез.

Глава 10 «Тут хватит на всех»

Гад Хасан не сумел бы дослужиться до высокого поста начальника каирской тюрьмы, если бы все время шел на поводу у других людей. Не говоря уже, разумеется, о женщинах. Хасану надоело подчиняться мисс Карнахэн. Особенно его возмутило то, что эта стерва, не носящая паранджу, оказывается, и не собиралась искать сокровища фараона.

В этом подземном городе, где спрятаны несметные богатства, и где на каждом шагу имеется шанс обнаружить их, эта чокнутая леди-библиотекарь, видите ли, вздумала искать какую-то книжку! Ну да, конечно, эта книга сделана из золота, это он понимает. Но учтите, что когда раскопали гробницу царя Тутанхамона, там вообще абсолютно все было из чистого золота!

В одном женщина оказалась, безусловно, права, и за это ей большое спасибо: добычи тут хватит на всех!

И потому начальник тюрьмы решил потихоньку отстать от группы. Он отправился в обратный путь, а потом выбрал себе наугад один из туннелей и двинулся по нему, держа в руке факел, позаимствованный у Джонатана Карнахэна. Правда, из-за своей чрезмерной полноты ему иногда приходилось буквально протискиваться между каменных стен, и к тому же постоянно продираться сквозь паутину. Но что значат подобные пустяки для Хасана! Этому человеку ежедневно приходилось иметь дело с самыми ужасными ворами и убийцами во всей Азии. Какая опасность могла подстергать его здесь, по сравнению с тянувшимися, казалось, бесконечно днями в каирской тюрьме?

Спустя всего несколько минут с начала своей самовольной экспедиции Хасан сделал удивительное открытие. Случайно бросив взгляд в сторону, он обнаружил проход в еще один, фантастический по своей отделке, зал. Древние строители вырубili его в толще скалы и украсили причудливыми узорами. Ошеломленный Хасан водил факелом из стороны в сторону, осматривая стены. Внезапно рука его замерла. Кусок одной стены, помимо иероглифов, украшали вкрапленные между ними крупные драгоценные камни...

Снедаемый алчностью и тщеславием, начальник тюрьмы вытащил из кармана нож и принялся выковыривать камни из стены. Если бы здесь была Эвелин Карнахэн, о которой несколько минут назад Хасан вспоминал с таким презрением, она открыла бы ему глаза. Девушка объяснила бы, что кварцевые аметисты не стоят таких усилий. Их ценность слишком невелика, чтобы уродовать замечательное творение древних мастеров.

И еще Эвелин наверняка бы заметила рисунок, в который складывался узор. Хасан не мог его увидеть, так как стоял почти уткнувшись носом в стену. Если бы такой суеверный человек, как начальник тюрьмы, мог разглядеть, что тут изображено, он, скорее всего, оставил бы стену в покое и отправился искать сокровища в другом месте. Дело в том, что на стене был вырезан жрец, заживо пожираемый хищными скарабеями. Его искривленное в муках тело и распахнутый вопящий рот наверняка отпугнули бы неосторожного кладоискателя.

Хасан бросил первый добытый аметист в просторный кожаный кошель на поясе и принялся за следующий. Работать приходилось одной рукой, так как в другой он держал факел.

Но он упорно и методично продолжал трудиться, и его лоб покрылся крупными каплями пота, сверкающими, словно драгоценные камни. С горящими от жадности глазами

Хасан принялся напевать песню о богатстве, вине и женщинах. Этакий гимн собственной изобретательности и находчивости. Увлеченный работой, начальник тюрьмы не заметил, что один камень упал мимо кошелька. Аметист откатился и замер на покрытом толстым слоем пыли каменном полу у самых ног Хасана.

Не обратил он внимания и ни то, что камень, вырезанный в форме скарабея, начал светиться изнутри и пульсировать. Как будто в каменной скорлупе пробудилось какое-то живое существо, пытающееся выбраться наружу, словно из кокона. Хасан был настолько поглощен расшатыванием последнего камня, что не увидел, как лежащий аметист раскололся и из него выбрался настоящий живой скарабей.

Отвратительный крупный черный жук двигался, как будто направляемый чьей-то злой волей. Он быстро пересек отделяющее его от человека расстояние. Хасан продолжал самозабвенно ковырять стену, славословя самого себя. В этот момент скарабей с хрустом вгрызся в его сандалию.

Упоенное бормотание и безудержная похвальба неожиданно смолкли. Начальник тюрьмы ощутил резкий болезненный укус. Чувство было такое, что его действительно цапнули зубами, а не ужалили. Так поступают мелкие животные, но не насекомые. Одновременно Хасан ощутил жуткое жжение под кожей, будто туда влили расплавленный свинец. Но вместе с этим не оставляло сомнений и то, что в него продолжают вгрызаться острые жадные челюсти. Хасан закричал. Это был вопль страха и ужасной муки, которая больше не отпускала его. Бросив нож и факел, он начал отчаянно скрести себя ногтями в месте укуса. А жук тем временем (каким-то образом до Хасана сразу дошло, что это был именно жук) продолжал прокладывать себе дорогу через штанину. Нет, не через штанину! Через его живое тело! Обжигающая боль распространялась уже по всему телу Хасана, а скарабей трудолюбиво прогрызал путь все выше.

Протяжный вой начальника тюрьмы превратился в короткие визгливые крики. Отчаяние и ужас полностью овладели несчастным. Он чувствовал, как жук ковыряется уже у него в паху. Хасан рванул рубаху, и пуговицы, весело подпрыгивая, раскатились по полу в разные стороны. А проклятое насекомое добралось до живота, напоминая движущийся под кожей крупный желвак. Все выше и выше по жирному брюху, к поросшей густыми волосами груди. Так сноровисто пробирается роющийся под землей крот.

То, что Хасан чуть ли не раздирал свою плоть когтями, не приносило никакой пользы. Скарабей продвигался целенаправленно и неумолимо. Крики сменились рыданиями и всхлипываниями. Потом Хасан почувствовал, как острые челюсти раздирают мягкие ткани его горла, и жук больше не прощупывался под кожей. Теперь скарабей стремился пробраться внутрь черепа.

Для человека таких габаритов, как начальник тюрьмы, телодвижения, которые он исполнял сейчас, казались попросту невыносимыми. Этот дикий танец сопровождался теперь и подобием музыки. Хасан возобновил свои вопли, тон и сила которых то повышались, то понижались. Не думая ни о факеле, ни о ноже, ни о добытых сокровищах, он, подпрыгивая, помчался в темноту лабиринта. Однако избавиться от своего невидимого сожителя Хасану было не суждено.

Крики бывшего начальника каирской тюрьмы не долетали до американской экспедиции. Все ее члены по-прежнему стояли возле статуи Анубиса. Кажущийся еще более худосочным среди своих массивных партнеров, доктор Чемберлен внимательно разглядывал основание монумента. Он задумчиво теребил подбородок пальцами. Деятельных

предприимчивых янки раздражала зависимость от этого тщедушного книжного червя. Египтолог и сам чувствовал, что в любой момент они готовы сорваться с поводка.

Однако существовали определенные вещи, которые нельзя было делать наспех.

— Ну, и?.. — нетерпеливо поинтересовался Хендерсон. — Есть хоть что-нибудь в основании этого болвана или нет?

Египтолог, вооружившись мягкой колонковой кисточкой, аккуратно выметал песок из пазов между каменными плитами. Он подозревал, что именно за ними мог находиться вожделенный тайник.

— Иероглифы указывают, что у ног Анубиса покоится бесценное сокровище, — медленно и задумчиво проговорил Чемберлен.

— Тогда отвали! — грубо прорычал Хендерсон и с размаху воткнул ломик в шов между камнями.

— Нет! Ни в коем случае! — закричал египтолог и вцепился в руку американца. Эта мускулистая конечность могла бы одним махом снести плиту, скрывающую тайник (если, конечно, он там находился).

В глазах Хендерсона промелькнула угроза:

— У вас должны быть веские причины на то, чтобы хапать меня своими клешнями, док.

Ослабив пальцы, египтолог заметил:

— Если здесь действительно расположен тайник, следует задуматься вот о чем. В сущности, эти иероглифы являются предостережением для воров и грабителей. Они заставляют опасаться совершить то, что чуть было не сделал ты.

Хендерсон задумался, потом подхватил ломик и отступил на шаг назад:

— Так что же вы предлагаете?

В этот момент появился Бени с улыбкой такой же тонкой и мерзкой, как и его усики:

— Позвольте, друзья мои, предложить вам скромную альтернативу? Вы заплатили хорошие деньги этому стаду с лопатами. Он кивком указал на группу рабочих в тюрбанах и нарочито изумленно вздернул плечи. Арабы кучкой стояли позади американцев. — Вот пусть они и копают.

Чемберлен вынужден был согласиться. Конечно, их проводник был порядочным подлецом, но советы иногда давал дельные.

— Я думаю, что эту редкую честь мы должны предоставить феллахам, — заявил ученый, — как коренным жителям этой страны. Мы здесь, в конце концов, всего лишь гости.

— Послушай доброго доктора, — посоветовал Дэниэлс Хендерсону.

Но Хендерсон и так уже не горел желанием взяться за работу:

— Да-да, конечно, пусть это право принадлежит им.

Чемберлен считал Дэниэлса самым умным, сообразительным и опасным из всей этой троицы. Поэтому египтолог ничуть не удивился, когда тот повернулся к арабам и заорал:

— Слышали, что он сказал? Ну-ка, тащите сюда свои задницы!

Феллахи, бормоча что-то между собой и тревожно переглядываясь, попятились назад.

— Мистер Дэниэлс, — осторожно начал Чемберлен. — Не подумайте, что я выказываю неуважение, но позвольте заметить вам вот что. Вы больше похожи на сержанта, муштрующего новобранцев. Но сейчас очень деликатный момент. Им надо спокойно и разумно объяснить, что от них требуется.

Отстранив Дэниэлса, египтолог сам выступил вперед. Громко и отчетливо он произнес перед феллахами на арабском языке речь такого содержания: если трое из них сейчас же

добровольно не выйдут вперед, то он, властью, данной ему небом, найдет на непокорных страшное древнее проклятье. От него не только они, но и все члены их семей будут иссыхать, пока их не настигнет смерть.

Вокруг установилась мертвая тишина. Нанятые египтологом рабочие молча переваривали услышанное.

Затем трое из них, с ломиками и руках, опустив головы, выступили вперед. Они нехотя двинулись к основанию статуи, а остальные отступили еще на несколько шагов и там сгруппировались, словно стадо перепуганных овец.

Чемберлен указал добровольцам, где именно следует встать, и куда воткнуть острия ломиков. Используя их как рычаги, феллахи должны были поддеть плиту в основании статуи с боков и сверху.

Как только арабы изготовились к работе, Бени предусмотрительно сделал несколько шагов назад. Заметив это, Хендерсон последовал его примеру. Бернс и Дэниэлс поступили так же. Чемберлена это немного позабавило. Оказалось, что с виду несокрушимые и неуязвимые солдаты удачи были столь же трусливы и суеверны, как темные феллахи.

Встав сбоку статуи, египтолог принялся командовать рабочими:

— Навались!

Трое добровольцев нажали на воткнутые в щели ломики.

Вздыхнув, профессор на арабском языке объяснил, что тем следует поднапрячь мышцы, а не создавать видимость усилий, чтоб их...

— Навались! — снова крикнул он.

На этот раз феллахи с силой надавили на рычаги. Казалось, древняя плита подалась и почти тронулась с места.

— Навались!

После еще одного могучего усилия плита зашаталась в своем гнезде.

— Навались!

Напрягая все силы, феллахи сдвинули плиту почти на полдюйма.

В тот же миг из образовавшихся щелей вокруг каменного блока брызнула какая-то жидкость. Вырвавшись из-за плиты, она туманом обволокла троих стоящих у постамента рабочих.

Феллахи завопили на разные голоса, словно целый нестройный хор, запевший оду агонии, ужасу и боли. Жидкость, оказавшаяся концентрированной кислотой, обдала арабов, растворяя их одежду, обжигая кожу и превращая плоть в подобие расплавленного воска. Прежде чем несчастные рухнули на каменный пол запертво, они представляли собой почти скелеты.

Оставшиеся в живых копатели уже давно сбежали, и их полные ужаса крики эхом разносились по лабиринту. Чемберлен, троица американцев и их проводник замерли на месте. Сами они предусмотрительно отошли на такое расстояние, что капли смертоносного аэрозоля не коснулись их. Теперь все пятеро с ужасом взирали на кучки человеческих костей, еще исходившие едким паром. Плита у подножия статуи вновь вернулась на место.

Загорелые лица крутых янки побелели от страха. Бени закрыл лицо руками и трясся так, что его колени стучали друг о друга, а зубы выбивали лихорадочную дробь.

— Интере-е-е-сно, — протянул Чемберлен, опять принимаясь мять пальцами подбородок. — Что скажете, джентльмены? Будем продолжать?

О'Коннелл, вооружившись долотом, отковырнул с потолка первый камень. Джонатан, стоящий рядом, проделал то же самое. Эвелин держала факел, светя мужчинам, так как невысокий рост не позволял ей присоединиться к ним. Так как заняться ей было нечем, а стоять без дела не хотелось, она начала с энтузиазмом делиться с партнерами своими знаниями из истории Древнего Египта и рассказывала им о процессе мумифицирования.

— Древние египтяне верили в переселение душ, — говорила она. — Кроме того, они считали, что дух умершего человека может бродить во Вселенной тысячи лет, а потом вернуться на Землю с тем, чтобы попытаться снова войти в свое тело. Вот почему для них было так важно сохранить тело «целым и невредимым».

— И что же, если обмотать тело бинтам и, разве оно таким и останется? — удивился Джонатан, продолжая орудовать долотом.

— Ну что ты! Бинты — только малая доля того, что им приходилось делать с покойными. Внутренности, например, удалялись через разрез, сделанный сбоку. Затем органы тщательно вычищали и обмывали пальмовым вином. После этого их покрывали ароматическим камедным клеем и клали на сохранение в сосуды, украшенные драгоценными камнями. Так поступали с почками, печенью и легкими. Сердце удаляли у тех, кто был при жизни... порочным и нечестивым, что ли. Брюшная полость заполнялась кассией, миррой и другими благовониями, зашивалась, и все тело пропитывалось... каким-то составом, похожим на углекислую соль натрия, в котором находилось в течение сорока дней. И только потом оно заматывалось в мягкие льняные бинты, чтобы получилась мумия.

— А мозги они оставляли? — поинтересовался О'Коннелл, взглянув на Эвелин.

— Ой! Я же совсем забыла рассказать про мозг! — спохватилась девушка. — Мозг извлекали при помощи острого, раскаленного докрасна щупа...

Джонатан поморщился:

— Пожалуй, это уже излишняя информация. Нам вполне хватило того, что ты уже успела рассказать.

— ...который просовывали в ноздрю. Мозг разрезался этим щупом на куски, которые потом специальным крючком извлекали из ноздрей.

— Наверное, это очень больно, — заметил О'Коннелл.

Эвелин усмехнулась:

— Ничуть. Мумифицируют только мертвых.

— Такие процедуры пробудили бы и мертвого.

— Я бы уж точно насторожился, — поддакнул Джонатан.

Эвелин закатила глаза:

— Вы ведете себя, как школьники. Как там идут дела? Есть сдвиги?

И как будто в ответ на ее вопрос сверху обвалился целый фрагмент потолка, и в зал грохнулся огромный камень, разбившись при этом на тысячу кусков. О'Коннелл вовремя успел отскочить в дальний угол помещения, увлекая за собой девушку. Джонатан столь же удачно отпрыгнул в противоположном направлении.

Они еще не успели прийти в себя после случившегося, как в образовавшееся отверстие к ним соскользнул массивный гранитный предмет. Вместе с ним сверху посыпались мелкие

камушки. Гранитный монолит приземлился с таким невероятным грохотом, что вся комната сотряслась от его падения, а некоторые камушки раздробились в пыль, которая тут же туманом распространилась по всему залу.

Откашливаясь и осторожно вставая на ноги, временно ослепленные неожиданной пыльной бурей, все трое не без опаски приблизились к незнакомому предмету. О'Коннелл поднял с пола все еще горевший факел, который выронила Эвелин при падении.

— Вот такой шум, я думаю, тоже может разбудить мертвых, — высказался Джонатан.

— Ты, возможно, не так уж и далек от истины, — произнесла Эвелин, осматривая в свете факела свалившийся предмет. Это был, по всей очевидности, какой-то массивный гранитный «футляр».

— Что это еще за хреновина? — поморщился О'Коннелл.

— Саркофаг, — пояснила девушка. Пыль тем временем уже почти осела на пол. — Захороненный под защитой Анубиса, у самых ног бога. Кто бы там ни был, он являлся очень важным лицом.

— Ты полагаешь, что ему таким образом были оказаны все почести после смерти? — поинтересовался англичанин.

— Его сестра лишь неопределенно пожала плечами:

— Возможно, что так. Или же кому-то было необходимо, чтобы за этой личностью присматривали сами боги. Возможно, он при жизни как раз и был...

— Человеком порочным и нечестивым? — подсказал ее брат. — Может быть, заглянем внутрь и проверим, на месте ли его сердце?

— Помогите мне стереть пыль вот отсюда, — попросила Эвелин. Мужчины тут же достали из своих рюкзаков тряпки, и вскоре на крышке саркофага проступил единственный, но весьма впечатляющий иероглиф.

Хотя О'Коннеллу он показался довольно простым (правда, он даже приблизительно не представлял себе, что тот мог означать), Эвелин уставилась на него очень внимательно. При этом выражение ее лица становилось все более серьезным и даже испуганным.

Джонатан все это время нетерпеливо барабанил пальцами по крышке саркофага:

— Ну? И кто же там? Царь такой-то или просто его садовник?

Эвелин замаялась, словно ее что-то смутило и озаботило:

— Здесь говорится только... Тот, Чье Имя Не Называется.

— Наверное, это очень плохой садовник, — покачал головой Джонатан.

— Этот гранит, судя по всему, был добыт в каменоломне и привезен сюда издалека, — со знанием дела сообщил О'Коннелл, протирая поверхность саркофага, на которой обнаружился некий выступ, напоминающий замок. — Качество превосходное.

— Согласна, — отозвалась девушка.

— Ну, раз тут покоится такая важная персона, — подхватил Джонатан, — может быть, внутренний гроб у него сделан из чистого золота, как у царя Тутанхамона?

— Не исключено, — вынуждена была уступить брату Эвелин.

— Но без ключа нам понадобится месяц, чтобы открыть эту штуковину и заглянуть внутрь, — покачав головой, сообщил Ричард.

Внезапно Эвелин задумалась, и глаза ее радостно заблестели:

— Вот что это значит — ключ! — радостно воскликнула она и щелкнула пальцами. — Вы понимаете? Вот что, оказывается, искал медджай, который забрался на пароход. Ну, тот самый, с крюком. Он хотел, чтобы я отдала ему ключ!

— Понятно! — лицо Джонатана просияло. — Вот для чего нужна была эта шкатулка с секретом! Еще одна тайна разгадана!

Эвелин достала шкатулку из рюкзака брата и быстро заставила ее раскрыться, так, что она развернула свои острые «лепестки». Теперь коробочка стала действительно напоминать большой ключ, и, более того, она идеально подходила к замковому механизму саркофага.

Все трое восхищенно заулыбались. Наступал торжественный момент. Джонатан и Рик встали по обе стороны Эвелин, а она не слеза потянулась ключом к замку.

Но церемония в тот же миг была прервана истошным криком, который донесся до них из глубины лабиринта. По нему можно было легко определить, что человек, издававший его, находился в безвыходном положении.

Эвелин тут же закрыла шкатулку, бросила ее Джонатану, а он уложил ее в свой рюкзак. О'Коннелл выхватил у девушки факел, и все трое помчались в туннель навстречу несчастному, который, вероятно, очень нуждался и помощи.

Они добежали до того места, где коридор расширялся, и остановились. Крики все усиливались и приближались к ним, и через несколько мгновений они увидели и сам источник этих нечеловеческих завываний: *начальника тюрьмы Хасана!*

Тучный араб выскочил из коридора, нелепо подпрыгивая на каждом шагу. Глаза его были вытаращены, и он буквально рвал у себя на голове волосы, разбрасывая их клоки по полу.

— Хватай его! — велел О'Коннелл Джонатану, и оба мужчины зажали Хасана между собой, пытаясь удержать его за руки.

Но начальник тюрьмы, вконец обезумевший от боли, быстро избавился от горе-помощников, раскидав их в стороны и продолжая орать, как целая орда диких туарегов. Он пробежал через широкую часть коридора и со всего разгона ударился лбом о каменную стену, будто машина, потерявшая управление и врезавшаяся в фонарный столб.

Хасан замер на месте и стоял так еще пару секунд, словно давая возможность Эвелин ощутить весь ужас его положения, и только после этого грузно шлепнулся на спину. Распростершись на полу, он уставился широко раскрытыми, но уже ничего не видящими глазами в каменный потолок.

— Боже мой! — только и смог вымолвить О'Коннелл.

Эвелин в страхе прикрыла рот рукой.

— Что это на него нашло? — пожал плечами Джонатан.

О'Коннелл подошел к Хасану и, встав возле него на колени, сначала пощупал пульс, затем закрыл глаза бывшему начальнику тюрьмы и медленно поднялся на ноги.

— У Города Мертвых появился еще один житель, — мрачно доложил он.

Эвелин отвернулась и заплакала. О'Коннелл и Джонатан тревожно переглянулись.

Наверное, поэтому они и не заметили, как из уха Хасана выполз покрытый кровью жук и тут же скрылся где-то в темноте лабиринта.

Глава 11 «Ночные посетители»

Сапфировый саван ночи, усеянный звездами, опустился на Город Мертвых. Луна осветила остатки колонн и стен Хамунаптры, придавая им бледный оттенок цвета слоновой кости. Оба лагеря разместились на территории, огражденной полуразрушенными стенами города. Причем располагались они на максимальном удалении друг от друга. По сравнению с лагерем американцев, их многочисленными палатками, вьючными животными и огромным ревушим костром, четыре крохотные палатки экспедиции Эвелин капались жалкой деревушкой рядом с густонаселенным городом. Их маленький костерок поддерживался лишь предусмотрительно захваченными О'Коннеллом в оазисе пальмовыми ветками и охапкой сухой полыни.

Когда Рик похоронил Хасана и вернулся к своим, он застал брата и сестру сидящими возле огня и тесно прижавшимися друг к другу.

Эвелин подняла глаза и посмотрела на О'Коннелла, который бросил кирку рядом с рюкзаком, и спросила:

— Как вы считаете, что послужило причиной смерти этого несчастного?

— Может быть, он съел что-то не то, — сухо отозвался Джонатан.

Они прекрасно знали о том, что начальник тюрьмы имел привычку поедать самую отвратительную на вид пищу, а потому мог и отравиться.

— Или что-то съело его, — высказал свое предположение О'Коннелл, устраиваясь рядом с девушкой. Это замечание заставило Эвелин и Джонатана с любопытством посмотреть в сторону Рика. — У него на ноге я заметил следы укуса какого-то мелкого животного.

— Может быть, это змея? — насторожился Джонатан.

— Я не уверен. Укус был небольшой, но очень серьезный. Рана оказалась настолько глубокой, что мой палец, не нащупал ее конца.

Эвелин содрогнулась, крепко обхватывая себя руками:

— Я видела, как вы разговаривали с американцами. Вам удалось заключить с ними перемирие?

— Нет, до этого я не дошел, отрицательно мотнул головой О'Коннелл. Но они немного поутихли... У них сегодня тоже случилась трагедия.

И О'Коннелл рассказал друзьям о том, как погибли трое рабочих, когда случайно наткнулись на ловушку, устроенную еще в древности. В ней с тех давних пор хранилась под большим давлением концентрированная соляная кислота.

Эвелин широко раскрыла глаза:

— Может быть, нам еще повезло сегодня в том, что нас так неожиданно прервали. Завтра, когда отправимся открывать тот саркофаг, нужно будет принять все меры предосторожности.

Джонатан, отхлебнув сладкого мятного чая из оловянной кружки, тревожно огляделся по сторонам и со всей серьезностью, столь нехарактерной для него, заявил:

— Наверное, над этим местом и вправду нависло какое-то проклятье.

Как будто в ответ на его слова резкий порыв ветра прошелся по лагерю, пробуждая в развалинах города завывающие звуки. От холодного воздуха чуть не потух их маленький костерок, а широкий бедуинский наряд Эвелин раздулся наподобие паруса.

О'Коннелл нервно сглотнул, и когда костер разгорелся снова, он обменялся настороженными взглядами с Джонатаном.

Это не ускользнуло от внимания Эвелин, и девушка весело рассмеялась:

— Эх вы! Я же говорю, что вы оба — самые настоящие дети!

О'Коннелл прислонился спиной к камням, сложив руки на груди:

— Значит, вы не верите в проклятья?

— Нет, — замотала головой Эвелин. — Это чушь. — И она пренебрежительно поморщилась.

Ну как ты можешь такое говорить? — возмутился Джонатан. — Все, и Карнахэны в особенности, знают, что с такими вещами шутить опасно.

Эвелин махнула на него рукой и вновь рассмеялась:

— Успокойся, Джонатан. Но обращайтесь на него внимания, О'Коннелл.

Лицо ее брата внезапно помрачнело, и он заговорил снова:

— А ты попроси ее рассказать тебе про наших родителей, О'Коннелл. Посмотрим, что она на это ответит.

— Наверное, это очень интересно? — Внезапно Рик почувствовал себя некомфортно. Точно такие же ощущения он испытал и чуть раньше, когда по лагерю так внезапно прогулялся порыв ночного ветра.

Но Эвелин ничуть не смутилась и отчетливо произнесла:

— Я верю только в то, что можно увидеть и потрогать. Вот во что я верю.

— Моя сестра — атеистка, мистер О'Коннелл. Она наврала, потому что вообще ни во что не верит. Ты ее как-нибудь об этом тоже спроси... А ты сам во что веришь, старина? В свои «звезды и полосы» и... что там у вас еще в почете? Вишневый пирог?

— Яблочный, — поправил Рик, доставая из рюкзака штуцер и взводя его. Громкий металлический щелчок как-то по-особенному громко прозвучал в ночи. — Я старый бойскаут, Джонатан, а потому верю в то, что всегда нужно быть готовым к любым неожиданностям.

— Что касается меня, — заговорил Джонатан, — я приверженец церкви Самовознаграждения. — Он поднял с земли какую-то вещь. *Это оказался холщовый мешок, который начальник тюрьмы Хасан носил на поясе, рядом с кошельком!* Молодой англичанин спокойно расстегнул его и запустил внутрь руку.

— Эта штука принадлежала нашему Хасану, если не ошибаюсь? — поинтересовался О'Коннелл, уложив страшное оружие себе на колени.

— Совершенно верно, друг мой. Я не хотел, чтобы вместе с нашим приятелем была похоронена такая ценная вещь. Это могло бы спровоцировать кого-нибудь на ограбление могилы... ой!

Эвелин настороженно подалась вперед:

— Джонатан? Что с тобой?

— Проклятье! Я совсем забыл, что тут отколот кусочек!

С этими словами он извлек из мешка бутылку со спиртным и принялся жадно поглощать ее содержимое, стараясь едва касаться губами поврежденного горлышка. Время от времени он издавал утробные звуки от получаемого им наслаждения,

— «Глен Дулей», — наконец сообщил марку напитка англичанин, удовлетворенно вытирая рот рукой. — Двенадцать лет выдержки... Для человека, совершенно не имеющего понятия о личной гигиене, наш покойный друг имел потрясающий вкус в выпивке.

Джонатан случайно задел мешок так, что из него высыпался песок, единственное, что еще оставалось внутри.

О'Коннелл и Эвелин переглянулись и одновременно покачали головами. Они оба почувствовали себя неловко из-за такого пустяка.

Потом где-то на грани слуха раздался неясный звук, такой тихий, что его уловил только Рик. Он предостерегающе поднял вверх палец, призывая своих товарищей соблюдать тишину. Брат и сестра с интересом уставились на О'Коннелла, а тот встал на колени и приложил ухо к земле, прислушиваясь. Через мгновение нарастающий топот копыт и похожая на громовой ливень ружейная пальба сделали его уловки ненужными.

Свинцовый дождь обрушился на американский лагерь. Теперь О'Коннелл прекрасно слышал и видел вспыхивающие в темноте оранжевые всплески винтовочных выстрелов: словно детишки баловались фейерверком где-то на заднем дворе.

Рик впихнул заряженный штуцер в руки Эвелин, от чего та вздрогнула. Он вскочил, выхватил одной рукой револьвер, другой подобрал рюкзак, приказал Карнахэнам оставаться на месте и стремительно бросился к руинам, где уже завязался бой.

Он не видел, как Эвелин последовала за ним, хотя и несколько неуклюже из-за тяжести массивного штуцера. Джонатан с явной неохотой присоединился к сестре, вытаскивая на ходу свой крупнокалиберный пистолет. С нежностью, словно ребенка, он прижимал к груди бутылку с виски.

— Эй, сестренка! — окликнул он Эвелин. — Мне кажется, нам было велено оставаться у костра!

Двигаясь зигзагами, прячась за встречавшимися на пути укрытиями в виде скал и обломков древних сооружений, Рик приближался к месту схватки. По палаточному городку американцев галопом носилось с дюжину всадников-медджаев. Стволы их винтовок сверкали в темноте, и нападавшие сшибали выстрелами разбегающихся феллахов, словно банки с забора. Кони своими копытами разбросали костер, и по всему лагерю появилось несколько небольших источников света. Обсыпанные песком, поднятым лошадьми, американцы достойно отстаивали свою территорию (за исключением трусливого доктора Чемберлена, который наверняка прятался в палатке). Они открыли ответный огонь из револьверов, и иногда им удавалось выбить из седла какого-нибудь медджая. Но силы были далеко не равны.

Дэниэлс схлопотал пулю в плечо, но и тогда крутой американец не выпустил револьвера. Даже закрутившись на месте от раны и упав, он умудрился прикончить стрелявшего в него медджая. По мере сил отстреливаясь, Хендерсон и Бернс оттащили своего раненого приятеля с линии огня.

Сейчас О'Коннелл находился на границе территории лагеря. Он прятался за развалинами, осторожно высовываясь из-за них и проверяя обстановку. Неожиданно откуда-то сзади, из-за груды камней, на него полетела какая-то темная фигура, оказавшаяся его бывшим товарищем Бени.

— Ты куда-то торопишься? — поинтересовался О'Коннелл.

— Рик! А я как раз тебя разыскивал! Хочу предупредить кое о чем, мой друг.

О'Коннелл ухватил Бени за рукав и начал тащить его в ту сторону, где разворачивалась настоящая битва:

— Я думаю, мы тоже должны поучаствовать в схватке.

— Только одни миленький вопрос, что ты имеешь против того, чтобы сбежать от этого

кошмара? Что тебя здесь удерживает?

— Не знаю. Наверное, мои товарищи, с которыми я сюда прибыл и только с которыми покину это место.

Пригибаясь к земле, они продвигались вдоль длинной насыпи из камней и мусора, к месту боя. Неожиданно О'Коннелл дернул Бени за руку, заставив присесть.

В этот момент мимо них галопом пронесся всадник, размахивая золотым кривым мечом. Он беспощадно и даже с каким-то наслаждением рубил направо и налево наемных рабочих-арабов, видимо, таким образом выказывая им свою месть за предательство. С короткими вскриками копатели падали, а их одежды еще некоторое время трепетали в воздухе, как крылья умирающих птиц.

— Оставайся здесь и стереги вот это, — приказал О'Коннелл, кладя у ног венгра рюкзак с оружием, смотри, чтобы я не остался без своего арсенала. Мое оружие всегда должно быть наготове.

— Ты можешь полностью положиться на меня, Рик! — Бени нервно вздрагивал и часто моргал всякий раз, когда слышал поблизости от их укрытия ружейный выстрел.

— Конечно, ни о каком доверии и речи быть не может. Но если ты собираешься обмануть меня и сбежать с моим оружием, то тебе лучше начать молиться прямо сейчас о моей смерти, Бени.

— Рик, ты меня обижаешь!

— Именно так.

Рик высунулся из-за камней, поджидая подходящего момента для атаки и сжимая в правой руке револьвер. Когда предводитель медджаев проезжал мимо, О'Коннелл вспрыгнул на насыпь, бросился на всадника и сдернул его с седла. Оба кубарем покатались по песку, поднимая облака пыли.

Через мгновение они расцепились и, ловко вскочив на ноги, повернулись лицом друг к другу. Вождь медджаев вскинул над головой свой золоченый меч, готовый разрубить врага, но О'Коннелл успел выстрелить. Пуля, угодив в лезвие, выбила оружие из руки араба. Следующий выстрел должен был достаться самому негодяю. Но в этот момент между противниками оказался еще один всадник. Над головой Рика сверкнуло еще одно лезвие и чуть было не снесло ее. Выстрелив почти наугад, О'Коннелл вогнал пулю в этого сукиного сына, и тот, вылетев из седла, отправился к праотцам.

Когда Рик обернулся, чтобы разобраться с предводителем, тот уже вновь был в седле и покидал место их схватки. Стоя на полусогнутых ногах, О'Коннелл выхватил второй револьвер и теперь, крутясь на месте, палил во все стороны. Он вышибал всадников из седел до тех пор, пока не кончились патроны. Вновь оказавшись за спасительной насыпью, Рик увидел охранявшего рюкзак Бени. О'Коннелл принялся торопливо перезаряжать револьверы, как вдруг почти рядом раздался оглушительный выстрел, больше похожий на взрыв. Ошибки быть не могло: Рик узнал «голос» своего страшного штуцера.

О'Коннелл высунулся из-за насыпи как раз вовремя, чтобы увидеть незабываемое зрелище. Медджая, в которого угодил этот выстрел, вырвало из седла, его бездыханное тело отлетело по воздуху футов на двадцать и врезалось в полуразрушенную стену. В противоположную сторону летела, отброшенная отдачей, Эвелин. Через мгновение девушка приземлилась, зарывшись в песчаную дюну. О'Коннелл испытал одновременно два чувства: и страх за ее присутствие в столь неподходящем месте, и восхищение ее отвагой.

Со своего места Рик видел, что и Джонатан не остался в стороне от схватки. О'Коннелл

был несказанно горд за представителей славного семейства.

Джонатан оказался рядом с группой феллахов, которые тоже успели расхватать оружие. С заткнутой за пояс бутылкой и пистолетом в руке, Джонатан и примкнувшие к нему заняли позицию под пилонами въезда в храм. Когда четверо медджаев на всем скаку попытались прорваться на обороняемую ими территорию, вся группа одновременно открыла огонь. После сокрушительного залпа остались лишь четыре лошади с опустевшими седлами.

Однако к стенам храма спешила еще одна группа всадников. Вскоре феллахи во главе с Джонатаном оказались втянуты в жестокую рукопашную схватку.

Перезарядив револьверы и взглядом пригвоздив Бени к месту, О'Коннелл устремился на помощь к англичанину.

Однако добраться до Джонатана Рикю было не суждено.

Услышав за спиной грохот копыт, О'Коннелл обернулся и увидел все того же предводителя медджаев, размахивающего все тем же золоченым мечом. Ричард пригнулся, инстинктивно защищая голову поднятой рукой. Взмах меча и револьвер полетел в сторону. Другой — и О'Коннелл распрощался со вторым револьвером!

Грозная фигура всадника с узким треугольным лицом нависла над Риком. Неожиданно губы предводителя медджаев тронула улыбка. Это была и дань мужеству белого, и злорадство над тем, что сначала О'Коннелл обезоружил вождя, а теперь сам оказался в подобном положении.

Времени, пока медджай упивался своим торжеством, Рикю оказалось достаточно. Он стремительно перескочил через насыпь, где его поджидал Бени. Венгр протягивал О'Коннеллу распахнутый рюкзак, словно Санта-Клаус, предлагающий детишкам любой подарок на выбор. Не раздумывая, Рик вытащил из своего арсенала динамитную пашку и ткнул фитилем в тлеющую рядом головешку от костра. Бикфордов шнур ожил и зашипел, разбрасывая искры.

Одновременно с этим конь предводителя медджаев перескочил через посыпь. О'Коннелл оказался перед появившимся всадником, сжимая в поднятой руке шипящий смертоносный снаряд.

— Терпеть но могу проигрывать бой, — безумно оскалился Рик, глядя на воина, — но на ничью согласен.

Взгляд всадника скрестился со взглядом О'Коннелла.

Фитиль продолжал шипеть и укорачиваться, поторапливая смерть, которая неминуемо должна была прийти ко многим, оказавшимся в лагере.

В этот момент медджай выбросил вперед руку с кривым мечом. Но не для удара. Это был своеобразный жест, привлекающий внимание собеседника.

— Оставьте, это место, — неприятным шуршащим голосом произнес медджай. Оставьте это место, или вы умрете.

— Но это уже моя проблема, верно? — отозвался

О'Коннелл.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Воин заставил коня попятиться, развернул его и ускакал прочь, крикнув что-то остальным медджаям, которые тут же рванулись за своим вожаком и исчезли в темноте. Через несколько секунд об их нашествии запоминала только клубящаяся в воздухе пыль, отдаленный топот лошадиных копыт, да тот погром, который они учинили своим вторжением.

Бени, выбравшись из какой-то расщелины в камнях, осторожно подал голос:

— Ты не хочешь загасить эту штуковину, Рик? Опасность уже миновала. Похоже, ты сумел до него достучаться.

— А, ну да! — опомнился О'Коннелл и выдернул почти догоревший шнур из шашки.

Эвелин, вся в песке, пошатываясь, подошла к нему. Она была потрясена случившимся. О'Коннелл быстро приблизился к ней и прижал девушку к себе.

— Дорогая, с вами все в порядке? — прошептал он.

Она попыталась отстраниться, но не слишком старалась сделать это. Ее удивило такое отношение О'Коннелла, да он и сам изумился своему поступку. Это получилось у него как-то само собой. Рик действовал не задумываясь, и вел себя вполне естественно.

— Да... — ответила девушка. — Все в порядке... теперь.

Вслед за Эвелин подтянулись и Бернс с Хендерсоном, взъерошенные и нетвердо держащиеся на ногах, но непобежденные. Бернс поддерживал Дэниэлса, у которого на рубашке, у плеча, расплывалось большое темно-красное пятно. Но американец даже не поморщился от боли.

— Вот видите, — сквозь зубы процедил Дэниэлс. — Все точно. Значит, сокровища старины Сети наверняка находятся под этими проклятыми песками.

— Они обязаны быть где-то совсем близко, — подхватил Хендерсон. — Иначе зачем бы понадобилось этим дикарям таким варварским способом прогнать нас отсюда?

О'Коннелл продолжал вглядываться в далекие барханы, окружавшие долину со всех сторон.

— Это кочевники, — медленно заговорил он. — Их интересует только вода, а совсем не золото.

— Но здесь нет колодцев! — заметил Бернс, протирая стекла очков полой рубашки. — И это местечко вряд ли можно назвать оазисом, черт побери!

— Я знаю, — вздохнул О'Коннелл. — Вот это меня и волнует.

Из палатки появился доктор Чемберлен с аптечкой в руках и принялся обрабатывать рану Дэниэлса.

Хендерсон, в смущении проведя пятерней по волосам цвета соломы, произнес:

— Послушайте... в общем... спасибо вам за помощь.

— Вы бы на моем месте поступили бы точно так же, — усмехнулся О'Коннелл, вовсе неуверенный в своих словах.

— А то, что было раньше... ну, там, внизу, сегодня... Короче, мы не должны вот так размахивать оружием друг перед другом. Мы можем оставаться соперниками, но при этом не становиться врагами.

— Договорились.

— А по ночам, может быть, — добавил Бернс, — нам стоит объединяться... ну, чтобы увеличить наши силы. И к тому же, не стоит ли ним, ребята, вообще жить с нами в одном лагере?

О'Коннелл взглянул на Эвелин, и девушка кивнула:

— Это предложение нам тоже нравится. — сообщил Рик. — Завтра мы переедем.

Эвелин настороженно смотрела и сторону перевернутого вверх дном палаточного городка:

— А где Джонатан? Кто-нибудь видел моего брата?

Но ей никто не ответил,

— Надо поискать его. — Эвелин нахмурилась и решительно ухватила Ричарда за руку.

— Может быть, вам нужна наша помощь? — спросил О'Коннелл у американцев. Вам предстоит еще хоронить людей.

— Нет, — ответил Хендерсон. — Мы управимся сами. Да вы и так нам уже здорово помогли.

С этими словами Хендерсон дружелюбно протянул О'Коннеллу ладонь, и мужчины пожали друг другу руки.

После этого Рик и Эвелин быстро удалились в свой лагерь, и там обнаружили Джонатана. Он лежал возле угасающего костра, распростершись на песке и пустыми глазами уставившись в небо.

— Они убили его! — закричала Эвелин. — Господи Боже мой!

Джонатан быстро заморгал и посмотрел на свою сестру:

— А я считал, что ты не веришь в Бога, — едва ворочая языком, отозвался совершенно пьяный англичанин.

Только теперь О'Коннелл заметил в его руке наполовину опустошенную бутылку.

Когда Джонатан ползком отправился спать в свою палатку, О'Коннелл и Эвелин понемногу прикончили и оставшуюся часть горячительного напитка.

Бывший легионер быстро возродил костер к жизни, но ночь, как всегда, оказалась слишком холодной, и Рик с Эвелин сидели у огня, прижавшись друг к другу, чтобы было теплей. Эвелин сказала О'Коннеллу, что вообще никогда не пьет, но сегодня умудрилась выпить больше чем он. И если бы здесь оказался стол, то Ричард свалился бы под него первым. Сейчас, после налета медджаев, девушка даже попросила Рика немедленно дать ей несколько уроков бокса, чтобы она могла защищаться самостоятельно.

Раскачиваясь, она попыталась повторить прием, который он только что показал ей, но не рассчитала сил и рухнула прямо в объятия Рика. Они оба повалились на песок, и, немного покатавшись по нему, Рик предложил выпить еще по глоточку из бутылки с отколотым горлышком.

— В отличие от моего брата, — важно произнесла девушка, — я знаю, когда следует сказать «нет».

Как раз этого влюбленный мужчина слышать от нее вовсе не хотел.

— Мне бы нужно было рассердиться на вас, — сменил тему О'Коннелл.

— Почему? За что?

За то, что вы так рисковали собственной жизнью. Я же сказал вам, чтобы вы не вступали.

Эвелин приподняла брови, потом прищурилась:

— А кто у нас главный в экспедиции, между прочим? Кто все это вообще организовал?

— Послушайте, я еще могу понять, почему сюда решил приехать ваш брат. Он ищет богатства. Это вполне объяснимо. Но почему...?

— Что в таком гнилом месте делает столь милая девушка? Вы это хотели сказать?

— Именно так.

Легкая улыбка заиграла на пухлых губах Эвелин. Голос ее стал мечтательным:

— Древний Египет и я неразлучны. Разве вы не знаете, кем был мой отец?

— Кем же?

— Сейчас я вам кое-что покажу, сказала она и раскрыла медальон, который висел у нее на шее, Рик увидел фотографии, ее родителей: красивого мужчины и женщины-египтянки с

такими же привлекательными глазами и губами, как у дочери, Это Говард Карнахэн. Вот кто мой отец.

— Простите... я раньше ничего о нем не слышал. Я же просто невежественный американец.

— Но вы были солдатом удачи и воевали в Аравии, не так ли? Наверняка вы слышали о том, кто обнаружил гробницу царя Тутанхамона... Ну, в общем, он был одним из них.

— Боже мой... Неужели ваши родители...

— Погибли, — подтвердила девушка и кивнула. — В авиакатастрофе. Но я не верю, что это было сбывшееся проклятье. Вздор это все. Чепуха. Да, тринадцать человек погибло, но ведь люди погибают каждый день. И проклятье тут ни при чем. И судьба тоже...

О'Коннелл почувствовал, что здорово опьянел. Однако легкая речь Эвелин не сбила его с толку. Он понимал, что она тоже порядком «окосякла».

— Значит, вы решили пойти по стопам своего отца. И наплевали на проклятье царя Тутанхамона.

— Может быть, и так. Правда, я не исследователь, как мой отец, и не авантюрист, как вы, мистер О'Коннелл... но я по праву горжусь тем, кем я являюсь.

— Кем же, ради всего святого, вы являетесь?

Она вздернула подбородок и ударила себя и грудь:

— Ну... я... библиотекарь.

Он так и прыснул со смеху:

— Если быть точней, то пьяный библиотекарь.

Она присела рядом с ним и прижалась к Рикку, чтобы стало уютней:

— Ну как вы можете говорить такое? — сказала она. И вообще, когда вы снова поцелуете меня, мистер О'Коннелл?

— Я вообще никогда не поцелую вас, если вы будете постоянно называть меня «мистер О'Коннелл». Я уже говорил, кажется, что меня зовут Рик.

— А почему я должна называть вас Рик?

— Потому что это мое имя.

— Рик, Рик... Поцелуй меня, Рик.

И с этими словами она сама поцеловала его, а потом свалилась к нему на колени и отключилась с глупейшим выражением на лице, точно таким же, как и у ее брата. О'Коннелл прижал ее к себе и смотрел на нее с нескрываемой нежностью. Через пару минут он и сам задремал почти с такой же идиотской улыбкой.

Глава 12 «Находки»

С рассветом следующего дня обе экспедиции вернулись на облюбованные ими места в залах и пещерах Города Мертвых. Хасан и трое феллахов упокоились под песками пустыни, как и пятеро рабочих, погибших во время нападения медджаев. Ночной налет еще больше убедил американцев в том, что руины скрывают несметные сокровища.

В сопровождении всего лишь троих рабочих американцы отправились к основанию статуи Анубиса, Во время завтрака, состоящего из консервированных бобов, авантюристы решили, что ловушка, превратившая троих арабов в дымящиеся скелеты, уже «использовала свой заряд» кислоты. Тем не менее некоторые меры предосторожности все же были приняты. Они заключались в том, что американцы под дулами револьверов заставили феллахов снова взяться за крышку тайника.

На этот раз выброса смертоносного аэрозоля не последовало. Правда, когда тяжелая плита, отделившись от основания, с грохотом рухнула на пол, все присутствующие вздрогнули. Не отреагировал только флегматичный Дэниэлс, раненая рука которого покоилась на перевязи. Бени, который поначалу вообще не хотел спускаться под землю и предлагал поискать сокровища в любом другом месте, только бы не в лабиринте, держался в стороне. Он вжался в стену и иступленно молился сразу на нескольких языках.

Доктор Чемберлен по-арабски предложил феллахам посмотреть, что находится в открывшемся тайнике. Естественно, что последние не выразили никакого энтузиазма. Тогда египтолог повторил свою знаменитую речь насчет проклятья, которое обрушится на непослушных и их семьи. На этот раз его обращение дошло и до американцев, которые тут же подкрепили его, направив на феллахов стволы револьверов. Перепуганные арабы с покрытыми потом лицами проникли в полость под статуей.

Вскоре они выволокли оттуда деревянный сундук, украшенный разноцветными иероглифами. С величайшей осторожностью арабы поставили сундук на пол. Доктор Чемберлен тут же смахнул с крышки пыль и принялся пожирать глазами изображенные на ней символы: крылатые диски солнца, грифов и богов, опустившихся на корточки. — Гора с головой сокола и шакалового Анубиса...

Присев перед сундуком, словно копируя позы богов, Чемберлен принялся разбирать иероглифы. Внезапно он почувствовал, как его охватила дрожь, а по спине потек холодный пот. Иероглифы рассказали ученому жуткую историю, от которой у того бешено заколотилось сердце и пересохло во рту.

— В чем дело? — спросил Дэниэлс, многозначительно поигрывая револьвером. — Выкладывайте!

Вкрадчивым, четким и даже зловещим голосом, не отрывая взгляда от иероглифов, Чемберлен проговорил:

— Мне кажется, что здесь говорится о проклятье... страшном... чудовищном проклятье.

— Проклятье? Да проклятье на мою волосатую задницу! — презрительно фыркнул Дэниэлс. — Лучше скажите, что говорится о сокровищах фараона.

Чемберлен, не поднимаясь на ноги, внимательно всмотрелся в лица этих крутых парней, которые окружили его плотным кольцом, держа в руках факелы и револьверы (за исключением раненого Дэниэлса, который ограничился только оружием).

— Джентльмены, — начал профессор. — Прошу нас... мы должны соблюдать меры

предосторожности и действовать аккуратно, без спешки.

— Послушайте, док, — вступил в разговор Хендерсон. — Мы уже давно поняли, что эти древние хмыри были ребятами сообразительными и находчивыми, способными на всякие пакости. Мы, разумеется, будем вести себя предусмотрительно, не расслабляясь. Но вы тоже перестаньте постоянно запугивать нас своими дикарями.

— Они вовсе не были дикарями, — возразил египтолог, любовно прикрывая ладонями крышку сундука, словно стараясь уберечь его от своих сообщников. — Они жили в период расцвета великой цивилизации. И все это происходило за тысячи лет до рождения Христа!

— Ну так напишите о них книгу, что ли, — презрительно бросил Дэниэлс, — Но вы так и не ответили: что там говорится о сокровищах?

— Мы находимся на священной земле, джентльмены... И кто мы такие, чтобы судить о том, чьи ценности и чья вера важней: их или наши?

Бернс рассмеялся:

— Тут все очень просто, док. Лично я ценю золото и серебро, а также искренне верю в них.

— То, о чем они предупреждали еще в древние времена, может оказаться действенным и сегодня, — заметил египтолог.

Бени шагнул вперед, вернее, сделал один крохотный шагок в сторону Хендерсона и скромно обратился к нему, опустив голову:

— Послушайте его, мой друг. Бени сам жаждет добычи, но при этом мы должны действовать крайне осторожно, быстро и продуманно...

— Да-да, разумеется, — поморщился Хендерсон. — Я все понял. Мы, конечно, преклоняем колена и трясемся от благоговейного страха перед этим божком с собачьей мордой. Так сойдет? Ну а теперь вы мне скажете, наконец, что написано на этом сундуке?

Чемберлену не понадобилось снова обращаться к иероглифам, чтобы воспроизвести для своих нервных спутников фразу, так напугавшую его самого:

— «Смерть примчится на стремительных крыльях к тому, кто посмеет осквернить данное вместилище».

В тот же момент откуда-то возник ветер, пронесшийся мимо маленькой группы людей, чуть не задув их факелы. Этого оказалось достаточно для троих арабов. Они наплевали на оружие американцев и, воздев руки кверху, принялись громко причитать. Потом все трое повернулись и бросились наутек в темноту лабиринта, не переставая бормотать что-то насчет смерти.

— Предрассудки! — сплюнул Бернс.

— Вы так считаете? — удивился египтолог. По-вашему, ветер в подземном помещении — явление обычное?

И все же на троих американцев последние слова доктора произвели некоторое впечатление. Это обрадовало египтолога. Он даже начал надеяться на то, что сумел вразумить их и теперь все пойдет гладко.

— Я предлагаю продолжить наши поиски. Нет смысла навлекать на себя беду, — сказал профессор. — Как правильно рассудил наш проводник, нам следует более тщательно исследовать подземный город. Мы можем за любым углом обнаружить зал, битком набитый золотом и драгоценными камнями.

— Открывайте ящик, — зарычал Дэниэлс.

— Надпись на этом, как вы выразились, «ящике» свидетельствует о том, что внутри

него находится мумия...

— Я полагаю, что здесь мы найдем еще кучу всяких мумий, док, — резонно заметил Хендерсон.

— Но это не простая мумия, друзья мои. Этот человек описывается как «живой мертвец». И если окончательно вернуть его к жизни, то он, приговоренный священным законом, обязан будет воплотить наложенное на него страшное проклятье.

— Все понятно, — устало кивнул Хендерсон. — Мы будем вести себя тихо и постараемся не возвращать к жизни никаких мертвецов.

— Отрывай ящик, — повторил Дэниэлс.

— И ожившая мумия убьет всех, кто осквернял это вместилище! предупредил Чемберлен. Она поглотит наши органы и жидкости наших тел.

— То есть сожрет, что ли? — переспросил Дэниэлс, едва сдерживая улыбку.

— Боже мой! — покачал головой Хендерсон. Похоже, у него разыгрался аппетит, если он оставался живым, хотя и мертвецом, в течение нескольких тысячелетий.

— Пожрав плоть осквернителей, продолжал Чемберлен в отчаянии, — он возродится. Тогда перестанет он быть живым мертвецом и принесет муки и страдания на Землю.

В тот же миг еще один порыв неизвестно откуда взявшегося ветра пронесся по туннелю, высвистывая что-то жуткое и заставив затрепетать пламя факелов.

— Получается, что мы зря проделали такой тяжелый путь? — возмутился Хендерсон. — Бени! Тащи сюда свой тощий зад!

Бени, казалось, прилагавший все усилия, чтобы просочиться в каменную стену, нервно улыбнулся и заметил:

— Мне и отсюда все прекрасно видно, спасибо.

— Иди сюда, тебе говорят!

Венгру пришлось подчиниться.

Хендерсон кивнул в сторону ломиков, брошенных убежавшими арабами:

— Хватай один из них и открывай эту крошку.

— Нет, дружище.

Хендерсон сунул свой револьвер под нос Бени:

— Ладно. Мне осточертели консервы, — прорычал американец. — Придется приготовить на ужин гуляш по-венгерски.

Вздыхнув, Бени принялся за работу. Пока он возился с крышкой сундука, охотники за сокровищами благоразумно отошли от него на некоторое расстояние, а за ними, пригнувшись, устроился профессор Чемберлен.

Замок уже почти поддался, но тут Бени бросил ломик и истошно закричал:

— Нет! Проклятье!.. Проклятье!..

В следующий миг венгр с силой толкнул Хендерсона на Дэниэлса, и оба американца, падая, как кегли, сбили с ног своего третьего товарища и египтолога. А маленький тщедушный проводник не замедлил скрыться в темноте лабиринта. До слуха американцев еще несколько секунд доносился его безумный крик: «Проклятье! Проклятье!»

— Суеверный мелкий подлец! — констатировал Дэниэлс, поднимаясь на ноги.

Отряхиваясь, Хендерсон обратился к профессору:

— Скажите, док, как, по-вашему, внутри этого сундука может быть устроена какая-нибудь хитроумная хреновина? Только говорите правду.

Чемберлен задумчиво покачал головой:

— То, что вы собираетесь сделать, как раз и является осквернением вместилища. Ну а «хитроумная хреновина», как вы изволили выразиться, наверное, и будет тем самым обещанным проклятием. Так что я настоятельно рекомендую вам...

Но Хендерсон уже не слышал его. Он сам поддел замок на крышке, тот поддался, и сундук раскрылся. Раздался звук, напоминающий крохотный взрыв, и в воздухе закружилась облако пыли, вылетевшей из недр сундука.

Пыль оказалась отвратительной, и в помещении запахло какой-то гадостью. Перепуганные американцы, ничего не видя вокруг себя, принялись откашливаться, протирая глаза и натываясь друг на друга...

Их опасения оказались напрасными. Через некоторое время пыль осела и запах улетучился. Чемберлен едва удержался от смеха, глядя на троих «ковбоев», направивших револьверы в недра открытого сундука. Как будто их грубая сила и огневая мощь оружия могли хоть как-то повлиять на древность!

Итак, все остались целы. Страсть доктора Чемберлена к знаниям, да и — что скрывать! — природная алчность заставили его приблизиться и заглянуть в сундук.

Медленно, даже почтительно, египтолог извлек оттуда нечто, завернутое в грубую холстину. Это был большой прямоугольный предмет. Предвкушая открытие, Чемберлен аккуратно развернул истлевшую ткань. Глазам присутствующих предстала большая тяжелая книга. Искусно вырезанный древними мастерами из обсидиана переплет был снабжен массивными медными петлями. Вся ее поверхность покрывала замысловатая резьба и иероглифы.

— Я читал об этом, — почти не дыша от волнения, прошептал Чемберлен. — Я слышал о ней. Ни один человек современности до сегодняшнего дня не мог с уверенностью сказать, что Книга Мертвых действительно существует!

— Книга? — Дэниэлс в ярости пнул сапогом в пол. — Всего лишь книга? И из-за нее устроен такой переполох?

Но, джентльмены... — египтолог ласкающими движениями гладил выпуклую резьбу переплета. — Эта книга — величайшее сокровище.

Я бы не обменял и медную пепельницу на эту книгу! — зарычал Хендерсон и в гневе ударил ногой по сундуку.

Не надо, прошу вас! — закричал Чемберлен, но сундуку уже был нанесен ущерб.

Самый настоящий. Старое, высушенное веками дерево расщепилось, обнажая внутреннее отделение сундука. В нем находились сосуды, украшенные золотом и драгоценными камнями. Четыре из них уцелели, но пятый от удара раскололся.

Чемберлен содрогнулся от противоречивых чувств, овладевших им. Помимо ледящего душу праха он испытывал и небывалый подъем при виде драгоценных сосудов... Бесспорно, они представляли собой большую ценность, но являлись и средоточием древнего проклятия. В них хранились внутренности того, кто был превращен в мумию.

Глаза Бернса за стеклами очков алчно заблестели:

— Камни! Наконец-то мы нашли кое-что.

Если ночное нападение медджаев лишь подстегнуло жадность американцев, а находка принесла им некоторое удовлетворение, то жажда знаний Эвелин утолена еще не была.

Хотя другая жажда, которую она успешно утоляла прошлой ночью, доставляла ей сейчас немало проблем. Сухость во рту, круги под глазами, такие же, как у Джонатана и Рика, да еще вялость в движениях, все это говорило об одном. Все трое страдали от симптомов самой неблагоприятной болезни — жуткого похмелья. Но, несмотря на паршивое самочувствие, они принялись трудиться над саркофагом, который, как дар богов, буквально свалился им на головы.

Эвелин возилась со шкатулкой, пытаясь превратить ее в ключ. То, что раньше давалось ей без труда, сейчас, из-за нетвердости движений, получалось довольно плохо.

— Не могу поверить, что я до такой степени утратила над собой контроль и вы, два распутника, ухитрились меня соблазнить, и в результате я напилась.

— Только не надо винить меня, сестренка, — отозвался Джонатан. К тому времени, как вы приступили, я, как и полагается нормальному джентльмену, уже тихо вырубился.

— Ты не напилась, еле ворочая языком, поправил ее О'Коннелл. Глаза его стали красными, а кожа приобрела нездоровый сероватый оттенок. — Это слишком мягко сказано. Ты нажралась, как последняя скотина.

— Ну... — только и смогла вымолвить Эвелин, после чего снова уставилась на брата.

Джонатан с видом глубокого раскаяния поднял обе руки вверх. Выглядел он еще хуже, чем Рик:

— Только не пытайся заставить меня отомстить. Меня вообще там не было. Я ничего не помню.

— Я тоже, — вздохнула девушка.

— Стыд и позор! — возмутился О'Коннелл, напуская на себя обиженный вид, — А кто-то клялся, что не забудет эту ночь никогда.

— Я? Да ни в жизни!

— Вплоть до вчерашней ночи, — усмехнулся Рик.

Зардевшись от смущения, Эвелин вернулась к шкатулке. Решительным жестом О'Коннелл забрал ее и одним движением раскрыл.

— Ничего особенного не произошло, — негромко произнес он. — Просто ты согласилась называть меня Риком.

Эвелин с облегчением улыбнулась ему, но, приняв суровый вид, заявила:

— Ничего серьезного и быть не могло. Я требую, чтобы вы, два школьника, стали наконец, вести себя, как взрослые мужчины.

— Отойдите, — скомандовал О'Коннелл и вставил «лепестки» ключа в пазы замкового механизма. Держа ключ вытянутой рукой, он пригнулся и повернулся к саркофагу спиной.

— Мистер О'Коннелл, — начала Эвелин. — Я, конечно, ценю вашу заботу и осторожность, но не припомню ни одного случая, когда саркофаги оснащались бы ловушками.

Девушка подошла и решительно повернула ключ вправо, породив целую серию странных скребущих звуков. Это откликнулся древний механизм. Затем послышалось громкое шипение, говорившее о том, что герметичность саркофага нарушилась.

Все трое отступили назад, обмениваясь возбужденными и нетерпеливыми взглядами. Однако ни кислотный душ, ни с силой вылетающие металлические острия, никакие другие

сюрпризы их не ожидали.

Потом им пришлось напрячь ноющие с похмелья мышцы, чтобы сдвинуть крышку в сторону. Они толкали ее, тащили на себя, вздыхали и сопели, но крышка не поддавалась. Наконец, уступая их усилиям, медленно, дюйм за дюймом, она начала сдвигаться.

— Эта крышка слишком тяжелая, и мы не сможем аккуратно снять ее, — высказала свое предположение Эвелин, когда они решили передохнуть. Боюсь, нам придется просто спихнуть ее на пол. — Они передавали друг другу большую флягу с водой. — Но мы рискуем, так как она может расколоться.

— Что ж, либо она, либо мы сами расколемся пополам от напряжения, — заметил Джонатан.

Они снова приступили к работе, но на этот раз напряглись так, что крышка неожиданно заскользила со своего места и упала на каменный пол с таким грохотом, что он не только эхом разнесся по лабиринту, но и самым болезненным образом отозвался в похмельной голове Эвелин. Стоящие рядом мужчины каждый по-своему отреагировали на падение гранитной плиты: Джонатан прикрыл руками рот, а О'Коннелл — глаза. Если учесть, что сама Эвелин прижала ладони к ушам, то можно понять, что сейчас они со стороны напоминали небезызвестную троицу обезьян.

Внутри саркофага лежал куда более скромный деревянный гроб, который, по настоянию девушки, мужчины вынули и аккуратно перенесли на пол. Эвелин смотрела на этот древний предмет, покрытый пылью и паутиной, таким восхищенным взглядом, как если бы он был сделан из чистого золота.

— Я мечтала об этой минуте, когда была еще девочкой, — с благоговейным трепетом в голосе произнесла она.

— Наверное, ты была довольно странным и своеобразным ребенком, — высказался О'Коннелл, все еще стоя на коленях возле гроба.

— Это точно, — подтвердил Джонатан, скорчившись возле противоположного конца деревянного ящика с таким недовольным видом, как будто находился на траурной церемонии и ему предстояло еще долго возиться с этим гробом.

Эвелин бросила на мужчин испепеляющий взгляд и попросила у О'Коннелла тряпку. Она принялась бережно протирать крышку гроба в надежде найти на ней иероглифы. Однако очень скоро почувствовала, как у нее все похолодело внутри от того, что она увидела, а точнее не увидела.

— Все остальное в порядке, но только священные заклинания почему-то начисто срезаны! — пояснила она свое недоумение мужчинам.

— И что все это означает? — поинтересовался О'Коннелл.

— Здесь должны находиться иероглифы, которые защищают покойного внутри гроба, Эти заклятия сопровождают его в загробной жизни, но только их тут нет. Кто-то намеренно удалил их с крышки.

— Значит, он точно был человеком порочным и нечестивым, понимающе кивнул Джонатан.

— Наверное, того, что он был осужден при жизни, им не хватило, — согласилась с братом Эвелин. — Они решили его осудить и поели смерти тоже.

— Да, в строгости этим древним египтянам не откажешь, — добавил О'Коннелл.

— Я искренно сочувствую бедолаге, — вздохнул Джонатан. — А теперь, не стоит ли нам заглянуть внутрь и проверить: вдруг на нем надета золотая маска. Или хотя бы

серебряная.

Эвелин уже перестала обращать внимание на ехидные замечания обоих мужчин. Сейчас она была поглощена своей работой. Девушка протирала пыль с замкового механизма, который как две капли воды походил на тот, что располагался на крышке саркофага, и тоже открывался при помощи «лепестков» заветной шкатулки.

Вспомнив, как действовала его сестра, на этот раз с замком справился Джонатан, вставив в него раскрытую коробочку и повернув ее вправо.

И снова отважная троица услышала характерное шипение, говорящее о том, что они нарушили многовековое заключение того, кто находился в гробу.

Но на этот раз отвратительный запах они почувствовали сразу же. Он шел из всех щелей, образовавшихся от времени под деревянной крышкой.

— Фу! — поморщился Джонатан отступая назад и зажимая нос пальцами. — Послушай, О'Коннелл, ты, случайно, не здесь похоронил нашего любимого Хасана?

Эвелин закашлялась и также отошла от гроба. О'Коннелл, одной рукой закрыв себе нос и рот, другой попытался открыть крышку. Когда он понял, что этого недостаточно, то использовал обе руки, но тоже безрезультатно.

— Мне кажется, крышку попросту заело, заметил он. Она там за что-то цепляется... Помогите мне, Джонатан.

Мужчины приложили все свои усилия, чтобы сдвинуть крышку с места, и она наконец поддалась.

— Только теперь не надо останавливаться! — предупредил О'Коннелл. — По-моему, дело пошло на лад...

И крышка, словно в ответ на его слова, тут же открылась!

Но вместе с крышкой из гроба вылез прилипший к ней его обитатель: жуткий, покрытый кое-где личинками червей, все еще разлагающийся труп, обмотанный истлевшими почерневшими бинтами. Казалось, он хочет выпрыгнуть из места своего заточения и убежать отсюда.

Храбрый американец, сдержанная англичанка и ее щеголеватый, элементный брат заорали, как последние идиоты, потерявшие остатки рассудка.

А мумия, отлипнув от крышки, снова шлепнулась в свой гроб.

О'Коннелл нервно сглотнул и неуверенно рассмеялся:

— Наверное, бинт каким-то образом приклеился к дереву или что-то в этом роде, — пояснил он.

— Да, эти бинты, по-моему, до сих пор еще липкие, — подтвердил Джонатан.

— Тут что-то не так, — заволновалась Эвелин, осторожно подходя к гробу. Она принялась внимательно изучать скорченный уродливый труп. — Мне еще не приходилось видеть такую странную мумию... Прошло три тысячелетия, а она...

— Сохранила в себе влагу? — подсказал Джонатан.

— Ну да. Так не бывает, даже если учесть, что гроб оставался герметичным. И эта мумии... до сих пор продолжает разлагаться!

О'Коннелл тем временем исследовал крышку гроба.

— А вы взгляните-ка сюда, — попросил он и указал на следы крови и многочисленные глубокие царапины, бороздившие дерево изнутри. — Это он проскреб своими ногтями.

— Боже мой! — в ужасе выдохнула Эвелин. — Значит, его... похоронили живьем!

— Он был чересчур порочным человеком, — тихо добавил Джонатан.

— Похоже, он успел оставить нам послание. — С этими словами Ричард указал на какие-то неровные иератические знаки, написанные кровью.

— Смерть — это только начало, — перевела девушка.

Джонатана передернуло, а О'Коннелл и Эвелин настороженно переглянулись.

— Вы еще долго собираетесь торчать здесь? — поинтересовался Рик. — Я подумал, не стоит ли мне сходить за своим рюкзаком?

Глава 13 «Да будут прокляты оба ваших дома!»

Еще одна ночь опустилась над Городом Мертвых, и звезды на небе засверкали, как аметисты. Но теперь «деревенька» Карнахэн слились с американским «городом», и обе соперничающих команды уютно разместились вокруг большого ревущего костра. Шаткое перемирие сопровождалось напряженным молчанием, а револьверы и винтовки лежали на всякий случай неподалеку. Вдруг гостеприимные медджаи еще рай надумают «заглянуть на огонек»?

Наслаждаясь чудесным прохладным вечером, Эвелин направилась к костру. Сложив ладони ковшиком, она несла в них холщовый мешочек. Глаза девушки сияли, как у ребенка, собравшегося поиграть в стеклянные шарики. Выбравшись из своей крошечной палатки, она прошла мимо огромною шатра, служившего доктору Чемберлену штаб-квартирой.

Египтолог, в своем тропическом шлеме, который он не снял даже сейчас, когда солнце сменилось луной, стоял у стола. На нем были разложены артефакты, собранные его экспедицией. Перед доктором, поблескивая драгоценными камнями, красовался один из погребальных сосудов. Осколки другого лежали рядом. С полдюжины феллахов сидели на песке у шатра, словно ученики, ожидавшие услышать святое откровение от своего наставника.

— Здравствуйте, доктор, — поприветствовала его Эвелин, замедлив шаг, но Чемберлен не ответил ей.

Это вовсе не было грубостью со стороны профессора: он был целиком поглощен исследованием ценнейшего артефакта — книги. Массивный, отделанный обсидианом манускрипт с медными петлями и застежками был снабжен еще и хитроумным запором. Из-за него доктору никак не удавалось раскрыть книгу.

Лукаво улыбнувшись себе под нос, Эвелин зашагала к костру. Она устроилась между своим братом Джонатаном и О'Коннеллом, рядом с которым сидел его товарищ по Иностранному Легиону Бени. Оба бывших солдата жарили на палочках какие-то постные и костлявые куски мяса. Запах от жаркого исходил довольно странный, если не сказать своеобразный.

Джонатан потянул ноздрями воздух:

— Позволю себе поинтересоваться, что за отвратительную снедь вы готовите?

— Крысу, — недружелюбно буркнул Бени. — Лучшее мясо, которое может предложить эта проклятая пустыня.

— Могу поделиться, — тоном радушного хлебосола предложил Рик. — На вкус оно не хуже, чем на запах.

— Нет уж, спасибо, — Джонатана всего передернуло, — А я уж было подумал, учуяв запах, что это наш друг Хасан восстал из мертвых.

По другую сторону пылающего костра разместились американские авантюристы: Хендерсон, Бернс и Дэниэлс. Они о чем-то тихо разговаривали между собой, улыбались и вообще пребывали в превосходном расположении духа. Как и Чемберлен, каждый из них оказался обладателем богато украшенного драгоценными камнями сосуда. Американцы крутили их в руках, разглядывали и даже поглаживали, словно любимую кошку.

Хендерсон поднял свой сосуд и, хвастливо поворачивая его в ладони, продемонстрировал находку Эвелин и ее друзьям.

— Мисс Карнахэн, вы, говорят, большой специалист. Как выдумаете, сколько можно будет отхватить за такую красоту, если толкнуть ее коллекционерам?

— Мои знания касаются лишь научной стороны вопроса, — холодно и с достоинством ответила Эвелин. — Боюсь, коммерция — это больше по вашей части, мистер Хендерсон.

— Бени говорил, что вы, ребятки, нашли сегодня мумию, — подключился к разговору Бернс, блестя стеклами очков, в которых играло пламя. — Примите мои поздравления.

О'Коннелл бросил в сторону венгра раздраженный взгляд. Но тот и ухом не повел, видно, не считая выдачу конфиденциальной информации предательством, и полностью сосредоточился на своей крысе.

— Я слышал, что это замечательная свеженькая мумия, — продолжал Бернс.

— А почему бы вам ее немного не подвялить? — стойк Дэниэлс неожиданно проявил столь несвойственное ему чувство юмора. А то у нас туговато с топливом для костра.

И охотники за сокровищами рассмеялись, похлопывая друг друга по спинам, опьяненные выпавшей на их долю удачей.

Эвелин проигнорировала грубоватые насмешки конкурентов и повернулась к О'Коннеллу:

— После того как вы с Джонатаном поднялись наверх, я обнаружила еще кое-что.

— Надеюсь, тебе не пришлось в голову в одиночку бродить по лабиринту? — нахмурился Рик.

— Нет, конечно! Я обнаружила это в гробу нашего «друга».

С этими словами она развязала принесенный мешочек и вытряхнула его содержимое на песок так, чтобы О'Коннелл и Джонатан смогли оценить ее находку: несколько панцирей каких-то жуков.

Джонатан, ненавидевший любых насекомых, отшатнулся:

— Слава Богу, что эти омерзительные жуткие твари давным-давно подошли. Не хотелось бы мне повстречать такого жука живьем.

— Я бы сказала, что они даже легендарны из-за своей «жути». Это скарабеи — пожиратели плоти. Они могут прожить много лет, довольствуясь плотью трупа... Кстати, мистер О'Коннелл... У вас не найдется лишнего крысо-кебаба для меня? Я просто умираю с голоду.

— Могу вам его быстро приготовить, — отозвался Рик, удивленно приподнимая брови.

Джонатан продолжал с отвращением смотреть на панцири жуков:

— Не хочешь ли ты сказать, сестренка, что эти отвратительные твари пожирали плоть нашего трупа?

— Да... и нет. Боюсь, что в случае *нашего* трупа дела обстояли несколько иначе. Я полагаю, когда они начали поедать его, он еще не был трупом.

Джонатан и О'Коннелл обменялись изумленными взглядами, но веря своим ушам.

Благодаря любезности Ричарда Эвелин уже приобрела персональный шашлык из крысы, который принялась методично прожаривать на огне. Увлеченная этим занятием, Эвелин продолжала просвещать членов своей маленькой экспедиции:

— Таким образом, наша теория о том, что при жизни этот человек был большим грешником, имеет право на существование. Видимо, мы были недалеко от истины.

— Значит, ты полагаешь, что он не только был похоронен заживо, — начал размышлять вслух О'Коннелл. — Тот, кто поступил с ним таким образом, еще додумался бросить в его гроб и горсточку пожирающих плоть жуков? Ну, чтобы они загрызли его до смерти?

Эвелин нахмурилась:

— Я бы сказала, что этих жуков там была не «горсточка», а гораздо больше.

— Но что такого мог натворить этот человек, чтобы удостоиться подобных «почестей»? — поинтересовался Джонатан.

О'Коннелл лишь усмехнулся:

— Может быть, он начал заигрывать с дочкой фараона.

— Это самое малое, что могло случиться, — подтвердила Эвелин, медленно поворачивая крысу на огне. — Но, судя потому, что я уже увидела, могу высказать одно смелое предположение. Видимо, нашей мумии пришлось пережить самое страшное из всех древнеегипетских проклятий: хом-дай.

И она пояснила, что такая процедура предназначалась лишь для самых порочных людей и злостных святотатцев.

— Но у меня все же остаются некоторые сомнения насчет моей теории, — добавила Эвелин. — Дело в том, что во всех книгах имеются указания на то, что в жизни этот обряд проклятия — хом-дай — никогда так и не был приведен в исполнение.

Джонатан горько усмехнулся:

— Что ж, значит, наша мумия оказалась первой.

— Ты хочешь сказать, что ученые считают, будто такое наказание в действительности ни к кому не применялось? Тогда зачем вообще понадобилось его придумывать?

Эвелин пожала плечами:

— Наверное, оно действовало как угроза, как средство устрашения и сдерживающий фактор. Люди знали, что если кто-то поведет себя уж слишком плохо, ему ой как не поздоровится! Однако в Древнем Египте никто так и не был наказан при помощи хом-дай. Во всяком случае так считает наука. Египтяне очень боялись применить это наказание.

— Но почему? — не переставал удивляться Джонатан. — Я считал, что бояться должен тот, кого наказывают, а вовсе не палач.

— Существуют указания на то, что если тот, кто подвергся пыткам хом-дай, когда-нибудь восстанет из мертвых, — начала Эвелин самым беспечным тоном, словно рассказывала о чем-то обыденном, — то со своим возвращением он принесет на Землю и десять казней египетских.

— Сколько-сколько казней ты сказала? — шутливо переспросил О'Коннелл, хотя взгляд его оставался серьезным и даже настороженным.

Бени, который, казалось, увлеченно обсасывал крысиные косточки и вовсе не прислушивался к разговору, вдруг вставил:

— Это как получилось у Моисея и фараона, да?

— Да, совершенно верно, кивнула Эвелин.

— Интересно, осталось ли у меня в голове хоть что-нибудь из того, чему меня учили в воскресной школе, — оживился Джонатан и начал припоминать, какими же казнями грозили фараону: — Значит, так: лягушки, мухи, саранча... Боже мой, кажется, это все.

— Град, — подсказал Бернс, сидевший по другую сторону костра. — И огонь.

— Солнце должно почернеть, припомнил Хендерсон.

— А вода — превратиться в кровь, — подхватил Дэннэлс.

— Выяснилось, что все это время американцы внимательно прислушивались к разговору конкурентов.

— А вот еще один кошмар, кстати, мой любимый. Это когда все тело покрывают

болячки, ожоги и так далее. Представляете подобный ужас? Но все равно остается еще две напасти. Кто-нибудь мне поможет?

Все молчали. Кто-то нервно хохотнул, но Эвелин чувствовала, что в воздухе постепенно накапливается некое напряжение. Вот вам и храбрые охотники за сокровищами! Все же мужчины — это самые настоящие дети.

Она отвела палочку с крысой в сторону, подула на мясо и, попробовав его, радостно заявила:

— Совсем не так плохо, как я думала.

* * *

Эвелин вдоволь надышалась свежим вечерним воздухом и была готова отправиться спать (Теперь ее угнетала только бедуинская одежда, которая успела уже порядком измяться и запачкаться). Девушка приближалась к своей палатке, но, проходя мимо шатра профессора, заметила кое-что весьма интересное.

Доктор Чемберлен лежал на подстилке и крепко спал. Одной рукой он нежно прижимал к груди украшенный драгоценными камнями сосуд, а другая расслабленно покоилась на древней черной книге.

Эвелин воровато огляделась вокруг. Наемные землекопы египтолога лежали вповалку на земле, укрывшись с головой одеялами. Казалось, все они крепко спят, а доктор Чемберлен оглушительно храпел.

Через несколько коротких мгновений Эвелин уже сидела возле костра. В руках она держала заветную книгу.

— А вот это уже называется воровством, — раздался сзади чей-то голос, и рядом с девушкой на песок опустился О'Коннелл.

— Мне кажется, раньше ты в таких случаях пользовался определением «позаимствовать», — ответила она, намекая на способ, которым Рик раздобыл ей набор археологических инструментов. — Будь любезен, достань из рюкзака Джонатана шкатулку с секретом. Пожалуйста.

О'Коннелл повиновался.

Эвелин вставила раскрытую шкатулку в пазы механизма. Он оказался в точности таким же, как на саркофаге и на внутреннем деревянном гробу, которые им успешно удалось открыть.

— Ты искала именно эту книгу? — поинтересовался Рик. — Но, по-моему, она вовсе не из золота.

— Это не Книга Амон-Ра. Это что-то другое, но, по-видимому, не менее ценное.

— А что же это такое? Черная книга для черных списков царя Тутанхамона?

— Я думаю, что это Книга Мертвых.

— Мертвых? — поморщился О'Коннелл, — Что-то мне перестает нравиться наша затея.

— Не будь слюнтяем! — возмутилась Эвелин. — Ну какой вред может причинить книга?

С этими словами она решительно повернула ключ.

Шуршащий звук приведенного в действие механизма, казалось, эхом разнесся в ночи. Девушка испуганно огляделась, проверяя, не проснулся ли кто-нибудь, в частности, доктор Чемберлен. Однако ничего, кроме похрапывания спящих тут и там мужчин, слышно не было.

Неожиданно воздух пришел в движение. Но это был не порывистый ветер, как прежде, под землей. На этот раз казалось, что дышит нечто неопределимо огромное, будто в небе перевел дух сучающий великан. Пламя костра заметалось под этим холодным потоком воздуха.

О'Коннелл и Эвелин нервно переглянулись, но затем девушка рассмеялась. Рик присоединился к ней, но смех его звучал неубедительно. Он придвинулся к девушке поближе и обнял ее, словно защищая от возможной опасности. Эвелин показалось, что и Ричард чувствует себя несколько не в своей тарелке.

Девушка склонилась над книгой, медленно водя пальцем по иероглифам и что-то невнятно бормоча.

— Ну и что же это такое, в конце концов? — не выдержал О'Коннелл. — Телефонный справочник Хамунаптры?

— «Амон кум ра. Амон кум дей».

— Теперь мне все ясно. Хорошо, что поинтересовался, — съехидничал Рик.

— Здесь говорится о ночи и дне.

Не обращая внимания на О'Коннелла, она продолжала читать, теперь уже вслух, словно желала слышать, как звучат древние заклинания.

(Она, конечно, не могла знать о том, что сейчас происходило во тьме лабиринта. Мумия, оставленная ими в деревянном открытом гробу рядом с саркофагом, начала оживать. Гниющая плоть и кости зашевелились, распахнулись веки. Имхотеп пробудился, словно от удара, и уставился в темноту пустыми глазницами.)

...Итак, Эвелин Карнахэн, честная поборница научных изысканий, влюбленная в верования и обряды Древнего Египта, преданная памяти своего знаменитого покойного отца, продолжала читать те самые заклинания, которые постепенно возвращали мумию к жизни.

— Нет! — вдруг раздался чей-то истошный крик позади Эвелин.

Проснулся еще кто-то, а именно доктор Чемберлен.

— Нельзя этого делать! — вопил профессор. — Немедленно остановитесь!

Когда египтолог добежал до девушки на своих коротеньких ножках, она уже успела закрыть книгу, как школьница, застигнутая ночью за чтением запрещенного романа. Сейчас она обратила внимание на то, что профессор наконец-то снял свой знаменитый тропический шлем. Его жиденькие белесые волосы стояли дыбом. Наверное, оттого, что он ворочался во сне... Или от осознания ужаса, который учинила Эвелин...

Остановившись почти у самого костра, Чемберлен внезапно замер на месте и повернулся лицом к пустыне, будто услышал оттуда некий звук.

А это было действительно так. Вскоре до слуха Эвелин и О'Коннелла также донесся далекий жужжащий звук, словно откуда-то из-за горизонта к ним приближается самолет, только это жужжание казалось более пронзительным и с какими-то подвываниями.

Рик и Эвелин одновременно вскочили на ноги. В тот же миг, вздрогнув, в своей палатке проснулся Джонатан. Жужжание и вой теперь напоминали сигнал испорченной автомобильной сирены. В той стороне, где стояли палатки американцев, возник Бени. Он шел пошатываясь и держась руками за живот.

— Наверное, крыса оказалась больная, — спросонок пробормотал он, но глаза его тут же округлились от ужаса, как только он услышал все нарастающий гул, идущий из пустыни.

Хендерсон, Бернс и Дэниэлс тоже выскочили из палаток с револьверами в руках, когда до них донесся снаружи непонятный шум.

Все сгрудились в мерцающем свете костра, напряженно вглядываясь в сторону источника звука. Смущенные собственной беспомощностью, американцы громко рассуждали о том, что за чертовщина тут, могла происходить.

Вскоре «чертовщина» заявила о себе вполне материально. Жуткое, невероятно огромное облако саранчи опустилось на лагерь, покрывая все вокруг шевелящимся ковром.

Эвелин судорожно размахивала руками в воздухе, стараясь пробиться через вихрь крылатых насекомых. Она почувствовала, как О'Коннелл ухватил ее за талию и увлек за собой. Пробившись сквозь ливень саранчи, к ним присоединился Джонатан, и все трое помчались к трещине возле статуи Анубиса. Отчаянно пытаясь избавиться от ползающих по ним крылатых тварей, они старались как можно скорей достичь храма.

В это время Бени со своими американскими работодателями мчался к другому входу в лабиринт. А доктор Чемберлен, покрытый шуршащим саваном из саранчи, прижимая к себе вновь обретенную Кингу Мертвых, стоял и вопрошал небеса:

— Что же мы натворили?!

Отплевываясь от саранчи, успевшей заползти ему в рот, он присоединился к своим товарищам.

Эвелин, О'Коннелл и Джонатан уже знакомым путем добрались до зала бальзамирования, где и остановились, выбирая из волос и одежды запутавшихся там насекомых. Рик, более всех сумевший сохранить присутствие духа, не расставался со своим рюкзаком с оружием. О'Коннелл достал спички и зажег факел.

— Никогда в жизни не видел столько кузнечиков сразу! — признался он.

— Это не кузнечики, — поправила его Эвелин, стараясь быстрее прийти в себя. — Это саранча.

— Значит, это и есть одна из так называемых десяти казней? — истерично выкрикнул Джонатан, обращаясь к сестре. — Саранча!

— Это вовсе не казнь, Джонатан, — стараясь сохранять спокойствие, сказала Эвелин, — а природное явление. Связано оно с тем, что один раз в несколько лет у саранчи происходит гигантский прирост популяции, и когда все насекомые сразу взлетают и начинают мигрировать... получается как раз то, что мы только что наблюдали. — Девушка стряхнула с уха крупную саранчу.

Она отступила на шаг, и тут же почувствовала, как ее сандалия угодила но что-то скользкое.

— Тьфу ты! — в сердцах сплюнула девушка. — Я, кажется, во что-то вляпалась.

— Не во что-то, а в кого-то, — поправил Джонатан, нахмурившись, после того как опустил свой факел и исследовал ногу своей сестры.

Весь каменный пол зала был усеян отвратительными, скользкими лягушками!

Эвелин еле сдержалась, чтобы не закричать от ужаса. В это время к ней как раз обратился О'Коннелл:

— Насчет саранчи все попятно. Но разве египетские лягушки тоже неожиданно решили усиленно размножаться? И как им удалось прилететь сюда?

Прежде чем Эвелин успели ответить ему (правда, еще неизвестно, какие слова она

нашла бы для этого ответа), земля под ногами отважных членов экспедиции начала трястись. Полы коридоров лабиринта были засыпаны песком, и теперь этот песок зашевелился, как будто внезапно ожил.

Люди стали свидетелями невозможного зрелища, представшего перед ними в свете факелов. Песок, казалось, тек по полу, постепенно образовывая перед ними высокий конус. Можно было подумать, что под покровом песка оживает какое-то существо. Откуда-то, видимо, из щелей между каменными плитами, появились *они*. Вершина песчаного конуса раскрылась, и *это* хлынуло оттуда потоком, словно лава из вулкана, покрывая все вокруг. Шевеление песка было вызвано не движениями какого-то неведомого существа, а огромной массой хищных скарабеев.

Сотни омерзительных навозных жуков растекались по полу и наступали в направлении людей.

Эвелин пронзительно завизжала, к ней тут же присоединился Джонатан. Даже О'Коннелл, вместо того чтобы скомандовать отход, как он и собирался это сделать, громко завопил.

Освещая дорогу факелом, Рик увлек своих друзей в один из боковых коридоров. Армия жуков следовала за и ими по пятам.

* * *

В другом туннеле лабиринта американцы тоже нашли спасение от полчищ саранчи. Впереди всех бежал Бернс. В одном из коридоров он за что-то зацепился. Очки в проволочной оправе соскочили с его носа и упали как раз под ноги бегущим, и кто-то из них тут же с хрустом раздавил их.

Без них и без факела Бернс здорово отстал от своих приятелей. Только прищурившись изо всех сил, он мог различить впереди какие-то неясные движущиеся фигуры. Скоро темнота туннеля поглотила их.

— Подождите! — кричал им вслед Бернс, — Подождите меня!

Но те либо не слышали его, либо им было просто наплевать.

Бернс изо всех сил старался сориентироваться в темноте. Он потихоньку затрусил вперед, одной рукой придерживаясь за стену, а другую выставив перед собой, чтобы не наткнуться на какое-либо препятствие. Где-то вдаль его глаза различили слабый свет, но это было не пламя факела, а призрачное сияние луны, проникающее в подземелье сквозь трещину в потолке. Двинувшись в направлении света, Бернс вдруг различил смутные очертания чего-то или кого-то, появившегося футах в десяти перед ним.

— Дэниэлс? — обеспокоенно спросил Бернс. — Хендерсон? Это вы?

Неверной, пошатывающейся походкой американец приблизился к стоящей в полутьме фигуре, запнулся и, падая вперед, выставил руки, чтобы обрести опору.

Но его ладони провалились во что-то мягкое и податливое, словно в грязь. Тут же ему в ноздри ударило жуткое зловоние, и он рывком освободил увязшие руки. Раздался неприятный чавкающий звук. Даже наполовину ослепший, Бернс разглядел липкую жижу, покрывавшую его ладони. Постепенно в его мозгу сформировалось осознание того что перед

ним стоит ожившая мумия. А вязкая субстанция являлась не чем иным, как гниющей плотью с копошащимися в ней личинками мух. Бернс истошно завопил, но в тот же миг костлявая рука с обрывками разложившегося мяса заткнула ему рот, заглушая отчаянный крик.

* * *

Преследуемый шуршащими насекомыми, О'Коннелл вывел Эвелин и Джонатана в ту часть запутанного лабиринта, где они еще ни разу не были. Они добежали до зала, из которого куда-то вверх вела вырубленная из камня узкая лестница. Все трое бросились к ней.

Массу светлых скарабеев это вполне устроило, и они продолжили свое движение, перетекая со ступеньки на ступеньку.

На полпути вверх слева от лестницы находилась ниша с пьедесталом, на котором когда-то, видимо, стояла урна или статуя. Одним прыжком О'Коннелл перемахнул через разделяющее пьедестал и лестницу пространство. Джонатан последовал его примеру. Справа от лестницы имелось точно такое же сооружение, куда прыгнула Эвелин. Девушка замерла на пьедестале, как статуя богини, только богини очень здорово напуганной.

Через миг после того как все трое устроились на своих «наседах», орда жуков преодолела ступени лестницы и черной шевелящейся рекой втянулась в лабиринт.

О'Коннелл и Джонатан провожали их глазами, пока последнее насекомое не скрылось из виду.

Еще дрожа от пережитого волнения, Джонатан облегченно вдохнул:

— Исчезли...

— Черт! — воскликнул Рик, смотря куда-то мимо англичанина. И Эвелин тоже!

Пьедестал, на котором еще недавно стояла девушка, был пуст.

Глава 14 «Несущий смерть»

Пальцы О'Коннелла ощупывали кладку стены в той нише, где только что на постаменте стояла Эвелин.

Светя напарнику факелом, Джонатан спросил:

— Ну? Ты что-нибудь обнаружил?

— Ничего. Но клянусь, тут есть или потайная дверь или какая-нибудь ловушка, или...

Откуда-то до них донесся крик, но кричала не женщина. Голос принадлежал мужчине, вернее, нескольким мужчинам, и крики, накладываясь один на другой, доносились сверху лестницы. О'Коннелл недоуменно посмотрел на Джонатана, приготовил свой штурц и спрыгнул с постамента. Не раздумывая, он принялся взбираться по ступенькам, как вдруг из темноты перед ним внезапно возникли Хендерсон и Дэниэлс, а за ними наемные рабочие. Все они, включая крутых американцев, перепуганным стадом неслись вниз по лестнице. Спотыкаясь, перепрыгивая сразу через две ступеньки, они орали, но шадя легких.

— Прочь с дороги! — заорал на Рика и Джонатана Хендерсон. — Бегите! Спасайте свои жизни, несчастные сукины дети!

Бегущую толпу неотступно преследовал шуршащий звук гнавшихся за ней скарабеев. Они уже лавиной выплеснулись из прохода и стремительно стекали вниз по лестнице.

Джонатан без долгих раздумий присоединился к спасающимся кладоискателям. Одни из арабов споткнулся и упал у подножья лестницы. О'Коннелл повернулся было, чтобы помочь упавшему, но скарабеи уже покрыли несчастного сплошной массой. Металлический скрежет, похожий на потустороннюю музыку, усилился и стал почти оглушающим. Раздалось лишь несколько коротких воплей, а несчастный был обглодан почти наполовину. Через несколько секунд его белый скелет являл поразительный контраст с черной шевелящейся массой.

О'Коннелл со всей прытью бросился за убегающими. Те неслись по лабиринту, разделяясь на мелкие группы и исчезая в темноте разных туннелей. Они пытались максимально использовать те минуты, которые жуки, пожирая упавшего араба, предоставили им.

* * *

Когда несколько секунд назад Эвелин всем телом оперлась о стену в нише, та, оказавшись потайной дверью на шарнирах, повернулась, подтолкнула девушку в спину, и та, потеряв равновесие, упала на песок, а дверь за ней вернулась в прежней положение. Эвелин оказалась в смежном зале и в полной темноте.

— Джонатан! — крикнула она. — Мистер О'Коннелл!... Рик!

Но ей никто не ответил. Вытряхнув песок из волос, Эвелин поднялась на ноги и принялась методично ощупывать стену. Она понемногу продвигалась вперед и ждала, пока глаза привыкнут к темноте. По кранной мере, ее радовало, что здесь не было ни скарабеев, ни саранчи, ни лягушек...

Повернув за угол, девушка оказалась в соседнем зале. Сквозь длинную трещину в потолке в него проникал лунный свет. Видимо, это была часть той самой расщелины, которая позволила ей и ее спутникам попасть в этот подземный мир. Она искренне обрадовалась, когда увидела одного из американцев, кажется, Бернса. Тот стоял спиной к ней и, задрвав голову, смотрел на потолок.

— Слава Богу! — начала Эвелин, подходя к нему. — А то я уже начала волноваться...

Приблизившись вплотную к американцу, девушка вдруг услышала всхлипывания и стоны.

Дотронувшись до его плеча, она спросила:

— С вами все в порядке?

Бернс, пошатываясь, повернулся к ней. На Эвелин взирали пустые окровавленные глазницы. Из них, словно слезы, по искаженному мукой лицу текли алые струйки.

Эвелин поступила так, как любая воспитанная и уважающая себя англичанка на ее место: она пронзительно заорала.

Продолжая стонать, Бернс рухнул на колени возле ног девушки, словно собирался молиться на нее. Оторопевшая Эвелин отступила. Ее крик сменился нервной икотой. Она сделала еще шаг назад и вдруг наткнулась на что-то или на кого-то, находившегося за ее спиной.

Эвелин резко повернулась и уставилась в частично забинтованное истлевшей тканью, покрытое слизью лицо ожившей мумии. Та в свою очередь взирала на девушку только что добытыми и вставленными и череп глазами.

Мумия прищурилась (глаза Бернса не обладали идеальной зоркостью) и протянула вперед полуразложившуюся руку.

— Анк-су-намун? — прозвучал в полумраке низкий голос.

Вместо ответа Эвелин исторгла еще один леденящий душу вопль и отшатнулась, врезавшись спиной в стену. Мумия сделала по направлению к девушке несколько неуверенных шагов. На покрытый песком пол падали клочки ее гниющей плоти. Бинты, покрывавшие тело, начали расползаться, и с них падали тяжелые капли зловонной слизи.

Мумия приближалась к девушке — оживший ночной кошмар в неверном лунном свете. Эвелин медленно пятилась вдоль стены, почти парализованная ужасом. За чудовищным пришельцем с того света она видела стоящего на коленях Бернса. Девушка тщетно зывала к нему о помощи, а тот все ниже пригибался к земле, словно кланялся мумии.

— Прошу тебя! Пожалуйста! — отчаянно кричала Эвелин. Мумия продолжала надвигаться на нее.

Бернс запрокинул безглазое лицо, словно собираясь ответить девушке, но смог пробурчать лишь что-то нечленораздельное. Рот его переполняла кровавая пена, а язык был вырван!

До Эвелин дошел весь ужас случившегося. Она по-прежнему отступала, цепляясь за стену, а мумия шла следом, распахнув объятия. Сквозь обрывки полуистлевшей ткани девушка могла видеть ее лицо, отражавшее переживаемые эмоции.

— Кадиш фарос Анк-су-намун! — воскликнула мумия, и Эвелин увидела, как за осклизлыми остатками губ и гнилыми зубами шевелится настоящий живой язык. Язык, еще совсем недавно принадлежавший Бернсу.

Едва живая от страха, чувствуя, как по ее спине струится холодный пот, девушка собрала оставшиеся силы, повернулась спиной к древнему кошмару и ударилась в бегство.

Но не успела Эвелин сделать и пяти шагов, как до нее дошло, что она находится у входа в туннель.

Она облегченно вздохнула, повернулась и тут же снова в кого-то врезалась и от неожиданности оглушительно завизжала.

— Эй, нельзя ли потише? — раздался над ее ухом голос О'Коннелла. Он взял Эвелин за руку и повел назад, в освещаемый луной зал. — Где тебя носило? Сейчас не время заниматься изысканиями. Лучше побыстрее уходить отсюда. Мы уже...

И только оторвав взгляд от бледного лица девушки. Рик увидел возвышавшуюся в полумраке человеческую фигуру. Внезапно до О'Коннелла дошло, что к ним приближается полусгнивший труп в грязных бинтах, почти не скрывавших разлагающуюся плоть и кости. Глаза мумии ярко сверкали в полумраке.

— Господи! — оторопел Рик. Он обнял Эвелин, а потом закрыл ее своим телом.

Казалось, что поступок О'Коннелла вызвал у мумии раздражение и гнев. Это ясно читалось по ее отвратительному лицу. Оживший труп уже готовился напасть на дерзкого, как вдруг из лабиринта появилось подкрепление. Правда, подкрепление невольное, но все же своевременное. И зал ворвались Джонатан, Хендерсон и Дэниэлс. Они выскочили из тоннеля позади мумии и сразу увидели в лунном свете ее громоздку, как башня, фигуру.

При виде такого сногсшибательного зрелища все трое застыли на месте. Если кто-то из них и хотел что-нибудь произнести, то слова застряли в мгновенно пересохших глотках. Перед ними наполовину завернутое в грязные бинты стояло ожившее возмездие за их алчную тягу к сокровищам. Пока что мумия просто переминалась с ноги на ногу, но и это само по себе выглядело устрашающе.

Своими вновь обретенными глазами мумия осмотрела зал и уперлась презрительным и гневным взглядом в осквернителей могил. Ужасный монстр словно оценивал каждого из новоприбывших и раздумывал, с кого начать...

Его пронзительный взгляд вернулся к О'Коннеллу, до сих пор закрывавшему Эвелин своим телом. Тот, Чье Имя Не Называется, вдруг расцепил свои почти лишенные тканей челюсти и распахнул их до невероятных размеров. Так змея разевает пасть, чтобы проглотить особенно крупную добычу. В следующий миг под каменными сводами прозвучал громкий первобытный рев, способный поднять и мертвого. Впрочем, мертвый давно поднялся сам и стоял перед ними.

Этот кошмарный рев породил ответные крики. Вопили все — не только слабая молодая женщина, но и храбрые искатели сокровищ, не исключая О'Коннелла. Правда, Рик тут же взял себя в руки и сделал вид, что просто передразнивает обнаглевшую мумию. В подтверждение своих намерений он вскинул штурцер и выстрелил. Грохот в замкнутом пространстве раздался такой, что у всех присутствующих чуть не лопнули барабанные перепонки.

Однако выстрел нанес ущерб и чудовищу. Мумию, словно тряпичную куклу, отбросило к дальней стене, и она упала там кучей гниющей плоти, выпирающих костей и грязных бинтов. Пуля разворотила грудную клетку, явив на всеобщее обозрение остатки давно протухших внутренностей и разбрызгав вокруг зловонную слизь.

Правда, никому из кладоискателей не пришло в голову озаботиться здоровьем мумии и проверить у нее наличие пульса. Не долго думая, О'Коннелл схватил девушку за руку и увлек в темноту ближайшего туннеля. Остальные тоже поспешили за ними.

Факел О'Коннелла освещал дорогу. Вскоре вся группа очутилась в зале для

бальзамирования. Там, оставленная первой экспедицией мисс Карнахэн, еще свисала из расщелины веревка. Один за другим, все торопливо выбрались наверх. Несколько минут они просто стояли в лунном свете, с жадностью вдыхая холодный чистый воздух. Саранчи вокруг уже не было, и никто не обращал внимания на свирепствующий ветер, швыряющий в них пригоршни песка. Лагерный костер давно потух, и через некоторое время все начали поеживаться от холода. Под сенью статуи Анубиса жалкие, оборванные, потерявшие остатки духа, люди жались друг к другу.

Неожиданно из темноты и летящего песка выступили несколько пеших воинов-медджаев с винтовками наперевес. Оружие О'Коннелла было разряжено, а крутые янки, не думая о сопротивлении, уже поднимали руки кверху. Доктор Чемберлен, по-прежнему прижимавший к груди Книгу Мертвых, уже плелся за одним из воинов на аркане.

Вперед выступил их предводитель с удлинённым, треугольной формы лицом. Порывы ветра трепали его черные одежды. Так ребенок тянет за подол свою мать, стараясь обратить на себя внимание.

— Кто это сделал? Кто читал текст Книги Мертвых? Кто произносил вслух священные заклинания? — требовательно спросил он.

Эвелин шагнула вперед и вздернула подбородок:

— Это сделала я, Эвелин Карнахэн.

— Карнахэн, — повторил предводитель медджаев, как будто хотел проверить, как звучит это слово на слух, и нашел его неприятным. — Я слышал кое-что о вашем отце...

— Мой отец был великим человеком.

— Ваш отец был великим глупцом. А его дочь оказалась еще глупей того человека, который выпустил в мир проклятье Тутанхамона.

О'Коннелл приблизился к Эвелин:

— А ты сам-то кто такой? — в свою очередь потребовал он ответа.

— Меня зовут Ардет-бей. — Оценивая О'Коннелла, предводитель медджаев прищурил глаза. — А под каким именем известны вы?

— О'Коннелл.

— Вы являетесь их предводителем?

Эвелин хотела раскрыть рот, чтобы ответить, но Ричард предусмотрительно тронул ее за руку и твердо произнес:

— Да.

Ардет-бей трагично вздохнул:

— Я же велел вам уезжать и предупреждал, что в противном случае вы умрете. Вы отказались. Но сейчас из-за вас умрем мы все, и не только мы, но и многие другие люди. Вы выпустили на свободу зло, которое нам удавалось удерживать в заточении более чем три тысячелетия.

— Ну, может быть, вы действительно правы, и мы выпустили его, — кивнул О'Коннелл, поглядывая на расщелину. — Но мы же и остановили его. Я разделался с ним при помощи вот этого.

И он продемонстрировал свой штуцер.

Улыбка Ардет-бея была искажена болью и походила на открывшуюся на лице рану.

— Никакое оружие смертных не может причинить вреда этому созданию. Оно не принадлежит нашему миру.

В это время два меджая привели откуда-то измученного Бернса, поддерживая его с

обеих сторон. Несчастный американец, чуть не теряя сознания, весь перепачканный кровью, смотрел куда-то вдаль пустыми глазами.

Возмущенные увиденным и перепуганные одновременно, Хендерсон и Дэниэлс рванулись к своему искалеченному товарищу.

— Что вы, ублюдки, сделали с ним? — потребовал ответа Хендерсон.

— Проклятые дикари! — в отчаянии сплюнул Дэниэлс и рванулся вперед.

Ардет-бей, со свойственной ему жесткостью, оттолкнул Дэниэлса, да так, что тот упал на песок, сильно задев раненую руку, и взвыл от боли. Хендерсон хотел было вступить за товарища, но один из медджаев приставил к его голове винтовку, и американец замер на месте.

— Глупцы! Мы только помогли ему, — прорычал Ардет-бей. — Мы спасли его, прежде чем существо, которое вы освободили, смогло закончить то, что уже начало делать. Вашему другу повезло — он потерял только глаза и язык.

Хендерсон подошел к Дэниэлсу и помог ему подняться на ноги. Эвелин держалась рядом с О'Коннеллом, но больше уже не ощущала гордости за себя и свою экспедицию.

Словно нанося удар невидимым мечом, Ардет-бей взмахнул рукой в сторону группы неверных и приказал:

— Теперь уезжайте отсюда! Все! И как можно быстрее, прежде чем Тот, Чье Имя Не Называется, не разделался с вами.

— Ах, вот оно что! — подал голос Джонатан. — Значит, вы не собираетесь нас убивать? Эвелин бросила на брата сердитый взгляд.

— Сейчас это уже не поможет, — словно с сожалением констатировал предводитель медджаев. — Теперь нам нужно отправляться на поиски этого существа. Мы должны сначала отыскать его, а потом еще и найти способ, чтобы уничтожить это создание.

Предводитель отдал своим воинам какие-то приказания, и, оставив съжившегося от страха профессора и поникшего Бернса, меджаи направились к расщелине возле статуи Анубиса. Их черные одеяния развевались на ветру, словно крылья огромных мрачных птиц.

— Ардет-бей! — окликнул меджай О'Коннелл.

Тот остановился и оглянулся на Рика.

— Вы только потратите время зря, — настаивал О'Коннелл. — Говорю вам — я уже отправил этого ублюдка к праотцам.

На лице Ардет-бей отразилась сначала жалость, затем презрение, а потом меджай словно надел на себя мрачную маску.

— Знайте и помните, что Тот, Чье Имя Не Называется, несет смерть. Он не будет ни есть, ни пить, ни спать, и не остановится, пока не погрузит Землю в вечные страдания... Да прибудет со всеми нами Аллах!

И меджаи один за другим стали опускаться по веревке в подземный лабиринт.

О'Коннелл собрал вокруг себя всех членов обеих экспедиций и заявил:

— Нам лучше свернуть лагерь, вернее, то, что от него осталось, и убраться отсюда, пока это еще возможно. И, кстати, куда это запропастился Бени?

После того как саранча загнала всех под землю, Бени при первой же возможности отстал от своих работодателей и спрятался в самом темном уголке, который только смог отыскать. Крики, которые время от времени доносились откуда-то из переходов и залов лабиринта, не смогли заставить его выбраться из убежища, чтобы поспешить на помощь товарищам. Но наконец все вокруг стихло. Очевидно, опасность миновала, и Бени начал потихоньку выбираться из своего укромного уголка, чтобы отправиться наверх.

Осторожно перемещаясь по проходам, он обогнул основание статуи Анубиса с тем, чтобы достичь зала, где с потолка свисала спасительная веревка. Он знал о том, что ее оставили там члены экспедиции мисс Карнахэн. Слабый лунный свет, струившийся сквозь расщелину вниз, служил ему маяком. Но как только Бени завернул за угол, он чуть не налетел на какую-то темную фигуру.

Рядом с ним находилось что-то большое. Или кто-то большой.

Бени посмотрел на гниющую мумию в скользких бинтах, с огромной дырой в боку, такой, словно ее пробил пушечное ядро, и задумался. Интересно, кто и зачем поставил сюда этот несимпатичный артефакт, придав ему вертикальное положение? Но в следующий миг мумия шагнула вперед. Бени отчаянно закричал и приготовился стрелять, но мумия одним движением костлявой руки выбила у него пистолет.

Бени отступил, но тут же понял, что его загнали в угол. Дрожа от страха, он вынул из-за пазухи несколько символов различных религий, которые свисали у него с шеи на цепочках. Сам Бени не верил в Бога, но на всякий случай носил их при себе, чтобы подстраховаться от непредвиденных потерь. Он выставил вперед христианский крест, словно перед ним сейчас находился вампир, а не древняя мумия, и начал читать молитву «Отче наш».

Но мумию, очевидно не являвшуюся при жизни христианином, это не остановило.

Бени принялся показывать монстру другие символы, стараясь хотя бы замедлить его приближение. Он продемонстрировал меч и полумесяц, медальон индуистов и маленькую фигурку Будды, одновременно произнося слова благословения на арабском, хинди, китайском и даже что-то на латыни. Последнее было сделано на всякий случай: вдруг это неуклюжее чудовище связано с католицизмом?

Мумия протянула вперед свою костлявую руку. Но не для того, чтобы осенить Бени знаком святого креста. Она тянулась к горлу несчастного венгра.

Всхлипывая от ужаса, Бени вытащил звезду Давида и залепетал молитву на иврите...

...и мумия замерла на месте, словно до нее дошли слова Бени.

«Забавно, — пронеслось в голове мадьяра. — А с виду и не скажешь, что еврей».

Полуразложившаяся рука опустилась, и эти, почему-то до боли знакомые, глаза пристально смотрели на Бени, который все никак не унимался и продолжал читать молитву.

Мумия заговорила, ее голос зарокотал, словно изливающаяся пузырящаяся лава:

— Ты говоришь на языке рабов.

Правда, эти слова были произнесены на древнеегипетском языке, и их смысл не дошел до Бени. Но затем мумия перешла на иврит, который был доступен венгру.

— Я Имхотеп... служи мне... и награда... будет щедрой.

И мумия, словно царапая себя, извлекла откуда-то из-за разодранных бинтов небольшой предмет, который на ладони протянула Бени. Среди шевелящихся личинок лежал кусочек золота с драгоценными камнями. Это был осколок одного из сосудов, того самого, который оказался разбитым, когда американцы обнаружили сокровища.

— Где священные сосуды Анк-су-намун? — спросила мумия на иврите.

— Я помогу вам отыскать их, — ответил Бени монстру на том же языке.

* * *

В это время на поверхности члены обеих экспедиций поспешно свернули лагерь и погрузили тюки на лошадей и верблюдов.

Хендерсон и Дэниэлс помогли своему ослепшему другу вскарабкаться в седло, дали ему в руки поводья и обещали, что будут всю дорогу рядом с ним. Бернс ничего не мог ответить им. Сейчас он больше походил на живой труп, хотя, по крайней мере, держался в седле и не падал с лошади.

О'Коннелл помог Эвелин сесть верхом на верблюда. Она с сожалением смотрела на доктора Чемберлена. Тот уже был в седле и крепко прижимал к себе Книгу Мертвых, словно та служила ему амулетом, способным помочь пересечь бескрайнюю пустыню, ожидающую путников.

— Пусть эта штука остается у него, — махнул рукой О'Коннелл. — Для нас теперь самое главное — выжить.

Девушка безнадежно кивнула и ответила:

— Ты прав... Рик.

Он улыбнулся:

— Давай возвращаться к цивилизации, Эвелин... к нашей цивилизации.

О'Коннелл и Джонатан оседлали своих верблюдов, и вся группа тронулась в путь по освещенной луной, обдуваемой ветром пустыне. Люди с радостью покидали руины Хамунаптры, оставляя позади нетронутыми несметные сокровища фараонов.

Они торопились уехать, а потому не видели, как там, в Городе Мертвых, пробив слой песка, резко вынырнула из-под земли костлявая рука.

Зато все они хорошо услышали пронзительный леденящий кровь крик мумии, эхом полетевший над песками. Они поняли: Ардет-бей оказался прав. Ни одно современное оружие не могло убить Того, Чье Имя Не Называется.

И тогда они осознали, что им действительно удалось вернуть к жизни Несущего Смерть.

Часть третья

МЕСТЬ МУМИИ

Каир, 1925 год

Глава 15 «Пристанище»

В самом южном пригороде Каира раскорячился, словно присев на корточки, форт Стэк. Он был так назван в честь убитого генерал-губернатора сэра Ли Стэка. Сложенные из необожженного кирпича стены внутреннего дворика напоминали О'Коннеллу сторожевой пост времен освоения Дикого Запада. Не так давно Британская империя самоустранилась от управления этими территориями. Королем был избран Фуад Первый, но британские войска оставались здесь как гарант безопасности.

Итак, в форт Стэк, над которым на знойном ветерке лениво полоскался британский флаг, и прибыл растрепанный и запыленный караван двух объединившихся экспедиций: мисс Карнахэн и американцев. Всем им необходимо было пристанище, после лишений, палящего солнца пустыни, не говоря уже о других бедствиях, включая и воскрешенную мумию. После трехдневных странствий от оазиса к оазису, они наконец доплелись до ворот форта и, предъявив документы, получили возможность отдохнуть.

Два дня члены обеих экспедиций предавались в основном сию за надежными стенами крепости. Комендант благосклонно разрешил им питаться в офицерской столовой гарнизона. И если кто-то из кладоискателей и покидал территорию форта, то лишь для того, чтобы посетить ближайший кабак, где коротали свободное время солдаты и офицеры.

На второй день в форт стараниями посланного за ним Джонатана прибыл огромный чемодан с вещами Эвелин и ее белая кошка Клео. О'Коннелл с великим трудом втащил на второй этаж, в апартаменты мисс Карнахэн, этот тяжеленный пароходный кофр, а девушка следуя за Риком, поглаживала урчащую от удовольствия кошку.

Когда наступил третий день их пребывания в форте, Эвелин пригласила О'Коннелла к себе. Она занимала две большие комнаты, которые выходили окнами во внутренний дворик. Рик застал Эвелин за весьма странным занятием. Девушка перекладывала свои туалеты из шкафа в спальне, обставленной в казарменном стиле, обратно в пароходный кофр. Без всяких предисловий она сказала Рикку, что объявляет о начале следующей экспедиции в Хамунаптру. И, конечно же, пригласила его участвовать в ней.

Он замер на месте, ошеломленный этой новостью, и молча наблюдал за тем, как Эвелин переходит от шкафа к чемодану и обратно. Ее движения стали какими-то неженственными, не говоря уже об одежде. Сегодня Эвелин нарядилась в белую рубашку, брюки до колен и черные сапоги. Оставалось добавить сюда хлыст, и можно было отправляться охотиться на лис.

— Как? Ты задумала еще одну экспедицию?

— Да, — тут же подтвердила девушка. — Но на этот раз надо обо всем хорошенько позаботиться. Я хочу нанять достойную бригаду копателей. Мне необходимо запастись надежным оборудованием, ну, и оружием, конечно...

— Эвелин, я же сам лично подстрелил его из штуцера!

Кошка забралась в чемодан. Эвелин аккуратно вынула белоснежное животное и вместо него положила в кофр стопку нижнего белья.

— Теперь я хочу, чтобы ты отыскал мне несколько смелых сообразительных парней, желательно из солдат удачи...

— Таких, как Хендерсон и его команда? Ты видела, какими молодцами они себя показали? Послушай, нам с тобой прекрасно известно, что мумия мертва, вернее, снова

мертва... Я же разнес на куски этого ублюдка! Прости за выражение.

Эвелин нахмурилась:

— Но ты же сам слышал тот жуткий крик, когда мы уезжали из Города Мертвых!

Рик последовал за девушкой к шкафу:

— Ну, может быть, это мумия бились в предсмертной агонии. Или же просто пустыня снова издевалась над нами, и это было всего лишь какое-то природное явление.

— Прекрасно. — Перекинув через руку несколько платьев, Эвелин снова очутилась возле чемодана, куда аккуратно сложила их. — Если мумия мертва, почему же нам, тем более, не вернуться туда и не провести настоящие раскопки? Мы ведь, можно сказать, только «пробу» и успели снять.

— И снова навлечь на себя гнев этих медджаев? Зачем же так рисковать?

Эвелин пожала плечами и снова зашагала к шкафу:

— У них была чудесная возможность перебить всех членов обеих экспедиций, однако они не тронули и волоса на наших головах.

На этот раз О'Коннелл остался на месте и, наблюдая за Эвелин, отчаянно жестикулировал, продолжая свою убедительную речь:

— Неужели ты считаешь, что этот ходячий мертвец действительно задумал отомстить нам? Прошло уже несколько дней, ну и где остальные обещанные ими бедствия? Может быть, солнце почернело, или вода прекратилась в кровь? Я что-то этого не заметил.

Положив в чемодан пару туфель, Эвелин подняла глаза на Рика. Изогнув брови, она уставилась на него, словно учительница на несмышленного ученика. Из тех, которым по нескольку раз тщетно пытаются объяснить прописную истину.

— Это же не простое проклятье. Поэтому он обязательно попытается отыскать нас, если мы сами не отправимся туда, чтобы найти его. Ведь именно те, кто нарушил его сон, должны...

— А я почему-то думал, что ты не веришь в проклятья.

— Я была не права.

— Значит, ты убеждена и в том, что твои родители погибли из-за проклятья Тутанхамона?

Эвелин остановилась на половине пути между шкафом и чемоданом.

— Наверное... да, убеждена. Понимаешь, после того как молодая женщина проведет некоторое время наедине с ходячим и разговаривающим трупом, она, как правило, меняет некоторые свои взгляды на жизнь.

Эвелин снова принялась упаковывать вещи.

— Хорошо, я тоже все это прекрасно понимаю, — не унимался Рик. — Но только зачем навлекать на себя лишние неприятности? Может быть, тебе больше захочется отправиться в Чикаго? Мы бы там покатались на лодке по озеру. Или поедем в Лондон, и ты проведешь для меня увлекательную экскурсию. Я всегда мечтал увидеть лондонских клоунов на Пикадилли.

Она внимательно посмотрела на него, и во взгляде ее читалась нежность и любовь:

— Рик, пойми же ты, наконец: мы не можем убежать от этого никуда.

— А кто сказал, что нам нужно убегать? Я просто не вижу причин, по которым нам нужно возвращаться туда. Вспомни: мы чуть все там не погибли. Только чудо спасло нас.

Внезапно выражение лица девушки стало решительным, голос ее прозвучал твердо:

— Но ведь это мы пробудили его. И мы должны попытаться остановить его.

— Мы? Мы пробудили его?

— Ну, хорошо, это сделала я. И я намерена остановить его. А если ты не хочешь мне помочь, что ж, пусть. Значит, ты так решил... Клео! Непослушная девочка!

Кошка опить оказалась в чемодане.

— Видишь ли... — снова начал О'Коннелл. — Я не трус. Но ведь ты сама слышала, с чем говорил предводитель медджаев, этот... как его... Ардет какой-то... Он же ясно сказал, что никакое современное оружие убить эту тварь не может.

Его слова остановили ее, но ненадолго, а лишь для того, чтобы лучше усвоить полученную информацию. Можно было подумать, что он поставил своей целью подавить ей нишу для размышлений!

— Тогда, наверное, ним придется решить еще одну проблему и попытаться найти «оружие против бессмертного». Это может быть еще одно заклинание из Книги Мертвых.

— Я не хочу в этом участвовать. — О'Коннелл подошел к чемодану, достал оттуда охапку одежды и решительно направился к шкафу в спальне. — И тебе не позволю...

— Не позволишь? Кто же назначил тебя моим опекуном?

Вешая платье в шкаф, он ответил:

— Эвелин, черт возьми! Это чересчур опасно.

— Рик... мне нужна твоя помощь. Теперь, когда мумия пробудилась, ее проклятье начнет распространяться, как некая неведомая инфекция. Да и сама мумия — это бедствие. Настоящее бедствие, способное разрушить жизнь на всей Земле.

О'Коннелл вынул из чемодана белье девушки и, вернувшись в спальню, собрался уложить его в один из ящиков шкафа, по замер на месте и повернулся к Эвелин:

— А вот это уже не моя проблема.

Она преградила ему путь:

— Ты, похоже, сошел с ума. Эта проблема касается всех и каждого!

— Я не сошел с ума, и именно поэтому не хочу участвовать в твоей затее. Послушай, я, конечно, очень признателен тебе за то, что ты сделала для меня. Я сумел оценить твой благородный поступок, когда ты выкупила меня. Да, ты спасла мне жизнь. Но, как мне помнится, в знак благодарности я должен был привести тебя в Хамунаптру. Я сделал это и даже вывел тебя из Города Мертвых.

Эвелин выхватила у него из рук свое белье и пошла к чемодану:

— А, теперь мне все понятно. Значит, мы в расчете? Так сказать, квиты, да?

— Я ничего подобного не говорил...

Девушка положила руки на бедра и, вздернув подбородок, одарила О'Коннелла тем самым надменным взглядом, который он так ненавидел:

— Так значит, вот чем я была для тебя все это время? Только частью делового соглашения!

— Послушай, я предлагаю тебе выбор. Поехали со мной, и оставь этот бред навсегда. Или прыгай на пароход и возвращайся в ад, чтобы спасти весь мир.

— Я уже забронировала билеты, спасибо.

— Чудесно, — хмыкнул Ричард.

— Чудесно, — согласилась девушка.

О'Коннелл лихорадочно искал достойный ответ, чтобы поставить Эвелин на место и вернуть к реальности. Нужно найти такой аргумент, который заставил бы ее задуматься и вообще мыслить здраво, как и Рик.

— Чудесно! — с сарказмом повторил он и, выходя, с шумом захлопнул за собой дверь.

Только сейчас он заметил, что сжимает в кулаке какой-то предмет из нижнего белья Эвелин. Он распахнул дверь, швырнул туда непонятную часть туалета и направился вниз, чтобы хорошенько выпить.

Через несколько минут О'Коннелл уже сидел в баре, вонючем заведении неподалеку от форта. Несмотря на то что день был в самом разгаре, забегаловка ломилась от посетителей. Грязные стены помещения освещали газовые рожки. Солдаты и бывшие солдаты Его Величества, а также солдаты удачи погружались в смесь из плохих женщин и такого же качества спиртного, чтобы забыться и расслабиться. На потолке лопасти вентилятора медленно месили пласты дыма и испарений от тел.

О'Коннелл устроился за столиком между Джонатаном и его приятелем Уинстоном Хевлоком. Тот служил в Королевских военно-воздушных силах и провел в Египте бог знает сколько времени. С красными глазами и носом, с густыми, как у моржа, усами, он был «последним обломком» Британских ВВС, все еще прикомандированным к гарнизону Каира. Остальные, по выражению Уинстона, «ребятки» либо погибли в воздушных боях и были похоронены в песках, либо переведены в более комфортабельные для службы места. Бывший пилот истребителя, Хевлок теперь играл роль воздушного такси для британских офицеров и проводил больше времени в кабаке, нежели в воздухе.

Через десять минут совместной атаки на бутылку виски Рик и Хевлок превратились в закадычных друзей.

— Рик, старина, — вещал Уинстон. — С тех пор, как закончилась Великая война, трудно отыскать таких стоящих парией, как мы.

— Даже удивительно, — соглашался О'Коннелл.

— Иногда я жалею, что не погиб в сиянии славы, как многие ребятки. Теперь мне приходится торчать в этой вонючей клоаке и гнить от тоски и пьянства.

Джонатан меланхолично поднял стаканчик с виски ко рту, но Хевлок выхватил его и опрокинул в свою пасть.

— Черт возьми, Уинстон! — возмутился Джонатан. — Это что еще за дела?

— Это пошло недостойно тебя, — пробурчал Хевлок, еле отрываясь от табурета и с трудом сохраняя равновесие. — Пусть никто не скажет, что Уинстон не готов пожертвовать собой ради друзей.

— Благодарю за такую заботу, — сухо прокомментировал Джонатан.

— Все отлично, ребятки, — старый пилот с размаху шлепнул приятелей по спинам. — Ну, мне пора на летное поле.

И он, пошатываясь, вышел из кабака.

О'Коннелл вопросительно поднял бровь:

— И ты бы согласился лететь с таким пилотом?

— Уинстон никогда не поднимается выше бумажного змея. Бармен!

Пока Рик и Джонатан мирно попивали виски (напиток был действительно отвратительным), в бар заглянули Хендерсон и Дэниэлс и тут же устроились рядом за стойкой. Рука последнего до сих пор покоилась на перевязи. Хотя оба вымылись, побрились и переоделись в свежие рубашки, вид у кладоискателей был потрепанный.

— Ну, — тяжело вздохнул Хендерсон, обращаясь к Рикку. — Мы уже упаковались и взяли билеты до Александрии. Пароход отплывает завтра утром.

— Что, торопитесь домой под крыло к мамочке? — съязвил уже порядком нагруженный Джонатан.

Хендерсон оскалил зубы, но это не было улыбкой.

О'Коннелл аккуратно тронул американца за плечо:

— Не обращайтесь внимания на этого дурачка.

— Да что там, на круглого дурака, — печально закивал Джонатан. — Присаживайтесь, джентльмены. Моя сестра нас всех угощает.

Хендерсон устроился рядом с О'Коннеллом, но мрачный Дэниэлс, словно размышлявший, не вышибить ли Джонатану мозги, оставался стоять.

— Так вы считаете, что эта ходячая куча опарыша будет нас преследовать? — спросил Хендерсон Рика.

— Не знаю. Кажется, сезон египетских казней завершился. Как забавно... Стоило нам выбраться из того жуткого места, все происшедшее с нами воспринимается как сон.

— Скажи об этом Бернсу! — огрызнулся Дэниэлс, упорно продолжая стоять возле бара.

— Кстати, как он себя чувствует? — забеспокоился О'Коннелл.

— А ты сам как думаешь, черт побери? Как он может себя чувствовать, если ему вырвали глаза и язык?!

И Дэниэлс, мотая головой, пулей вылетел из кабака.

— Не обращай на него внимания. — Теперь настала очередь Хендерсона извиняться за своего товарища. — Просто... Ну, вы же можете представить себе... Если у вас вырвать язык и глаза, Ну, просто как страницы из ненужной книги! На месте Бернса я бы уже давно застрелился.

— Может быть, когда вы вернетесь в Штаты, там сумеют ему помочь, — пожал плечами О'Коннелл, взбалтывая виски в стакане.

— Если хочешь знать мое мнение, — печально произнес Хендерсон, — есть только один способ помочь этому несчастному — убить его.

Хендерсон опрокинул стаканчик виски и тут же заказал себе еще один.

* * *

Солнечные лучи пробивались через задернутые занавески в квартире третьего американца — Бернса, — но в самих комнатах было темно. Форт имел электрическое освещение, но Бернс не включал его. Только слабые лучи солнца играли на драгоценных камнях древнего сосуда, стоящего посреди стола, как самое дорогое украшение. Впрочем, человек, который гостил здесь, не мог наслаждаться этим зрелищем, поскольку совсем недавно полностью ослеп.

Он сидел в темных очках за столом, когда в дверь кто-то постучал. Бернс разрешил посетителю войти. Им оказался Бени, исчезнувший проводник их экспедиции. Каким-то образом венгру удалось самостоятельно добраться до Каира. Бени сопровождал, по его словам, почетного гостя, который узнал о находке Бернса и собирался сделать тому выгодное предложение.

Слуга-араб, приставленный к слепому, принялся хлопотать вокруг гостей. Итак, за столом расселись трое: сам Бернс в белой рубашке и легких брюках, Бени в своем черном пижамоподобном наряде и (как его представил Бени) принц Имхотеп. Последний являл

собой высокую фигуру, сплошь скрытую темным одеянием с капюшоном и белой маской палице. В ее миндалевидных вырезах сверкали внимательные глаза.

Конечно, Бернс не мог видеть этой внушающей трепет фигуры. Впервые с тех пор, как он лишился глаз и языка в его душе затеплилась робкая надежда. К нему пришел покупатель артефакта! Может быть, этих денег хватит, чтобы, добравшись домой, лечиться у лучших врачей и нанять сиделку...

— Я о-о-фень вад видеть вас, — пробормотал Бернс, стараясь хоть как-то выговаривать слова, ворочая обрубком языка. И американец добродушно протянул руку как принято во всем западном мире, когда нужно продемонстрировать свое расположение и доверие. Однако странный гость не стал подражать Бернсу и проигнорировал его протянутую ладонь.

— Извините, мистер Бернс, — заговорил Бени, — принц не может дотрагиваться до человека, который занимает место ниже его по положению. Глупые восточные предрассудки, с моей точки зрения, однако мы вынуждены уважать их.

— Пва-а-фтите меня, — тут же спохватился Бернс.

Слуга-араб налил всем чаю, но когда Бернс потянулся за своей чашкой, он случайно опрокинул ее.

— О-о-о! — застонал он. — Пва-афтите. Мои гла-а-фа меня подволят.

— Глаза подволят? — участливо переспросил Бени. — Принц сочувствует вам, — добавил он и приказал слуге удалиться и оставить хозяина наедине с гостями. — Вы знаете, у принца тоже не все в порядке со зрением.

Длинные пальцы гостя потянулись к драгоценному сосуду. Руки, хоть и полностью скрытые бинтами, казались очень сухими. Имхотеп поднял сосуд, и Бени, встав из-за стола, попятился на несколько шагов.

— Мистер Бернс, — продолжал Бени, — принц скромно благодарит вас за ваше гостеприимство... не говоря уже о глазах.

— Мои... гла-а-фа?

— Да-да, и за глаза, и за язык тоже.

Темнота, в которой теперь постоянно пребывал Бернс, наполнилась сначала смятением, а потом ужасом.

— Однако боюсь, что мы должны попросить вас еще кое о чем, сэра, — вздохнул Бени. — Понимаете, принц должен до конца воплотить свое возмездие и наказать вас. Он действует согласно проклятью, которое вы и ваши друзья невольным навлекли на себя.

Бернс вскочил на ноги и, охваченный паникой, неуклюже отступил назад. Хотя Бернс уже хорошо ориентировался в этой маленькой комнате, сейчас от страха он чувствовал себя здесь так, словно затерялся в бескрайней пустыне. Единственное, за что Бернс мог бы поблагодарить Имхотепа, так это за то, что тот лишил его зрения и возможности увидеть ужасное зрелище. Мумия сняла маску. Ее лицо представляло собой череп с остатками сгнившей плоти. Эту страшную «маску под маской» оживляли лишь яркие глаза, гнилые оскаленные зубы и трепещущий за ними розовый язык.

В это время в грязной забегаловке трое мужчин — Хендерсон, О'Коннелл и Джонатан — устроились за столиком у бара и продолжали пить. Их объединили все те несчастья, которые им пришлось пережить в Хамунаптре. Сейчас они сдвинули стаканы, чтобы выпить еще раз перед тем, как они разъедутся в разные места.

— Желаю вам удачи, парни, — произнес короткий тост Хендерсон, и мужчины одновременно опрокинули стаканы, а потом так же дружно выплюнули их содержимое на пол, покрытый смесью песка и опилок.

Вокруг них посетители кабака тоже начали плевать, куда попало, и повсюду, где бы ни оказалась отвергнутая ими жидкость, — на полу, на столиках, на стойке бара, — она везде была окрашена в красный цвет.

— Господи Боже мой! — перепугался Хендерсон, нервно потирая лицо.

— Это же кровь, — прошептал О'Коннелл.

Пол кабака выглядел так, словно здесь прошла безумная резня.

— И тогда реки и воды Египта... — монотонно завыл Джонатан. — стали красными... И превратилась вода в кровь...

О'Коннелл почувствовал, как неприятно у кого занял желудок. Нет, его не затошнило от привкуса крови во рту. Он внезапно осознал, что проклятие и «казни египетские» продолжают преследовать их.

— Он должен быть где-то здесь, — твердо произнес О'Коннелл.

— Кто? — поинтересовался Джонатан

— Кто? — эхом вторил ему Хендерсон.

— Та самая тварь, олухи вы безмозглые! — зарычал О'Коннелл, вскакивая со своего места и бросаясь к двери. — Мумия!

Когда Рик выскочил на улицу, туда, где должен был царить светлый день, он увидел, как небосклон затягивали плотные грозовые тучи — это в стране, где дождь шел в лучшем случае раз в год. В их зловещей массе то и дело сверкали молнии. О'Коннелл пересек дорогу и вбежал на территорию форта. Навстречу ему с потеряннным видом шла Эвелин, прижимая к себе стопку книг. Белая кошка семенила за ней, стараясь не отстать.

Неожиданно в небе прогремел гром. Девушка вздрогнула и выронила книги. Рик схватил ее за руку.

— Ты оказалась права, — сказал он, переводя дух. — Это стало и моей проблемой тоже.

Эвелин нахмурилась, пытаясь сообразить, что Рик имеет в виду. Но ответить ему она не успела — небеса над Каиром словно разверзлись, и на город обрушился град попеременно с огнем. Впечатление было такое, что это воздушный налет. Схватив Эвелин, О'Коннелл втянул ее под ближайший навес. Деревянная решетка, закрывавшая его сбоку, в тоже мгновение вспыхнула.

Всех, кто находился во внутреннем дворе форта, охватила паника. Солдаты, слуги, верблюды и лошади бестолково сновали во всех направлениях. Люди изо всех сил пытались уклониться и от градин размером с бейсбольный мяч, и от шаровых молний, сыпавшихся с такой же частотой. Несколько человек, сообразивших, что делать, кинулись к фонтану. Набирая воду в ведра, они принялись тушить вспыхивавшие повсюду небольшие костерки.

О'Коннелл, держа Эвелин за обе руки, заорал, стараясь заглушить царившую вокруг истерию:

— Он здесь! Мумия здесь!

В ее глазах вспыхнула тревога, вызванная не только творящимся вокруг:

— Ты уверен?

В это мгновение в нескольких дюймах от них разорвался очередной огненный клубок.

— Вот тебе и подтверждение, — заметил Рик.

Так же внезапно, как началось, все и закончилось:

и град, и шаровые молнии. Тишину нарушали лишь ржание лошадей, рев верблюдов да треск разгоревшегося кое-где пламени. Но и эти звуки вскоре уступили место тишине — мертвой, неземной тишине.

Впрочем, спокойствие установилось ненадолго. Откуда-то сверху раздался пронзительный вопль боли и страха, удививший даже О'Коннелла. Уж ему-то за последнее время довелось услышать много самых разных душераздирающих криков. Но этот распорол наступившую тишину, как острое лезвие рассекает тонкую ткань.

— Оставайся здесь! — приказал девушке О'Коннелл и помчался вверх по деревянной лестнице в отведенные им комнаты. Разумеется, Эвелин тут же последовала за ним.

Под ноги Рикун выкатился слуга-араб Бернса, с выпученными глазами, вопя от страха. О'Коннелл ворвался в комнату слепого американца, и сразу увидел его, вернее, то, что осталось от несчастного кладоискателя. На полу распростерлась пустая оболочка, лишь отдаленно напоминающая человеческое тело. Словно из него кто-то высосал не только всю жидкость, но заодно и все органы.

Только тут Рик почувствовал, что в него вцепилась Эвелин. Из темного угла комнаты, где была кровать, раздался глухой стон. И вошедшие увидели там, замотанную с головы до ног в бинты, фигуру. Темные развевающиеся одежды почти не скрывали ее.

Поначалу стоявшая мумия представляла собой почти скелет. Но очень скоро, на глазах потрясенных Рика и Эвелин, она начала изменяться. Авантюрист из Чикаго и библиотекарь из Каира, прижавшись друг к другу, наблюдали нечто невероятное.

Бывшая мумия облекалась в плоть. На костях нарастали мышцы, напоминающие красные цветы, распускающиеся на сухих ветвях. Возрождающееся тело покрывалось кожей. Недостающие кости, включая и раздробленные выстрелом О'Коннелла, восстанавливались. Однако, несмотря на все трансформации, фигура по-прежнему оставалась живым трупом с отвратительной серой кожей. Словно сам ад прислал своего лучшего солдата сражаться с ныне живущими.

— Ты это видишь? — прошептал О'Коннелл Эвелин. — Или я схожу с ума?

— Вижу, — тихо ответила она.

И тут мумия потянулась, будто пробуждаясь от долгого сна.

— По-моему, у нас проблема, — вынужден был признаться Рик.

Мумия двинулась к людям. Медленно, но с вновь обретенной уверенностью. Ее взгляд был неотрывно прикован к Эвелин.

О'Коннелл выхватил револьвер:

— У тебя есть один шанс остановиться самому.

Но мумия продолжала приближаться, поэтому О'Коннелл, прикрыв Эвелин своим телом, выстрелил. На мумию это не произвело никакого впечатления. Рик стрелял снова и снова, пока не опустошил барабан револьвера. Видно было, как пули пробивали в теле отверстия, но кровь из них не текла.

За спинами Рика и Эвелин распахнулась дверь. В комнату ворвался Джонатан, а за ним Хендерсон и Дэниэлс. Трое мужчин при виде обновленной мумии застыли в столбняке. О'Коннелл в это время с прежними результатами разряжал в чудовище второй револьвер.

Тварь так же неумолимо продолжала приближаться.

О'Коннелл отшвырнул бесполезное оружие и решил прибегнуть к более действенному средству. Своим самым лучшим правым хуком Рик послал кулак в челюсть мумии...

...и его кулак завяз, провалившись в череп монстра!

О'Коннелл изумленно посмотрел на свою руку, ушедшую в голову мумии по самое запястье, и подумал: «Ничего себе ударчик!» Он потянул кисть назад, стараясь освободиться. У него создалось впечатление, что он вытаскивает руку из какой-то густой вязкой субстанции. Наконец, с уже знакомым чавкающим звуком, его кулак освободился. Позади него кричала Эвелин, а может быть, это вопил Джонатан... На глазах присутствующих разнесенная вдребезги ударом Рика часть лица мумии быстро возвращалась в свое первоначальное состояние. Причем с той же скоростью, как незадолго до этого восстанавливалась, плоть опять прогнила до костей, словно Рик каким-то непонятным образом заразил ее.

Мумия яростно взревела и схватила Рика за плечи, собираясь хорошенько встряхнуть его. О'Коннелл вцепился в одну из рук монстра, но не смог даже сдвинуть ее с места. В тот же миг его шнырнули через всю комнату прямо на Джонатана, Хендерсона и Дэниэлса, которые разлетелись, как кегли.

В том месте, где О'Коннелл схватил мумию за руку, плоть начала разрушаться, как это было раньше с лицом чудовища. Как будто Рик действительно был для мумии чем-то вроде смертельной болезни.

Борясь с головокружением, О'Коннелл кое-как сел. Мумия надвигалась на Эвелин, а та отступала к стене. Там она застыла, прикрывая рот тыльной стороной ладони. Глаза девушки переполнял ужас.

И тут Рик увидел, что мумия улыбается Эвелин. Чудовище тихо и нежно заговорило с ней. О'Коннелл догадался, что мумия пользуется древним языком. А потом мерзкая тварь наклонилась, чтобы поцеловать Эвелин!

О'Коннелл вскочил на ноги, намереваясь вцепиться в мумию и нанести ей своим прикосновением как можно больший урон. Но тут появилась Клео, белая кошка мисс Карнахэн. Стоя на тумбочке и выгнув спину дугой, кошка зашипела и оскалилась, шерсть ее поднялась дыбом. Похоже, ревнивое создание не одобряло намерений чудовища в отношении своей хозяйки.

Мумия отскочила назад и завизжала, как перепуганная старуха.

Неожиданный порыв ветра настезь распахнул балконную дверь. (Правда, впоследствии свидетели этой сцены никак не могли договориться о том, что же они видели на самом деле.) Мумия закрутилась на месте, превращаясь в песчаный смерч, который через мгновение вылетел на улицу, и дверь с треском захлопнулась.

Все присутствующие медленно собрались в центре комнаты, где сгрудились в кучку, как футболисты, окружившие форварда, забившего решающий гол.

— Что он сказал тебе? — спросил О'Коннелл девушку.

Эвелин тряслась нервной дрожью:

— Он... он сказал... «Ты спасла меня. И за это я тебе благодарен».

Бледный от пережитого страха, Хендерсон пробормотал:

— Мы прокляты... все мы прокляты.

Крутой американец рухнул на колени возле бесплотных останков своего друга и разразился рыданиями. Но кого он оплакивал — Бернса, или себя — никто и не подумал

поинтересоваться.

Глава 16 «Странное партнерство»

Эвелин знала только одну личность, которая могла бы дать ответы на все тревожащие ее вопросы: как и чем можно сражаться против Того, Чье Имя Не Называется. Против этого ходячего носителя бедствий, который только что продемонстрировал свое могущество и знание черной магии в комнате, где погиб Бернс.

О'Коннелл не стал кичиться (к большому удовольствию Эвелин) пресловутым мужским превосходством и позволил ей взять инициативу на себя. Она велела Джонатану подождать у входа машину. (Когда он отправлялся в город за ее вещами, он прибыл назад на кабриолете «Дюсенберг») Теперь вся компания — О'Коннелл, Джонатан, Хендерсон, Дэниэлс и сама мисс Карнахэн — отправилась на автомобиле к бывшему месту работы Эвелин.

Возвращение в давно знакомое ей здание каирского музея вызвало у нее пугающее чувство тоски. Их шаги эхом разносились под высокими сводами залов. Эвелин вела мужчин мимо многочисленных экспонатов, среди которых были как саркофаги древних владык, так и их мумифицированные останки. Казалось, пустые глазницы мумий следят за каждым шагом посетителей. Проработав здесь много месяцев, Эвелин никогда не задумывалась о том, что обстановка в музее несколько жутковата. Теперь же, после встречи с ожившей разлагающейся плотью, она на многое смотрела иначе. Само пребывание в этом грандиозном здании, населенном душами давно умерших и выставленными на всеобщее обозрение предметами из разграбленных захоронений, заставило ее содрогнуться.

За девушкой следовала группа вооруженных мужчин. Одетые в легкие рубашки и брюки, с заряженными револьверами, они напоминали участников сафари, выслеживающих опасного зверя (что было недалеко от истины). Они шли в кабинет хранителя музея, находившийся в дальнем крыле здания. Но как только они повернули в галерею налево, то нос к носу столкнулись с самим доктором Беем. Хранитель был не один.

Маленький круглолицый толстяк с красной феской на жиденьких черных волосах и в своем обычном темном костюме с узким галстуком разговаривал со странным посетителем. Это был высокий человек с узким треугольным лицом. На его свободной черной одежде блестела рукоять золоченого меча. Рядом с хранителем стоял Ардет-бей, предводитель воинов-медджаев. В полумраке он сам напоминал оживший экспонат музея древностей.

— Это вы?! — прозвучал хор удивленных и одновременно возмущенных голосов.

О'Коннелл, Хендерсон и Дэниэлс судорожно схватились за револьверы, но Ардет-бей лишь сердито и презрительно взглянул на пришедших.

Хранитель музея жестом потребовал от всех тишины.

— Мисс Карнахэн, джентльмены... — он указал на предводителя медджаев, — позвольте представить вам этого человека. Его зовут Ардет-бей... он гость из дальних мест.

— Мы уже имели честь с ним встречаться, — хмуро заметил О'Коннелл.

Вперед выступила Эвелин:

— Что он делает здесь? — поинтересовалась она, обращаясь к своему бывшему боссу.

— Вам действительно хочется во всем разобраться? Или наши стремительные друзья-американцы предпочитают сразу хвататься за оружие, как они привыкли это делать? Но поспешные и неосмысленные действия вряд ли приведут к желаемым результатам.

Американцы действительно уже направили стволы револьверов на хранителя музея и

медджая. Напряжение нарастало.

Первой в себя пришла Эвелин.

— Вы считаете, что ваши коварные и хитроумные планы намного лучше? — Она указала жестом в сторону Ардет-бея. — Значит, это вы рассказали медджаям о том, что я владею шкатулкой с секретом, ключом... И вы послали их, чтобы они выкрали ее, а меня... убили!

— Я вовсе не желал вашей смерти. И вот вам доказательство — вы стоите передо мной живая и невредимая.

— Но если бы они меня убили и завладели шкатулкой, наверное вы посчитали бы это вполне приемлемой ценой, да?

— Честно говоря, мисс Карнахэн... в общем, да. Жизнь одной неразумной, упрямой и некомпетентной девушки в обмен на спасение мира от того, что в вашей религии называется Армагеддоном... Ну конечно, конечно и еще тысячу раз конечно.

О'Коннелл шагнул вперед, снял с боевого взвода свой револьвер и спрятал его в кобуру. Он многозначительно кивнул Хендерсону и Дэниэлсу. Американцы нахмурились и тоже опустили оружие, но однако в отличие от Рика они не торопились прятать свои револьверы в кобуры.

— Я полагаю, что на данном этапе угрозы и оскорбления ни к чему хорошему не приведут, — произнес Ричард таким вежливым тоном, что Эвелин искренне удивилась. — Джинн уже выпущен из бутылки, если можно так выразиться. Возможно, будет лучше, если мы объединимся и станем действовать совместно.

Улыбка доктора Бея оказалась несколько снисходительной его тоненькие усики смешно задергались:

— Вы уверены, что не хотите пристрелить нас?

— Сейчас не время для таких разговоров, приятель. Хотя полностью исключать такую возможность я бы тоже не стал. — О'Коннелл усмехнулся, глядя на Ардет-бея. — Но я только что видел своими глазами, как мой кулак провалился в череп ходячего трупа. Поэтому я готов выслушать вас и действовать соответственно. По крайней мере, некоторое время.

— Вы вряд ли сумеете понять...

— Послушайте, я видел, как этот тип превратился в песчаный смерч и вылетел из окна. Вам может показаться странным, но сейчас я готов поверить практически во все что угодно.

Хранитель музея внимательно всмотрелся в лицо О'Коннелла, как будто узрел древнюю надпись, которую ему предстояло расшифровать, попросил всех следовать за ним и увлек группу куда-то в глубь музея. Ардет-бей шел рядом с хранителем.

Словно экскурсию для туристов, доктор Бей провел своих спутников мимо экспозиции саркофагов. Здесь же находились и деревянные гробы покрытые изящной резьбой и рисунками, рассказывающими о жизненном пути тех, кто лежал внутри. В зал сквозь стеклянную крышу здания проникали солнечные лучи. Это место было хорошо известно Эвелин.

— Вот это фараон Рамзес, который учился вместе с Моисеем. Рамзес был тем самым фараоном, который угнетал израильтян. Именно его тирания заставила Бога навлечь на Египет известные бедствия.

Прекрасно сохранившийся Рамзес, казалось, в эту минуту тоже смотрел на собравшихся возле него. Зубы мумии белели на фоне почерневшего лица так, словно он почистил их

сегодня утром.

— А это Сети Первый, отец Рамзеса, великий воин. Он выстроил канал от Нила до Красного моря.

Фараон лежал в гробу со сложенными на груди руками, и его черная голова покоилась на желтом погребальном полотне. Выражение лица фараона казалось умиротворенным. Рядом с ним находились его колесница и меч.

Поблизости был и трон Сети, куда тут же уселся хранитель музея, легкомысленно скрестив ноги.

— Как видите, Сети спокойно спит себе до сих пор. В отличие от своего неверного Верховного жреца Имхотепа, который тайно сговорился со своей любовницей и убил его. Вот за что Имхотеп был погребен заживо.

— И подвергнут знаменитому наказанию хом-дай, — прошептала Эвелин.

— Милая моя, — заметил хранитель музея, — да с нами вы станете настоящим ученым. — Он жестом указал в сторону Ардет-бея, стоявшего у трона и напоминающего верного слугу. — Дело в том, что мы являемся членами древней секты...

— Медджаев, — закончила за него Эвелин.

— Ваши знания потрясают меня. Но я сомневаюсь в том, милая моя, что вы знаете о нас что-либо еще. Меджайи существовали во все века и выполняли свою миссию в течение почти трех тысячелетий. Все это время они охраняли Город Мертвых, в частности, оберегая его от посягательств осквернителей и расхитителей могил... Кроме того, меджайи защищали мир от живого проклятья, похороненного там. Видите ли, мы поклялись перед человечеством в том, что сделаем все возможное и недопустим возвращения Верховного жреца Имхотепа на землю. И это удавалось нам в течение тридцати девяти поколений.

— Но из-за вас, — вставил Ардет-бей, указывая пальцем в сторону Эвелин, — мы потерпели поражение.

— И ваша миссия оправдывает то, что вы убивали ни в чем неповинных людей? — ужаснулась девушка.

— Если бы я знал, что таким образом смогу остановить это создание, — без промедления ответил воин, — я бы с радостью убил вас прямо здесь.

О'Коннелл встал между ними и обратился к хранителю музея, продолжавшему все так же спокойно сидеть на троне:

— Давайте оставаться друзьями, ага? Мне важно понять: вы хотите возложить вину на какого-нибудь болвана, или все же вашей целью является остановить этого сукиного сына?

Эвелин нахмурилась, глядя на О'Коннелла. Она не могла понять, обидел он ее сейчас или нет.

Под усами хранителя музея проскользнуло некое подобие улыбки:

— Мне кажется, что вы правы, мистер О'Коннелл...

— Кстати, вы знаете, например, что это нехорошее и очень злое чудовище почему-то испугалось маленькой доброй киски? Интересно, почему?

— Потому, что кошки охраняют загробный мир. Тот, Чье Имя Не Называется, будет страшиться этих безвредных животных до тех пор, пока не станет таким же, каким был при жизни.

— Вы хотите сказать, что он может восстановить свое тело?

— Да. И вот тогда... когда он восстановится полностью... он уже не будет бояться ничего и никого. И ничто не сможет одолеть его.

Вперед выступил Дэниэлс, снова принявшись размахивать револьвером.

— Я не хочу, чтобы этот клоун в масонской шапочке рассказывал мне о том, как эта тварь расправляется со своими жертвами. Я и сам знаю, что мумия разбирается со всеми, кто открыл тот сундук с сосудами! Он будет высасывать нас всех досуха!

— Что ж, я слышу весьма мудрое замечание от столь неученого человека, — кивнул доктор Бей.

О'Коннелл бросил на Хендерсона многозначительный взгляд, и тот шагнул вперед, чтобы успокоить своего товарища.

Эвелин подошла вплотную к хранителю музея, восседавшему на троне:

— Там, в Хамунаптре, когда Имхотеп обращался ко мне, он называл меня древним именем.

— Каким? — забеспокоился доктор Бей.

— Анк-су-намун.

Хранитель музея и медджай обменялись полными тревоги взглядами.

— Более того, как мне показалось, эта склизкая тварь попыталась поцеловать мисс Карнахэн, но в тот момент ее перепугала кошка, — добавил О'Коннелл.

Кивая и усваивая полученную информацию, доктор Бей заметил:

— Это и есть имя той самой любовницы из-за которой и был проклят Тот, Чье Имя Не Называется. Неужели через три тысячелетия и бесконечные страдания после жизни, уже после того, как его плоть сожрали скарабеи... даже сейчас он продолжает любить ее?

— Любовь, пронесенная через долгие века и не знающая границ, — мечтательно произнесла Эвелин. — Как грустно... и как романтично...

— Ты что, шутишь? — удивился О'Коннелл и посмотрел на девушку широко раскрытыми глазами.

Ее брат только усмехнулся и покачал головой.

В смущении Эвелин отвела взгляд в сторону.

— Тот, Чье Имя Не Называется, — продолжал Ардет-бей, — попытается вернуть Анк-су-намун к жизни.

— Ну, конечно, — с недоверием подхватил О'Коннелл — Позвольте узнать, каким образом, черт побери, он собирается это сделать?

— Ему понадобится человеческая жертва, — спокойно ответил хранитель музея, кивнув в сторону Эвелин. — И, как мне кажется, Тот, Чье Имя Не Называется, уже нашел себе достойный объект.

Внезапно Эвелин ощутила нервный озноб. Все взгляды устремились на нее. Казалось, даже невидящие глаза мумий фараонов внимательно изучали девушку.

Джонатан прищелкнул языком:

— Не повезло тебе, сестренка. Иногда популярность работает против тебя.

— Боже мой! — выдохнул О'Коннелл. — А мне уже казалось, что хуже того положения, в котором мы очутились, даже и придумать нельзя...

— Как раз наоборот, — возразил доктор Бей. — Все не так страшно. Зато мы выигрываем время, и у нас остается шанс найти способ, как уничтожить это создание, порожденное злом.

— Собственно, для этого мы и пришли сюда, док, — кивнул Ричард. — Вы же специалист своего дела, вы должны все знать. Может, нам просто нужно прочитать еще какое-нибудь заклинание из Книги Мертвых?

— Возможно, если только нам удастся снова завладеть этой книгой. Правда, я не могу назвать ни одной рукописи, древней или современной, которая подтверждала бы ваше предположение.

В галерее, освещенной только газовыми рожками, внезапно стало темно.

Ардет-бей посмотрел вверх, на стеклянную крышу здания, и сказал:

— Его сила возрастает.

Все остальные тоже подняли глаза, туда, где, пробиваясь через стеклянную крышу, еще недавно сиял и солнечные лучи.

Солнце стало меркнуть. Начиналось полное затмение, и полдень превращался в полночь.

* * *

Город охватила паника. Проезжая по уликам Каира на своем «Дюсенберге», Джонатан начал нараспев читать:

— И простер он длани свои к небесам, и опустилась тьма на землю египетскую...

— Похоже, занятия в воскресной школе не прошли для тебя даром, — усмехнулся О'Коннелл. Он сидел на переднем сиденье, а между ним и братом примостилась Эвелин. Хендерсон и чересчур возбужденный Дэниэлс предпочли ехать сзади.

Наверняка должен существовать способ, чтобы не дать ему полностью восстановиться, — упрямо повторяла Эвелин.

О'Коннелл устало вздохнул:

— Ну ты же сама слышала, что сказал твой бывший начальник. Как только Имхотеп наберется сил, его уже ничем не остановить.

Они подъехали к форту и увидели солдат, марширующих вдоль стен крепости под черным диском солнца. Вся группа собралась в холле. Хендерсон и Дэниэлс устроились в креслах. Мисс Карнахэн и ее брат нервно расхаживали взад-вперед по прихожей. Чуть раньше О'Коннелл отправился, как он выразился сам, «пронюхать обстановку». Вскоре входная дверь отворилась, и авантюрист из Чикаго присоединился к товарищам.

Плотно прикрыв за собой дверь, О'Коннелл сообщил интересную новость:

— Сегодня здесь видели моего старого приятеля Бени в сопровождении какого-то высокого мужчины в арабском наряде. Если верить слуге Бернса, Бени и этот незнакомец, который, кстати, почему-то был в маске... в общем, они заходили к Бернсу, чтобы... обсудить какие-то дела. Вроде бы хотели что-то предложить нашему другу.

— Что? Значит, Бени видели вместе с мумией? — насторожился Джонатан. — Интересно, что общего может иметь этот хорек с...

— Скажите, а кто именно открывал тот сундук с сосудами? — внезапно поинтересовалась Эвелин. — Мне нужно знать всех поименно.

Хендерсон неопределенно пожал плечами:

— Ну, я, Дэниэлс — он здесь — и бедняга Бернс. И... этот... доктор Чемберлен. Вот и все.

— Бени не прикасался к нему? — настаивал О'Коннелл.

— Нет, — мотнул головой Дэниэлс. — Он тогда бросился наутек, словно трусливый кролик, еще до того, как мы распечатали этот сундук.

— Между прочим, хоть и трусливый, но сообразительный кролик, — горько добавил Хендерсон.

Эвелин наконец перестала сновать по комнате и, остановившись, внимательно посмотрела на мужчин:

— Нам нужно обязательно включить в нашу группу доктора Чемберлена. И необходимо держаться вместе... так мы будем чувствовать себя в большей безопасности.

— Я заходил к доктору, но в комнате его не оказалось, — сообщил Рик. — Причем слуга сказал, что наш дорогой египтолог и не ночевал здесь этой ночью.

— Но Книга Мертвых оставалась у доктора Чемберлена! — воскликнула Эвелин. — И теперь она нам нужна, как никогда раньше!

О'Коннелл печально покачал головой:

— Вряд ли мы ее отыщем. Я осмотрел его апартаменты. Похоже, доктор уехал и предусмотрительно забрал с собой все свои вещи.

— Все равно нам нужно найти его, — упорствовала Эвелин, — и вернуть сюда. Здесь, за стенами форта, я чувствую себя почти в безопасности...

— Что-то Бернсу эта крепость не помогла, — скептически заметил Дэниэлс.

— Если мумия первая найдет доктора, — продолжала Эвелин, — и поступите ним так же, как с вашим товарищем, мистером Бернсом... то Имхотеп еще больше окрепнет и его окончательное восстановление ускорится.

— У Чемберлена есть своя квартира и офис в Каире, — сказал Хендерсон. — Это рядом с базаром. Может, он переехал туда?

Надо проверить, — предложил О'Коннелл. — Вы двое пойдете со мной на квартиру египтолога, — обратился он к американцам, — а ты, Джонатан, остаешься охранять Эвелин.

— Это еще почему? — возмутился Хендерсон. — Я дам тебе адрес, и отправляйся туда сам, раз тебе это так нужно. Что до меня, то я и шагу не ступлю из форта.

— И я не собираюсь никуда отсюда уезжать, — поддержал товарища Дэниэлс.

Эвелин рванулась было с места, чтобы присоединиться к Рику, но тут оказалось, что то самое пресловутое мужское превосходство вовсе не покинуло О'Коннелла окончательно.

— Между прочим, пока я являюсь главой экспедиции, — напомнила девушка Рику. — И я не ребенок, чтобы поручать меня чьей-то опеке.

О'Коннелл помотал головой, сокрушенно вздохнул, словно испытывал самые печальные чувства, решительно взвалил Эвелин себе на плечо, прошел в спальню, сбросил девушку на кровать, быстро вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

— Ты не имеешь права так обращаться со мной! — бушевала Эвелин, пытаюсь справиться с дверью. — Это грубо!

Она слышала, как О'Коннелл обратился к Джонатану:

— У тебя есть ключ от спальни?

— Кажется, да, старина.

— Джонатан, предатель! Не вздумай помогать этому...

Ее возмущенные крики были прерваны звуком поворачивающегося в замке ключа. По другую сторону преграды О'Коннелл продолжал распоряжаться:

— Эту дверь никому не открывать. Никого не впускать и не выпускать. Все ясно?

— Ясно, — отозвался Дэниэлс.

— И следите, чтобы она никуда не исчезла. Если такое произойдет, я сам, когда вернусь, высосу из вас все печенки с селезенками. Понятно?

— Да-да, конечно, — быстро согласился Хендерсон. — Вот вам адрес...

— Поехали, Джонатан, — скомандовал О'Коннелл.

Эвелин еще раз подергала ручку двери и убедилась, что ее заперли надежно.

— А в холле еще раздавался голос Джонатана:

— Ты знаешь, старина, твой прежний план мне нравился чуть больше. Ну, тот, где я должен был оставаться в форте и караулить сестренку... Я мог бы заодно... провести здесь рекогносцировку. В том смысле, что, возможно, кто-нибудь объяснил бы мне, что происходит, и как нам нужно действовать...

— Поехали! — раздался настойчивый приказ О'Коннелла, и голоса смолкли. Видимо, мужчины отправились в город.

Еще некоторое время Эвелин стучала кулаками в дверь и выражала свое возмущение криками, но напрасно. Поняв, что ей никто не поможет, она легла на кровать и сложила руки на груди, одновременно проклиная и боготворя Рика О'Коннелла.

* * *

Базар Каира представлял собой целый лабиринт извилистых узких улочек, по обеим сторонам которых расположились магазины. Каждый магазин имел при себе и крохотную фабрику по производству того товара, который в нем продавался. О'Коннелл и Джонатан пробирались через толпы торговцев в тюрбанах, женщин в паранджах из черного тонкого шелка, голых детишек, мальчиков, развозивших товары на тележках, запряженных ослами. Попадались и иностранные туристы, правда, достаточно редко. Наконец Рик и Джонатан вышли к дому, который так долго искали. На первом его этаже размещался магазин стеклодува, второй занимал маленький офис-квартира доктора Чемберлена.

Дверь в покои египтолога оказалась не только незапертой, но даже чуть приоткрытой. Правда, самого ученого внутри не было. Вместо хозяина Ричард и Джонатан увидели здесь Бени. Он торопливо рылся в ящиках стола, потом переключился на книжные полки, оставляя после себя в квартире настоящий погром. Весь пол был завален какими-то документами и фотографиями.

Маленький тощий воришка только что обнаружил симпатичные серебряные часы Чемберлена, которые тут же сунул себе в карман. В тот же миг перед ним возникли О'Коннелл и Джонатан, преграждая венгру путь к бегству.

— Постой-ка, Бени, — начал Ричард. — Что ты здесь делаешь? Уж не ошибся ли ты адресом?

Бени рванулся к раскрытому окну, выходящему на улицу. В конце концов, он посчитал прыжок с невысокого второго этажа лучшим для себя решением, чем попасть в руки бывшего капрала. Но О'Коннелл опередил его, швырнув венгру под ноги стул.

Бени споткнулся и врезался в стену, с которой тут же свалилось на пол несколько фотографий в рамках, где был запечатлен доктор Чемберлен на различных раскопках.

— Готов помочь тебе, — бодро предложил О'Коннелл. Он схватил Бени за шиворот,

приподнял в воздухе и припечатал к стене.

Несчастный венгр болтал ногами, потом неприятно заулыбался, словно впервые увидел О'Коннелла:

— Рик! А это, оказывается, ты, мой старый друг?

— Да, но у тебя, кажется, завелся еще один приятель, только новый? Так, Бени? И ты вернулся из пустыни вместе с ним, если не ошибаюсь.

Бени отчаянно заморгал, продолжая по-идиотски улыбаться:

— Какой приятель? Это ты мой друг, Рик. Ты знаешь, что я всегда был очень разборчив при выборе товарищей;

О'Коннелл ослабил хватку, и ноги Бени коснулись пола. Маленький человечек облегченно вздохнул, разглаживая свою черную одежду. И тут глаза Бени округлились от ужаса. В руке его «старого и единственного друга» блеснуло лезвие ножа.

Держа острие своего оружия у шеи Бени, О'Коннелл негромко, но строго произнес:

— Но зачем ты это делаешь, Бени? Какая тебе от него выгода? Почему ты решил помогать этому чудовищу?

— Я... служу ему только для того, чтобы спасти собственную жизнь. Лучше находиться рядом с дьяволом, чем встать у него на пути.

О'Коннелл вздохнул: это было похоже на правду.

— Но зачем ты забрался сюда? Что ты здесь ищешь?

Почти позабыв о лезвии ножа, Бени позволил себе негромко рассмеяться:

— Неужели ты считаешь, что твои мелкие угрозы могут сравниться с тем, что способен сделать со мной Имхотеп?

— Но его здесь нет. И ты полагаешь, что мне не хватит мужества перерезать тебе горло? Так что ты здесь искал, Бени?

О'Коннелл надавил на шею венгра кончиком ножа, и тот побелел от ужаса.

— Книгу, книгу! Ту самую книгу, которую американцы нашли в Городе Мертвых... Она оставалась у Чемберлена. Имхотепу она срочно потребовалась.

— Зачем?

— Не знаю! Мне известно только, что она дороже золота.

— Золота? — заинтересовался Джонатан, услышав столь приятное его уху слово.

— Выкладывай все до конца, — потребовал О'Коннелл, еще сильнее надавливая на лезвие. — Для чего ему эта книга?

— Не знаю, говорю же тебе. Рик, не надо этого делать...

— Если ты не прольешь сейчас свет на планы своего нового хозяина, то прольется твоя кровь. Выбор за тобой.

— Ну... он хочет вернуть к жизни какую-то женщину, что ли... правда, я точно не уверен, какую именно.

— И для этого ему нужна книга?

— Да, конечно, именно так. И еще...

— И еще, Бени? Договаривай.

— Девушка. Ему нужна ваша девушка. — Бени посмотрел на Джонатана. — Его сестра.

Джонатан нахмурился:

— Ну, для этого ему сначала придется убить меня.

— Это само собой, — равнодушно пожал плечами Бени.

Снаружи, в ночи, которая, по сути, являлась днем, заглушая шум базара, раздался

пронзительный душераздирающий крик, напоминающий вопль раненого животного. О'Коннелл лишь на долю секунды отвернулся к окну. Бени тотчас же воспользовался моментом и ударил Рика коленом в пах.

Рик согнулся от боли, а хитрый мадьяр юркнул в окно и скрылся в ближайшем переулке. Джонатан бросился к О'Коннеллу и помог ему подняться на ноги.

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты приносишь неудачу? — спросил Рик Джонатана сквозь стиснутые зубы.

— Почти всегда, старина... Может быть, теперь мы посмотрим, что там стряслось?

К этому моменту крик сменился возгласами ужаса. Джонатан и О'Коннелл подошли к окну. Им было хорошо видно, что в одном месте толпа расступилась, там, где на земле лежало распростертое тело. Мужчина был неузнаваем, он словно иссох в одно мгновение. И лишь одежда цвета хаки и знаменитый тропический шлем подсказали О'Коннеллу, кто именно лежал внизу возле своего дома. Итак, доктор Чемберлен тоже расстался с жизнью, превратившись в опустошенную «человеческую оболочку».

Над телом нависла могучая фигура Имхотепа. Он взял у профессора книгу и сунул ее под мышку. Так носят школьники свои толстые буквари. В данный момент Тот, Чье Имя Не Называется, вынимал из сухих скрюченных пальцев мертвеца сосуд, украшенный драгоценными камнями.

Каким-то образом мумия почувствовала на себе посторонние взгляды и, резко подняв голову, посмотрела туда, где у окна застыли О'Коннелл и Джонатан. Они оба заметили, как под черными одеждами тело Имхотепа продолжало восстанавливаться, и от той страшной зияющей дыры, проделанной зарядом штуцера, не осталось и следа.

Мумия некоторое время смотрела на окно, потом нижняя челюсть ее словно отстегнулась, и рот открылся до невероятных размеров. В следующий миг, словно пытаясь избавиться от находящегося внутри бремени, она изрыгнула из своей черной пасти целый рой мух, больше похожих на шершней. Черная масса стремительно понеслась к окну, за которым, не в силах пошевелиться, стояли Рик и Джонатан.

О'Коннелл пришел в себя первым и захлопнул ставень со своей стороны. Джонатан сделал то же, и мухи врезались в деревянные ставни. Оказавшись в темноте, Рик и англичанин уже не видели, как жужжащий рой развернулся, словно отряд истребителей, и спикировал на перепуганных базарных торговцев и покупателей, столпившихся возле трупа египтолога. Люди, издавая крики боли и отчаяния, бросились врассыпную, на ходу пытаясь избавиться от насекомых, забивающихся им в волосы.

Тяжело переводя дух, О'Коннелл заметил:

— Вот тебе и еще одна разновидность «казней египетских», верно?

— Верно. Осталось совсем немного.

— Приятно слышать.

— Он завладел книгой, старина.

— Да. Теперь ему остается только выкрасть...

— Эви!

И они бросились бежать из квартиры покойного доктора Чемберлена.

Глава 17 «Красавица и чудовище»

Ночь наступила незаметно. Только звезды и луна теперь указывали на то, что день закончился. В форте Стэк охрану утроили, солдаты постоянно патрулировали внутренний двор. Дополнительные посты были организованы на каждой башне. Правда, эти меры безопасности почти не внесли спокойствия в состояние перепуганных американцев. Хендерсон и Дэниэлс по-прежнему находились в прихожей апартаментов и стерегли ее.

— Куда это запропастился О'Коннелл? Почему он не возвращается так долго? — занервничал Дэниэлс. Его рука до сих пор висела на перевязи. Дэниэлс курил сигарету и прохаживался возле окна, время от времени выглядывая на улицу. Ему было видно пустую дорогу, ведущую к форту, и кабак по другую сторону улицы — там горели огни и играла манящая музыка.

— Наверное, сейчас на всех дорогах образовались «пробки», — сказал Хендерсон. — Представляю, как перепугались местные дикари. Надо же! Солнце почернело!

— Да, но такого Храброго Белого Охотника, как ты, подобное явление ничуть не смутило.

— В последние дни мне довелось увидеть кое-что пострашней, — вздохнул Хендерсон. Белобрысый лидер экспедиции устроился в кресло у самой двери в спальню мисс Карнахэн. Из рук он не выпускал найденный в Хамунаптре сосуд, украшенный драгоценными камнями. Он то и дело поворачивал его, любуясь красотой этого произведения искусства. Сейчас Хендерсон раздумывал о том, сможет ли он получить за этот шедевр достойную цену, чтобы суметь отвлечься и позабыть о всех тех ужасах, которые он пережил в погоне за сокровищами.

— Надоело мне все это, — наконец не выдержал Дэниэлс. Он потушил сигарету в пепельнице, стоявшей на столе у двери в спальню. — Лично я отправляюсь в кабак, чтобы хорошенько выпить.

— Когда будешь возвращаться, прихвати бутылочку и мне, — попросил Хендерсон.

— Виски?

— Конечно. И еще одну, чтобы запивать первую.

Дэниэлс понимающе кивнул и направился к выходу.

Теперь закурил Хендерсон. Он глубоко натянулся, позволяя дыму заполнить легкие, чтобы расслабиться, как следует. Струйки дыма вырвались из его ноздрей, как у дракона. Хендерсон продолжал разглядывать сосуд, впервые обратив внимание на его возраст и красоту, а не только на его возможную стоимость.

В открытое окно ветерок принес звуки флейты и тамбурина из ближнего кабака. Перед мысленным взором американца предстали завлекательные исполнительницы танца живота, одетые в прозрачные газовые накидки. Занавески тоже затрепетали, как руки танцовщиц. Задувающий в комнату ветерок стал холодней (вечера в Каире вообще отличались прохладой), и Хендерсон встал, чтобы закрыть ставни. Драгоценный сосуд он держал в руках.

Стоя у окна, американец смотрел на соблазнительные огни кабака и слушал льющуюся оттуда сладострастную иноземную музыку. Может, плюнуть на все и присоединиться к Дэниэлсу? А вдруг там действительно танцует какая-нибудь сногшибательная красотка? — подумал он и с тоской посмотрел на запертую дверь спальни мисс Карнахэн. Не оставить ли

ему свой пост хотя бы на несколько минут? Уж больно хочется выбраться из этого добровольного заточения...

Ветер за окнами набирал силу. Когда Хендерсон попытался закрыть ставни, в комнату ворвался песчаный вихрь, отбросив американца в сторону. Драгоценный сосуд выпал из его рук, но не разбился. Песчаный вихрь, напоминающий беснующегося дервиша, подхватил Хендерсона и втянул в свою воронку.

Бушующий песчаный смерч не повредил стоящую в холле мебель. Он увлек только Хендерсона, который бешено вращался внутри странной воронки, постепенно теряя плоть. Он пронзительно кричал, но очень скоро его вопли стихли, и некогда здоровое тело превратилось в высушенную оболочку. Песок успокоился и осел и тут же из него выросла высокая фигура Имхотепа в черных одеждах. Мумия, обогатившись новой плотью, выглядела еще более жизнеспособной.

Имхотеп наклонился и поднял брошенный Хендерсоном сосуд. В этот момент откуда-то из грудной клетки мумии выбрался один из хищных скарабеев и резво шмыгнул в отверстие на щеке Имхотепа. Тот не обратил на жука особого внимания, а лишь с хрустом раздавил его панцирь челюстями и проглотил. До слуха мумии донесся протяжный женский стон, и она обернулась в сторону закрытой двери.

Перешагнув через то, что осталось от Хендерсона, Имхотеп приблизился к двери спальни и взялся за ручку. Замок оказался запертым. Живой мертвец внимательно осмотрел дверь, словно прикидывая, стоит ли ее высаживать или нет. Чтобы лишний раз не поднимать шума и не тревожить девушку, Имхотеп прибег к более утонченному способу проникнуть в спальню.

Эвелин беспокойно разметалась на постели. С некоторых пор она не надевала пижаму, а довольствовалась тонким черным платьем на бретельках. В нем было удобно спать, и оно не стесняло движений, если бы вдруг потребовалось выбежать из спальни. Учитывая обстоятельства последних дней, это было совсем нелишне.

Пережитые страхи объясняли и ее беспокойный сон. Ей грезилось, что она вместе с О'Коннеллом спасается от преследующей их мумии. Они кружат по бесконечным лабиринтам Города Мертвых, но иногда в своей руке она чувствовало не ладонь Рика, а костлявую руку мумии... Эти видения мешали спокойному сну, поэтому девушка ворочалась, стонала и изредка вскрикивала. Она, конечно, не видела возникший в спальне образ, куда более устрашающий, чем ее сновидения.

Из замочной скважины на пол спальни вдруг заструился мелкий песок. Его поток напоминал льющуюся из-под крана воду. Холмик на полу все рос и рос, словно отмечая бег времени в песочных часах. Наконец из песка сформировалась маленькая дюна, и его приток прекратился. А песок принялся менять форму, будто невидимый скульптор пытался придать ему контуры тела человека или бога. В данном случае, это было ни то и ни другое, или то и другое вместе. Из песка на полу спальни оформилась фигура Того, Чье Имя Не Называется, — Имхотепа.

Бесшумно скользя почти по воздуху, в своих черных развевающихся одеждах, он приблизился к постели красивой молодой спящей женщины. словно принц, пытающийся пробудить Белоснежку, Имхотеп опустился на колени, прошептал: «Анк-су-намун» и поцеловал ее.

Он даже не обращал внимания на то, что происходило за его спиной: ручка двери заходила ходуном, а сама дверь затряслась под чьим-то могучим напором. Неужели какому-

то смертному глупцу пришла мысль выломать ее?

Имхотеп также проигнорировал то, что происходило с его лицом после поцелуя. От соприкосновения с живой плотью девушки его губы и кожа вокруг них принялись разлагаться, обнажая белые кости. Теперь Имхотеп с обожанием смотрел на мечущуюся во сне женщину, скалясь жуткой улыбкой скелета.

В этот миг дверь с грохотом распахнулась, и в спальню плечом вперед, влетел О'Коннелл. Увидев открывшуюся ему потрясающую сцену, он встал как вкопанный. Над Эвелин склонилась мумия в своих черных одеждах.

Если поцелуй мумии не потревожил сна девушки, то грохот, с которым О'Коннелл ввалился в спальню, сработал как будильник. Увидев над собой безобразное полусгнившее лицо, Эвелин округлила губы. Можно было подумать, что она готова ответить на очередной поцелуй, приняв в себя язык, когда-то принадлежавший ныне покойному мистеру Бернсу. Однако об ответном поцелуе не могло быть и речи. Эвелин открыла рот пошире и издала такой пронзительный, леденящий душу вопль, что даже мумия невольно отшатнулась.

Девушка резко села на кровати и попыталась одной рукой оттолкнуть от себя непрошеного ухажера. Ее ладонь погрузилась в оклизлую плоть мумии, и недавно восстановленные ткани принялись разлагаться от этого прикосновения.

— Тебе не кажется, приятель, что ты несколько староват для нее? По-моему, тебе уже исполнилось две, а то и три тысячи лет, — с этими словами О'Коннелл начал приближаться к чудовищу, хотя его револьверы пока что по-прежнему находились в кобурах. — Ну-ка, отойди от моей девушки, чтоб тебя!..

Имхотеп в ярости резко повернулся к вошедшему и зарычал. Гнилая плоть не скрывала его зубов.

О'Коннелл поморщился:

— Ой-ей-ей! В следующий раз, когда тебе захочется кого-нибудь поцеловать, не забудь прихватить свои губы.

Мумия угрожающе подняла руки, собираясь напасть, и кинулась в сторону О'Коннелла. Рик едва успел крикнуть:

— Джонатан! Скорей сюда!

В тот же миг в дверях спальни возник брат Эвелин с белой кошкой в руках. Он бросил ее Риду, как перекидывают мяч в какой-то спортивной игре, а тот швырнул животное в распахнутые объятия мумии. Чудовище инстинктивно схватило кошку. Монстр повел себя так, как будто ему в руки угодило ведро с раскаленными угольями.

Кошка зашипела, мумия заверещала, и эти звуки слились в такой гармонии, что можно было одновременно и рассмеяться, и расплакаться. Мумия тут же выронила Клео из рук. Было видно, что силы чудовища заметно убавились. Имхотеп проковылял к окну, которое тут же распахнулось, впуская в спальню холодный ветер.

Мумия завертелась волчком, и присутствующие были вынуждены прикрыть глаза ладонями, чтобы в них не попал песок. Вскоре чудовище обратилось в песчаный вихрь и с такой скоростью вылетело в окно, что ставни тут же потянулись за ним и с грохотом захлопнулись. На полу спальни не осталось ни единой песчинки.

Джонатан влетел в комнату, на этот раз с револьвером наготове, трясясь, как дряхлый старик. Ричард схватил девушку в свои объятия и прижался к ней всем телом, а она, уворачиваясь, кривилась и стирала с лица липкую слизь тыльной стороной руки.

О'Коннелл, обнимая Эвелин за плечи, провел ее в фойе. Джонатан шел за ними. Как раз

в этот момент с улицы вернулся Дэниэлс с бутылкой в руке, которую тут же выронил, и она залила пол драгоценной жидкостью.

— Боже мой! — только и смог вымолвить Дэниэлс, глядя на иссушенный труп Хендерсона. — Значит, я следующий.

О'Коннелл схватил его за здоровую руку:

— Никто из нас не будет следующим, если только мы найдем выход и поймем, как можно одолеть этого забинтованного сукиного сына. Я, между прочим, только что остановил его при помощи безобидного котенка.

— Жаль, что твой рюкзак не набит кошками, — сухо заметил Джонатан. — Все, что у нас есть, это только лишь пули.

Эвелин тоже не сводила глаз с иссохшего трупа Хендерсона. Но в них не было панического ужаса: она о чем-то сосредоточенно размышляла.

— Вы оба правы, — внезапно заговорила Эвелин, обращаясь к О'Коннеллу и брату. — Мы можем сражаться с этим чудовищем только при помощи древнего оружия. И мне кажется, я уже знаю, что именно нам нужно для этого.

* * *

Через несколько минут они уже снова ехали по улицам Каира в машине Джонатана. Он сидел за рулем, рядом устроилась Эвелин, а Рик, как и прежде, занял место сбоку. Дэниэлс, единственный выживший член американской экспедиции, расположился сзади. Тут же лежал рюкзак Рика с оружием. Лицо Дэниэлса было уже не таким бесстрашным, как прежде. Он вытащил руку из перевязи и попробовал подвигать ею из стороны в сторону. Видимо, он посчитал, что теперь ему пригодятся обе верхних конечности.

Все еще потрясенная появлением любвеобильной мумии в своей спальне, Эвелин, тем не менее, попыталась улыбнуться Рику:

— Значит, ты все-таки считаешь меня своей девушкой? Это правда?

— Ну надо мне было как-то избавиться от этой твари.

— Выходит, ты меня не ревновал? Ничуть?

— Что? К этому типу? Да по сравнению с ним Франкенштейн показался бы Аполлоном. После моего поцелуя ты не станешь отплеиваться костями и бинтами.

— Заткнитесь! — крикнул с заднего сиденья Дэниэлс. — Мы все умрем, если ничего не придумаем в самое ближайшее время.

Эвелин спокойно посмотрела на американца:

— А мы как раз и собираемся приступить к действиям. И прямо сейчас.

В этот миг перед ними снова возник огромный Музей древностей Каира. Перед входом в здание на ветру раскачивались листья пальм и трепетал огонь газовых факелов, установленных в стенах. Возле высоких передних дверей замерли, как на страже, статуи египетских воинов. Здесь Джонатан и высадил своих пассажиров.

Хранитель музея, которому Эвелин позвонила перед отъездом, уже поджидал их. Маленького толстяка по-прежнему сопровождал предводитель медджаев Ардет-бей. Все вместе они прошли через атриум музея с его впечатляющей экспозицией саркофагов,

погребальных лодок и всевозможных статуй и поднялись по широкой белой мраморной лестнице. На этот раз хранитель музея вынужден был выслушать лекцию от Эвелин.

— Согласно древним верованиям, — говорила она, — черная книга, которую мы нашли в Хамунаптре, способна возвращать мертвых к жизни.

— Вы имеете в виду Книгу Мертвых, — уточнил доктор Бей. — Да, это так. Как я понял, вы прочитали какое-то заклинание именно из этого тома, в результате чего...

— Да, но этот вопрос мы уже давно обсудили. — Эвелин поморщилась, но на ее лице тут же расцвела улыбка. — Будучи человеком ученым, я предпочитаю рассматривать подобные проблемы с точки зрения антрополога. Дело в том, что я не могла поверить в действие этих заклинаний и вообще в существование подобного колдовства.

Хранитель музея сложил губы трубочкой, стараясь не рассмеяться, и его тоненькие усики задрожали,

— Если я вас правильно понял, вы уже успели пересмотреть свое мнение относительно волшебства и колдовства.

— Можете не сомневаться, — вступил в разговор О'Коннелл. — Спросите ее о том, чем пахнет дыхание человека, которому исполнилось три тысячи лет, и она вам расскажет...

Эвелин бросила на Рика сердитый взгляд и заговорила снова:

— Да, но это сейчас не важно. Я подумала вот о чем. Если том, отделанный обсидианом, способен воскрешать людей из мертвых...

— Я понял! — О'Коннелл возбужденно щелкнул пальцами. — Ты имеешь в виду ту самую золотую книгу, которую мы искали, но так и не нашли!

— Все верно, Рик, — удивленно, но не без удовольствия ответила Эвелин. — Мне кажется, ты тоже догадался.

— Конечно. Все очень просто: если черная книга возвращает их из мертвых, значит, золотая способна вернуть снова в ад!

— Правильно! — подтвердила девушка. — И это не противоречит древним верованиям.

Ардет-бей прищурился и сказал:

— Да, если у вас все получится, вы сумеете справиться с ним и отправить Того, Чье Имя Не Называется, обратно в могилу.

— И на этот раз окончательно! — добавил Дэниэлс, цедя слова сквозь зубы и потрясая кулаком.

Вся группа дошла до лестницы и остановилась.

— Заклинание из Книги Амон-Ра... — задумчиво начал хранитель музея, словно уже давно размышлял над данным вопросом. — Да, скорее всего, вы действительно нашли ответ! Но эту книгу уже давно ищут те, кто грабил захоронения фараонов в Долине Царей еще много веков назад. Ее не смогли отыскать ни древние ученые, ни современные, такие, каким был и ваш отец, мисс Карнахэн.

— Может быть, они просто плохо представляли себе, где ее следует искать, — неопределенно пожала плечами Эвелин.

— А ты представляешь? — насторожился О'Коннелл, трогая девушку за руку.

— Возможно. На балконе музея есть экспозиция, которая мне поможет.

Они добрались до балкона, где под стеклом хранились многочисленные каменные таблички со всевозможными иероглифами. Хранитель музея при помощи ключа (не такого замысловатого, конечно, как знаменитая шкатулка с восемью металлическими лепестками) открыл шкаф. В тот же миг до присутствующих долетел какой-то жуткий звук, будто кто-то

произносил нараспев знакомые, но не слишком разборчивые слова...

— Это что еще за кошмар? — заволновался Джонатан.

— Это звук с улицы, — определил О'Коннелл и подошел к восьмиугольному окну, выходящему на стоянку для автомобилей.

Остальные тоже подошли к окну и уставились вниз, на улицу. Они увидели движущуюся к музею довольно странную толпу. Здесь были и мужчины, и женщины, и бедные, и богатые, и даже иностранные туристы. Их нескончаемый поток постепенно заполнил площадь перед музеем. У многих в руках горели факелы.

Пение усилилось и теперь ужасные слова дошли до всех присутствующих. Люди на улице монотонно завывали:

— Им-хо-теп! Им-хо-теп! Им-хо-теп!

— Боже мой! — ужаснулся Дэниэлс. — Но что с ними случилось? Они похожи на...

— Зомби, — подсказал О'Коннелл.

— Им-хо-теп! Им-хо-теп! Им-хо-теп!

— А кто такие «зомби», старина? — поинтересовался Джонатан. Глаза его округлились от страха, пока он смотрел на эту странную толпу.

— Живые мертвецы, — пояснил О'Коннелл.

Дэниэлс достал револьвер.

— Если верить западноафриканскому культу вуду, они действительно существуют, — подхватил хранитель музея.

— Вы только посмотрите на их руки и лица, — поморщился Ардет-бей.

Люди подходили все ближе к музею. Они передвигались неуверенно, словно спали на ходу. Глаза их были открыты, но оставались пустыми и безразличными, а кожу покрывали страшные нарывы и раны.

— Вот оно! Их плоть превратилась в сплошные язвы! — воскликнул Джонатан. — Это же еще одно из наказаний, обещанных земле египетской!

— Им-хо-теп! Им-хо-теп! Им-хо-теп!

— Похоже, они не слишком рады всему происходящему, — мрачно заметил О'Коннелл.

— Значит, началось, — подытожил Ардет-бей. — И конец уже близок.

— Вы можете не участвовать в нашей борьбе, если пожелаете, — заметила Эвелин, обращаясь к воину-меджаю, после чего саркастически добавила: — В конце концов, вы занимаетесь этим уже три тысячи лет. Наверное, пора и передохнуть немного. Но мы продолжим свое дело. Я верно говорю, доктор Бей?

— Им-хо-теп! Им-хо-теп! Им-хо-теп!

— Конечно, — согласился хранитель музея. Только сейчас прошу меня извинить: я должен спуститься вниз, чтобы запереть входные двери...

А Эвелин принялась складывать вместе разбитые таблички с иероглифами. Если они ей не подходили, она раздраженно отбрасывала их в сторону, как использованные бумажные стаканчики.

— Им-хо-теп! Им-хо-теп! Им-хо-теп!

— Если верить специалистам из общества ученых Кембриджа, — пояснила Эвелин, совершенно не обращая внимания на собравшуюся внизу толпу, — то получается, что золотая Книга Амон-Ра была спрятана где-то внутри статуи Анубиса.

— Но именно там мы нашли другую книгу, — напомнил Дэниэлс. — Ту самую проклятую черную Книгу Мертвых!

— Совершенно верно, — кивнула Эвелин.

— Эти ребята из Бембриджа совершили жестокую ошибку, когда отказали моей сестре в приеме, — заявил Джонатан. — Может быть, и здесь они тоже оплошали.

— Им-хо-теп! Им-хо-теп! Им-хо-теп!

Дэниэлс нервно мерил комнату шагами от окна к экспозиции табличек и обратно, не выпуская из руки револьвера:

— Я, конечно, не хочу обижать никого из присутствующих, — начал он, — но ваша британская медлительность начинает бесить меня. Неужели нельзя работать чуть быстрее?

— Пальцы Эвелин проворно перебежали с таблички на табличку:

— Я полагаю, что специалисты Кембриджа перепутали книги, то есть тайники, в которых их хранили. Значит, если черная книга обнаружилась в статуе Анубиса, следовательно, золотая должна находиться...

— Им-хо-теп! Им-хо-теп! Им-хо-теп!

— Эви, — не выдержал Джонатан, — а ведь наш американский друг совершенно прав. Нельзя ли как-нибудь ускорить процесс определения местонахождения этой книги?

— Ненужная спешка еще никому не помогала, — напомнила Эвелин брату.

— Но нам надо остаться в живых и попытаться ускользнуть от той толпы, которая вот-вот окажется о музее, — с этими словами О'Коннелл достал свой револьвер.

— Я попробую выиграть немного времени, — предложил Джонатан, — и заведу машину, чтобы она была готова в любой момент отъехать. Доктор Бей, в музее есть запасной выход?

Хранитель музея показал на лестницу, ведущую куда-то вниз. Англичан ни уже собрался было воспользоваться черным ходом, как О'Коннелл спросил его:

— Ты считаешь, что мы проскочим мимо этих зомби?

— Им-хо-теп! Им-хо-теп! Им-хо-теп!

Толпа уже осаждала входную дверь. Удары эхом разносились по атриуму. С того места, где стояли все укрывшиеся в музее люди, дверь была прекрасно видна. Тяжелые деревянные створки шатались, и казалось, готовы были уступить натиску толпы...

Джонатан успокаивающе похлопал О'Коннелла по плечу:

— А у нас и выбора-то нет, приятель! Встречаемся у черного хода.

С этими словами брат Эвелин поспешил прочь.

— Им-хо-теп! Им-хо-теп! Им-хо-теп!

— Нашла! — вдруг воскликнула Эвелин. — Хватит слушаться умников из Бембриджа! Золотая Книга Амон-Ра спрятана в статуе Гора.

— А статуя Гора, — продолжал, нахмурившись, доктор Бей, — находится в пятидесяти шагах к западу от статуи Анубиса.

— Бог мой! — поморщился О'Коннелл. — Неужели вы хотите сказать, что нам придется возвращаться в Город Мертвых?

— Ну это только в том случае, если вы действительно хотите уничтожить Того, Чье Имя Не Называется, — закончил Ардет-бей.

Двери музея, не выдержав, затрещали и рухнули. В проем ввалились толпа зомби. Первые спотыкались и падали, теснимые остальными. На упавших никто не обращал внимания. Неровной походкой, с совершенно пустыми глазами, одурманенные люди заполняли лестницы и нижние галереи. А наверху уже слышалось их монотонное пение:

— Им-хо-теп! Им-хо-теп! Им-хо-теп!

— Пожалуй, путешествие в Хамунаптру сейчас для нас далеко не худший вариант, — прокомментировал О'Коннелл. — Вперед!

И вся группа бросилась туда, куда скрылся Джонатан.

Глава 18 «Триумф Имхотепа»

Джонатан Карнахэн не относил себя ни к храбрецам, ни к трусам. Он ценил в себе изобретательность и находчивость. Англичанин умел быстро адаптироваться в любой обстановке, неважно, какие сюрпризы могла преподнести ему судьба.

Но когда Джонатан вышел к стоянке, где его поджидал «Дюсенберг», то нашел ситуацию настолько сложной, что ему потребовалось все его хладнокровие и осторожность. От толпы обезумевших, монотонно повторяющих одно и то же слово людей, направлявшихся к музею, откололась небольшая группа и двигалась на Джонатана. Глаза их горели, а лица и руки сплошь покрывали язвы. Несчастные двигались, словно по инерции, выставив вперед руки, и напоминали сумасшедших лунатиков.

Примерно с дюжину зомби устремилось к англичанину, не переставая изо всех сил горланить:

— Им-хо-теп! Им-хо-теп!

Джонатан решил действовать. Он остановился, выпучил глаза, выставил руки вперед, пустил слюну из уголка рта и присоединился к зомби:

— Им-хо-теп! Им-хо-теп!

Отколовшаяся группа безумцев, потеряв всякий интерес к англичанину, тут же повернула к музею. Джонатан сделал вид, что идет за ними, а на самом деле шагал на месте, выжидая, когда это «стадо» отойдет от него подальше.

— Им-хо-теп! Им-хо-теп!

Стерев слюну с лица и все еще трясясь от страха, но одновременно и восхищаясь собственной находчивостью, Джонатан быстро добежал до одиноко стоявшего на площадке «Дюсенберга». К радости англичанина, машина оказалась нетронутая. Беснующаяся толпа обошла ее стороной. Джонатан включил зажигание, нажал на педаль газа и, развернувшись, покатил к запасному выходу музея.

Время, казалось, остановилось. Секунды тянулись бесконечно, пока Джонатан сидел в машине, прислушиваясь к равномерному урчанию мотора. До слуха англичанина из музея доносился шум погрома: толпа превращала бесценные произведения искусства в груды ненужного хлама. Из окон второго этажа безжалостно выбрасывались редчайшие экспонаты. Сердце Джонатана бешено колотилось, ладони на руле вспотели, и он спрашивал себя, долго ли еще сможет выдержать эту пытку неизвестностью. Может быть, его сестра уже давно лежит на мраморном полу, истекая кровью, растерзанная безумными фанатиками.

— Им-хо-теп! Им-хо-теп!

Собрав всю свою храбрость и силу воли, Джонатан заставлял себя сидеть неподвижно. Неожиданно дверь черного хода распахнулась и из нее выскочили, держась за руки, О'Коннелл и Эвелин. За ними следовали воин-медджай и хранитель музея, оба вооруженные кривыми мечами. Бегство замыкал Дэниэлс с револьвером наготове. Как только все они оказались в машине, Джонатан вдавил педаль газа, и автомобиль рванулся к единственному выезду с территории музея.

Визг шин на повороте привлек внимание одного участника дикой процессии, в глазах которого горела жажда наживы, а вовсе не мрачное пламя фанатизма, зажженное чарами Имхотепа. Это был Бени.

Джонатан заметил, как появившийся в портале музея маленький негодяй тут же обратил

внимание на «Дюсенберг» и его пассажиров. Видимо, он сразу узнал их, так как издал пронзительный крик:

— Им-хо-теп! Им-хо-теп!

Однако венгр вовсе не собирался присоединиться к толпе, а лишь желал привлечь к беглецам внимание своего хозяина.

Машина вылетела из ворот. Пассажиры обернулись и с ужасом увидели в разбитом окне второго этажа музея высокий силуэт Имхотепа. Он простирал в их сторону руки, как будто мог усилием воли вытащить своих врагов из машины.

О'Коннелл, сидевший впереди рядом с Эвелин и Джонатаном, бросил на него гневный взгляд, а затем указал на маленького негодяя пальцем, словно обвиняя его, и закричал:

— Ты получишь за все сполна, ублюдок!

Бени омерзительно усмехнулся и помахал старым знакомым на прощанье:

— Скоро увидимся, Рик! Очень скоро!

С Имхотепом, стоящим у окна второго этажа, произошли значительные изменения. Большая часть истлевших бинтов свалилась с его тела, обнажая коричневую гладкую кожу. Восстановление бывшего жреца почти завершилось. Он невероятно широко разинул рот, и его звериный крик пронизал Каир с силой паровой сирены.

— Боже мой! — ужаснулся Дэниэлс. Он сидел в машине сзади между Ардет-беем и хранителем музея. Через плечо у него был перекинут мешочек, в котором хранился драгоценный сосуд. — Что теперь задумал этот сукин сын?

— Мне кажется, — начал О'Коннелл, оглянувшись на удаляющееся здание музея, — он отдает своей армии новые приказы.

Внезапно пораженные язвами последователи мумии хлынули из дверей музея, видимо, собираясь преследовать «Дюсенберг».

Бедствие распространялось, и безумие охватило весь город, превращая его обитателей в рабов Имхотепа. Люди становились нелюдьми: их плоть и разум поражали язвы. Джонатан с переменным успехом пытался найти улицы, еще не запруженные обезумевшим народом. Англичанин уже потерял ориентацию, но сидящий рядом с ним О'Коннелл безошибочно указывал дорогу к форту по извилистым переулкам старого города. Вскоре автомобиль оказался на узких пустынных улочках базара, и пассажиры «Дюсенберга» облегченно перевели дух и заулыбались. Казалось, худшее осталось позади.

Но худшее было впереди. Молчаливая толпа высыпала из всех боковых проходов, и машина оказалась заблокированной со всех сторон.

Джонатан инстинктивно нажал на тормоз. Толпа обезумевших, с выпученными глазами людей двигалась прямо на них. Над ней снова стал разноситься заунывный напев, повторяющий лишь одно слово:

— Им-хо-теп! Им-хо-теп! Им-хо-теп!

— Назад, черт бы вас подрал! — истошно заорал Дэниэлс. — Назад!

О'Коннелл обернулся и увидел, что толпа одурманенных чарами преследователей наступает и сзади. На этот раз в руках людей мелькало всевозможное оружие: ножи, топоры, ломы и просто дубинки. Рик ухватил Джонатана за руку и рявкнул ему в самое ухо:

— Гони прямо по этим ублюдкам!

Джонатан замешкался, и тогда О'Коннелл сам с силой надавил на его ногу, стоящую на подале газа. Автомобиль рванулся вперед, подминая встречных и разбрасывая их тела в разные стороны. Кровь алыми брызгами густо окропила капот «Дюсенберга». Эвелин, едва

не задохнувшись от ужаса, закричала. Толпа, атакованная автомобилем, казалось, не обратила на многочисленные жертвы никакого внимания. Правда, скорость машины заметно снизилась. Зомби начали облеплять ее с боков, пытаясь забраться в нее, а пассажиры изо всех сил отбивались от них. О'Коннелл и Дэниэлс падали из револьверов, едва успевая перезаряжать оружие, медджай и хранитель музея рубили врагов своими кривыми мечами направо и налево, Эвелин просто отпихивала особенно настойчивых рабов Имхотепа. Даже Джонатан сопротивлялся одной рукой, ловко отталкивая локтем вскочившего на подножку противника.

— Им-хо-теп! Им-хо-теп! Им-хо-теп!

Но задача оказались невыполнимой, и Джонатан, резко свернув в переулок и надеясь разогнаться, сразу же сшиб несколько прилавков. В стороны полетели какие-то корзины с товарами и бутылки, и машина еще раз значительно сбавила скорость. Зомби тут же воспользовались этим и возобновили атаку. Двое из них даже вцепились в Дэниэлса и выволокли его из «Дюсенберга». Тот отчаянно кричал, тщетно пытаясь высвободиться из цепких рук.

— Они похитили Дэниэлса! — воскликнул О'Коннелл.

Ардет-бей наполовину высунулся из машины, стараясь перехватить американца, чтобы спасти его.

Теперь машина оказалась окруженной сумасшедшими со всех сторон, и оставшимся пяти пассажирам пришлось бороться только за собственную жизнь. Никто из них уже не видел, что именно происходило с Дэниэлсом.

А он умудрился стряхнуть повисших на нем зомби и, спотыкаясь о распростертые тела, отступил к стене. Он продолжал стрелять, сшибая нападавших одного за другим. Каждая пуля находила свою цель, навсегда излечивая от безумия одного из несчастных. Но на место упавшего вставал очередной зомби. Наконец барабаны револьверов опустели, и судорожно нажимавшие на курки пальцы Дэниэлса извлекали из оружия лишь глухие щелчки...

Однако зомби, окружив Дэниэлса, близко к нему не подходили. Они обступили его, словно грифы умирающее животное, ожидая, когда природа возьмет свое и обеспечит их ужином...

Внезапно толпа, словно воды Красного моря, расступилась и из нее по-королевски величественно выступил Имхотеп в развевающихся черных одеждах. А вокруг продолжало звучать произносимое почти шепотом:

— Им-хо-теп! Им-хо-теп! Им-хо-теп!

Дэниэлс, проживший полную опасностей жизнь наемника и авантюриста, по праву гордился своей несгибаемой волей и непоколебимой храбростью. Но сейчас, забыв обо всем, он рухнул на колени и заскулил что-то раболепное, обращаясь к высокой зловещей фигуре верховного жреца. Возрожденный Имхотеп горой возвышался над коленопреклоненным американцем.

Дэниэлс вынул из своего мешочка сосуд, украшенный драгоценными камнями, и трясущейся рукой протянул его Имхотепу, словно пожертвование живому божеству.

Тот принял сосуд, кивая и улыбаясь в ответ, как бы благодаря американца за его великодушный поступок.

Дэниэлс довольно оскалил зубы, кивая мумии. В этот момент он снова почувствовал, как в его душе возрождается надежда на спасение. Он выразил свое преклонение перед Имхотепом, и тот, скорее всего, теперь пощадит его...

Ревущий мотором «Дюсенберг» с пятью пассажирами все еще пытался прорваться сквозь плотные отряды зомби. В этот миг безумное монотонное пение толпы заглушил крик, от которого кровь застыла в жилах. Казалось, этот предсмертный вопль еще больше подстегнул Джонатана. Не обращая больше внимания на окружающее, он изо всех сил нажал на газ и, сшибая автомобилем какие-то навесы и прилавки, устремился вперед к свободе. Бешеная езда закончилась почти мгновенно: «Дюсенберг» на полной скорости воткнулся в основание каменного фонтана. Решетка радиатора и крыло оказались смятыми. Машина несколько раз «чихнула» и замерла.

О'Коннелл схватил Эвелин за руку и закричал:

— Скорей отсюда! Спасаемся!

Они выскочили из автомобиля, за ними — Джонатан. Но тут выяснилось, что бежать им некуда.

Со всех сторон их окружали «солдаты» армии Имхотепа, с пустыми глазами и лицами, покрытыми язвами. Они сопели, изо рта у них текла слюна, но они не нападали, а ожидали чего-то.

И снова расступилась толпа, чтобы дать проход своему владыке. Он гордо шел впереди, сопровождаемый своим преданным лакеем Бени. Венгр семенил за Имхотепом, как собачонка, не отставая ни на шаг.

Эвелин крепко стиснула руку О'Коннелла и восхищенно шепнула:

— Он... похож на божество!

Верховный жрец был великолепен в своих черных одеждах. Высокий, красивый, с идеальной фигурой и блестящей загорелой кожей, он действительно представлял собой совершенство. Он полностью восстановился — от бритой головы до кончиков пальцев на ногах. От старых бинтов и гнилой плоти не осталось и следа. Исчезли и жуки-скарабеи.

— Мы пропали, — печально констатировал Ардет-бей.

— Он окончательно восстановился, — многозначительно кивнул хранитель музея. — Теперь ему предстоит воскресить из мертвых Анк-су-намун. Это будет началом для них и концом для всего человечества.

— По-моему, вы оба — закоренелые пессимисты, — сказал Джонатан.

Имхотеп, молодой и красивый, несмотря на свои три тысячи лет, решительно подошел к Эвелин. Его лицо оставалось бесстрастным, а глаза напряженно изучали ее:

— Кита ми фарос, ая нило, исирпан, — произнес он приятным баритоном. По его интонациям все поняли, что Имхотеп отдает девушке какой-то приказ.

Бени вышел из-за спины своего повелителя, чтобы перевести его слова для Эвелин:

— Он хочет, чтобы ты пошла с ним.

— Перевожу для тебя персонально то, что он сказал, — начала Эвелин, обращаясь к Бени, — «Иди ко мне, моя принцесса, настало время сделать тебя моей на века».

Имхотеп сделал еще один шаг в сторону Эвелин, и девушка крепче вцепилась в руку О'Коннелла.

Однако мумия протягивала ей свою ладонь:

— Кунташ дай на, айа нило.

И снова заговорил Бени:

— Иди с ним, и тогда он пощадит твоих друзей.

— Ты полагаешь, что мне нужен твой перевод, хорек паршивый?! — огрызнулась

Эвелин.

Толпа снова принялась негромко распевать:

— Им-хо-теп! Им-хо-теп! Им-хо-теп! Им-хо-теп!

Имхотеп стоял, не шевелясь, положив руки на бедра, и снисходительно и надменно улыбался, глядя на тех, кого сумел-таки загнать в угол.

— Отпусти меня с ним, — прошептала Эвелин О'Коннеллу. Она дрожала, глаза ее стали влажными, но девушка гордо вздернула вверх подбородок, словно и не собиралась сдаваться. — Ты прекрасно знаешь, куда он меня заберет. Ведь если он расправится с тобой сейчас, ты не сможешь меня спасти потом, верно?

— Милая моя, — нежно ответил Рик. — Ты так же отважна, как и мудра.

— Согласна. Ну а твоя задача — сохранить мои внутренности целыми и невредимыми. Смотри, чтобы он не добрался до них.

Имхотеп, видимо, потеряв терпение, подался вперед, схватил девушку за запястье, притянул к себе и обнял.

О'Коннелл рванулся было ей на помощь, но Ардет-бей благоразумно удержал его, прошептав при этом:

— Успокойся, у нас еще остается время. Чтобы провести ритуал, как положено, ему необходимо доставить ее в Хамунаптру.

Имхотеп сладострастно взглянул на Эвелин и поцеловал девушку в щеку. Но на этот раз плоть мумии осталась нетронутой после прикосновения живого тела. Верховный жрец полностью восстановился, и теперь ничто не могло повредить ему.

— Если ты только позволишь этому зверю превратить меня в мумию, Рик О'Коннелл, — заявила Эвелин, вздернув подбородок, который начал морщиться от переполнявших ее эмоций, — я приду к тебе из могилы к первому!

Имхотеп взглянул на Джонатана, который все это время стоял рядом с О'Коннеллом. Мумия словно что-то почувствовала. Ноздри жреца затрепетали, будто он учуял какой-то особенный запах...

В следующий момент мумия кинулась вперед, оторвала нагрудный карман куртки Джонатана, выхватила оттуда золотую шкатулку и перебросила ее Бени.

— Мог бы и вежливо попросить, — пробурчал Джонатан с обидой.

Имхотеп злорадно усмехнулся и, снова обняв Эвелин одной рукой, очутился на пустом пространстве, освобожденном для него толпой.

— Черт возьми! — закричал О'Коннелл. — Я не могу так просто стоять и терпеть все это!

Он снова попытался рвануться вперед, но тут же почувствовал себя зажатым в тиски: его крепко держали руки Ардет-бея.

— Нет! — мотнул головой воин-медджай. — Мы должны отдать ему эту крохотную победу, чтобы лишить его окончательного торжества.

Но О'Коннелл перестал понимать, что происходит вокруг. Он будто тоже сошел с ума, как и большинство людей в Каире, и продолжал иступленно кричать:

— Эвелин! Нет! Эвелин!..

Бени подошел к своему «обезвреженному другу» и, насмешливо поклонившись, заговорил:

— Прощай, Рик. Я бы сказал, что мне было приятно иметь с тобой дело, но ты ведь знаешь: Бени никогда не лжет...

И венгр поспешил за своим новым хозяином, который тащил куда-то сопротивляющуюся Эвелин. Когда толпа за ними сомкнулась, раздался могучий голос Имхотепа, что-то приказывающего своим рабам.

В тот же миг зомби начали все ближе подходить к оставшимся непобедимыми людям, чтобы навсегда покончить с ними.

— Ничего себе! — возмутился Джонатан, нервно моргая. — Выходит, что этот тип обманул нас?!

— Никогда нельзя доверять мумии! — вздохнул О'Коннелл. Шагнув вперед, он отодвинул крышку, скрывающую резервуар для сбора дождевой воды и расположенную между камней прямо на мощеной улице.

— А как же моя сестра? — недоумевал Джонатан.

— Если мы выживем, — объяснил ему Ричард, — то сможем спасти и ее.

С этими словами он спихнул англичанина в резервуар. Медджай и хранитель музея уже вовсю отбивались от наступающих зомби своими кривыми мечами, держа толпу на некотором расстоянии от себя. О'Коннелл схватил Ардет-бея за руку и подтащил его к люку.

— Спускайся туда! — велел он медджаю. — Ты мне понадобишься! И вы тоже присоединяйтесь к нам! — приказал он хранителю музея, но тот отрицательно замотал головой:

— Нет! Один из нас должен остаться здесь и сражаться, чтобы прикрыть остальных! — пояснил он. — Тогда эти твари двинутся дальше. Они ничего не соображают! Доверьтесь мне! А вы должны довести дело до конца и найти способ, чтобы уничтожить Того, Чье Имя Не Называется!

С этими словами доктор Бей столкнул О'Коннелла в люк и закрыл его тяжелой крышкой, после чего продолжал рубить зомби, которые очень скоро одолели его, навалившись на ученого сразу со всех сторон.

Внизу, под мостовой, О'Коннелл изо всех сил держал крышку люка, и трое мужчин стояли в дождевой воде резервуара глубиной в три фута. Однако с улицы никто и не пытался открыть этот люк. Очевидно, хранитель музея оказался прав. Эти слуги Имхотепа потеряли способность соображать. Они превратились в животных, движимых только болью и чарами Верховного жреца. И вскоре шум от топота их ног затих где-то вдали.

О'Коннелл, Джонатан и Ардет-бей выждали еще минут десять и осторожно выбрались на пустынную улицу, усыпанную трупами зомби, которых они сами же и убили. Здесь же лежало растерзанное и растоптанное тело хранителя музея, отдавшего свою жизнь за то, чтобы они выжили и справились с Имхотепом.

Пустые улочки базара казались какими-то странными и нереальными. Наконец, собравшись с мыслями, все трое двинулись к «Дюсенбергу». Кое-как выправив решетку радиатора, Джонатан сел за руль, и они поехали прочь от этого страшного места. Потрясенные случившимся, измотанные, но непобежденные, мужчины окончательно объединились в своей решимости одолеть мумию и не допустить ее торжества над человечеством.

Глава 19 «Песчаная буря»

Разбитый и исходящий паром «Дюсенберг» доставил в это богом забытое место О'Коннелла, Джонатана и предводителя медджаев. Окружающая обстановка не прибавила Рику энтузиазма. А уж перспектива полета вместе с постоянно пьяным Уинстоном Хевлоком подверженным самым мрачным мыслям о неминуемости смерти, и вовсе не способствовала бодрому настроению.

И все же когда рассвет начал окрашивать пустыню в багряно-золотистые тона, все трое оказались здесь. Мало того, они в три голоса упрашивали Хевлока отвезти их в Хамунаптру. Старый летчик стоял перед ними в пропыленном мундире Королевских ВВС, летном шлеме и очках-консервах.

Выслушав прибывших, Хевлок задумался и нахмурился:

— А каким образом ваше дело связано с Королевскими военно-воздушными силами Его Величества?

Не выпуская из рук своего рюкзака, в котором хранился почти весь арсенал путешественников, О'Коннелл сказал:

— Чудовище, которое мы преследуем, вчера убило двоих человек из форта Стэка.

Выгоревшие брови над покрасневшими глазами удивленно приподнялись:

— Ты сказал «чудовище»? Интересная задача.

— Уинстон, — подключился к разговору Джонатан, — мы за последние дни стали свидетелями таких странных событий, что мне боязно даже пересказывать их тебе. Ты наверняка решишь, что мы успели принять изрядную дозу спиртного.

— Ты бы меня здорово разочаровал, если бы признался в обратном, — Уинстон дружелюбно положил руку на плечо англичанина. — Ты говоришь, он похитил твою сестру? Против ее желания?

— Именно так, — подтвердил Джонатан.

— Ей-богу, приятель, это же самый настоящий киднэппинг!

О'Коннелл в изнеможении закрыл глаза. Как могло случиться, что его судьба стала зависеть от этого не просыхающего великовозрастного британского летуна?!

— Скажи-ка мне, — начал Уинстон, прищуривая глаза, — ты бы мог назвать эту миссию... опасной?

— Надеюсь, нам повезет и мы выживем, — уклончиво ответил Ричард.

— Правда? — просиял Хевлок. — Вы меня заинтриговали.

— Мы уже потеряли четверых товарищей, — добавил Джонатан.

Хевлок загадочно улыбнулся, и кончики его обвислых усов непонятным образом задралась в сторону неба:

— Что ж, это очень соблазнительно, когда тебе бросают такой вызов... Спасти девушку, уничтожить злодея...

— И завладеть несметными сокровищами, — напомнил Джонатан. — Не стоит забывать и этого.

Хевлок встал навтыжку и отсалютовал почти по-военному:

— Капитан Уинстон Хевлок к вашим услугам и рад служить вам, джентльмены!

О'Коннелл вздохнул, демонстрируя одновременно облегчение и отчаяние.

Хевлок заспешил к своему самолету, стоявшему на изуродованной рытвинами и

выбоинами бетонированной площадке.

— И кто из вас, джентльмены, полетит со мной? — поинтересовался пилот.

— Как это кто? — удивился О'Коннелл. — Все.

Но Хевлок лишь замотал головой:

— Это невозможно. У меня есть место только для одного, — пояснил он.

Джонатан, которому приходилось чуть ли не бежать, чтобы не отстать от Хевлока, заметил:

— Так не пойдет, Уинстон. Мы должны оказаться на месте все трое. Не считая тебя, разумеется.

Хевлок резко остановился, и Рик с Джонатаном сделали по инерции несколько шагов вперед, прежде чем довольно неуклюже остановились.

— Джонатан, — заговорил Хевлок, указывая куда-то в сторону ближайшего сборного домика из гофрированного железа, — У меня к тебе есть серьезное дело. Вон там, над верстаком, ты найдешь на гвозде моток хорошей веревки.

— Веревки? — нахмурился Джонатан. — Зачем она?

Хевлок неопределенно пожал плечами:

— Для пассажиров, приятель. Для пассажиров.

Вскоре биплан уже под потрясающим углом ввинчивался в ясное небо, что доставляло несказанное удовольствие только его пилоту, но вызывало отчаяние в душах двух пассажиров. О'Коннелл сидел спиной к Хевлоку на месте воздушного стрелка, и чувствовал себя превосходно. Джонатану и Ардет-бею повезло меньше. Они были крепко-накрепко привязаны к нижним крыльям биплана веревками. Распростертые на полотне и вцепившиеся в ближайšie укосины, эти пассажиры наслаждения от полета не получали. Бесстрашный Ардет-бей впервые познал настоящий ужас. Правда, ему пришлось делить его пополам с Джонатаном, которому трусить было не впервой...

— С тобой все в порядке? — поинтересовался О'Коннелл, обращаясь к Джонатану.

Тот дико взглянул на Рика. Ветер уже успел исхлестать все его тело. Англичанин заорал что есть сил, стараясь перекричать шум мотора:

— Неужели я выгляжу так, что со мной может быть «все в порядке»?

О'Коннелл посмотрел на Ардет-бея: тот, не переставая, усердно молился на своем родном языке.

Из кабины летчика донесся оживленный голос Хевлока:

— О'Коннелл, старина, взгляни-ка налево.

Самолет накренился, чтобы пилоту было удобней рассмотреть необычное явление. По пустыне шел песчаный вихрь, причем так, словно следовал каким-то строго определенным маршрутом.

— Смерч! — объявил Хевлок.

Ветер, образовавший вихрь, теперь принялся раскачивать самолет. Джонатан начал красочно ругаться, а Ардет-бей так отчаянно молился, что его возгласы заглушали даже шум мотора.

— А разве это так необычно для этих мест? — спросил О'Коннелл пилота.

— Никогда раньше ничего подобного не видел! То есть не видел песчаных вихрей таких огромных размеров!

Слова Хевлока совсем не поправились О'Коннеллу. И уж, конечно, его не обрадовал вид этого «природного явления». Может быть, там, внизу, под ними, держала свой путь

неугомонная мумия? Только она могла путешествовать столь необычным сверхъестественным способом под прикрытием песчаной бури.

Вихрь начал стихать, и О'Коннелл уже не видел под собой ничего, кроме легкой дымки от летящего над пустыней песка.

— Спустись пониже! — попросил О'Коннелл Хевлока. — Мне нужно получше разглядеть это чудо.

— Хорошо!

Однако с высоты О'Коннелл не мог заметить, что вращение песчаного смерча замедляется, как у карусели, закончившей катать детишек. Не мог он увидеть и того, что из вихря грубо вытолкнуло на песчаную дюну, как на не слишком мягкую подушку, две человеческие фигуры.

Это были Эвелин и Бени. Они осторожно поднялись и принялись вытряхивать песок из волос.

— Что... что произошло? — спросила Эвелин, которая еще окончательно не пришла в себя после случившегося. Девушка отряхивала носок со своего черного платья.

Бени выковырял несколько крупных песчинок из уха:

— Я сам ничего не помню... Вдруг поднялась какая-то песчаная буря, что ли...

— Ты имеешь в виду вот это? — И Эвелин указала кивком головы в сторону.

У подножья дюны крутящийся столб песка начал сужаться, приобретая форму статуи...
...Имхотепа.

Бени ухватился за свои медальоны, свисающие с шеи на цепочках, и принялся молиться сразу на нескольких языках. Эвелин зачарованно смотрела туда, где песок не переставал меняться, переливаясь различными цветами. Наконец перед ними возник Тот, Чье Имя Не Называется: смуглый красивый мужчина. Кожа на его бритой голове блестела, глаза сияли. Он выглядел величественно и почти божественно. Развевающиеся черные одежды не скрывали его гладкую мускулистую грудь.

— Бог ты мой! — выдохнула Эвелин. Но она вовсе не имела в виду Имхотепа, направляющегося по краю дюны прямо к ней. Девушка успела заметить уже знакомый вулкан, который свидетельствовал о том, что они были у самого входа в долину Города Мертвых.

Она взглянула на Бени:

— Мы скова вернулись сюда.

Тот лишь неопределенно пожал плечами:

— У моего повелителя насчет вас определенные намерения, леди.

И в тот же момент самолет снизился, заявляя о своем присутствии громким рокотом мотора.

Эвелин взглянула на старенький самолет, и лицо ее просияло. Она знала, что там Рик. Это должен быть именно он!

Бени тоже понял это и злорадно ухмыльнулся, качая головой и бормоча:

— Неужели этот парень так и не понял, что не стоило ему сюда соваться?

Имхотеп воспринял появление в пустыне своих врагов гораздо серьезней, чем его слуга. Он нахмурился, и его красивое лицо исказила гримаса: нижняя челюсть снова отвалилась, раскрывая рот до невероятных, нечеловеческих размеров, и из горла вырвался пронзительный крик — нечто вроде боевого клича, который призывал на помощь мумии пески Сахары. В тот же миг песок встал стеной, и этот клубящийся щит стремительно

полетел вдогонку биплану.

Эвелин подбежала к Имхотепу. Тот стоял, как безумный, удовлетворенный собой злой гений, уперши руки в бедра. Мумия любовалась своим творением, на губах ее играла зловещая ухмылка.

— Нет! Ты же убьешь их! — воскликнула девушка. — Прекрати это!

Мумия не удостоила ее даже взглядом.

Тогда Эвелин повторила свою просьбу на древнеегипетском языке.

На этот раз Имхотеп посмотрел в ее сторону. Девушка стояла всего в нескольких футах от него. Она гордо вздернула подбородок, и ветер развевал подол ее платья и трепал волосы.

— В этом и есть смысл моего урока, — ответил Имхотеп на том же языке.

О'Коннелл успел стать свидетелем того, как ожила пустыня, встав на дыбы и обрушившись на самолет. Теперь все пассажиры маленького биплана надеялись на чудесное спасение. Хевлок отпустил дроссель, снижая скорость и направляя биплан в крутое пике.

— Держитесь крепче, парни! — крикнул он своим пассажирам.

Джонатан в ответ издал долгий пронзительный вопль, прерывая его лишь затем, чтобы набрать в легкие новую порцию воздуха.

Ардет-бей тоже вопил, но умудрялся еще и произносить какие-то слова, видимо, не прекращая молиться или ругаться.

Биплан понесло прямо на потухший вулкан Хамунаптры. Но в этот момент Хевлок начал поднимать самолет, причем так же круто, как до этого опускал его, а страшная стена из песка, казалось, врезалась в вулкан и осталась по ту сторону горы.

— Хевлок! — победно закричал О'Коннелл. — Ты первоклассный пилот! Тебе только что удалось перехитрить песчаную бурю!

— Это у меня получилось впервые, приятель! — ответил Хевлок, сам удивляясь своей ловкости.

Но, как вскоре выяснилось, песок продолжал наступать, После неудачи с вулканом он изменил форму. Как это ни казалось странным, сейчас песок перестраивался, и в его контурах проглядывались какие-то знакомые очертания.

Только теперь О'Коннелл понял, что смотрит на громадное лицо, вылепленное из облака песка. Это было лицо Имхотепа!

Тут О'Коннелл наконец осознал, что сидит на месте воздушного стрелка. Он развернул турель с закрепленным на ней пулеметом «Льюис» и открыл огонь по зловеще ухмыляющейся песчаной физиономии. Но пули проносились сквозь стену песка, не нанося ей вреда, а разинутая пасть огромного лица готова была поглотить хрупкий биплан. Небольшая закуска для гигантской утробы...

И это не заставило себя ждать.

— Прекрати! — на этот раз по-английски закричала Эвелин, увидев, как масса летящего по воздуху песка обволокла самолет, и повторила свой призыв на древнеегипетском.

Но Имхотеп, казалось, не слышал ее. Его лицо было сосредоточенно, лоб наморщен, а полуприкрытые глаза подняты в небо. Жрец делал руками какие-то непонятные пассы, словно дирижер, управляющий огромным оркестром.

Угодивший в бурю аэроплан, увлекаемый песком, по крутой спирали несся к земле. Рев мотора почти затерялся в воющем вихре. Но самым громким был вопль ужаса обоих привязанных к крыльям пассажиров. О'Коннелл, сгруппировавшись в ожидании неминуемого удара, вдруг расслышал еще один звук. Это торжествующе хохотал Хевлок.

— А вот и я, ребята! — в его крике слышалась почти маниакальная радость. — Займите для Уинстона Хевлока местечко у бара!

«Возможно, — подумал О'Коннелл, изо всех сил цепляясь за все, что подворачивалось под руки, — лететь с этим самоубийцей было не самым верным решением».

Нервно расхаживая по песку, Эвелин смотрела на бурю стену, перечеркнувшую небо. Девушка задыхалась от отчаяния. Где-то там, внутри этого огромного песчаного безумия, гибли близкие ей люди. Еще немного, и громадное сухое море поглотит их навсегда...

Эвелин обернулась к Имхотепу, чтобы излить на него очередную порцию проклятий, но передумала. Девушка увидела, насколько серьезен и сосредоточен Верховный жрец, и тут же поняла, что следует предпринять.

Она решительно подошла к смуглому красавцу и, не колеблясь, крепко обняла его. Она облизнула губы, томно прикрыла глаза и обратилась к нему по-древнеегипетски:

— Я ждала тебя все эти долгие тысячелетия, любовь моя. Почему ты так задержался?

И она жадно приникла к его губам.

Удивленно вытаращив глаза, Имхотеп сначала попытался отпрянуть, но потом взор его смягчился и удивление уступило место нежности. Теперь сам жрец слился с Эвелин в поцелуе.

В первый момент он и не догадался, что стена песка, лишенная его магического воздействия, отвесным потоком рухнула вниз, и ветер стих. Биплан, все еще крутясь вокруг своей оси, вынырнул в чистое небо. Через некоторое время, так и не выровнявшись, он рухнул где-то за дальними дюнами в долине Хамунаптры.

В воздух взлетел фонтан песка, вызванный на этот раз не волей Имхотепа, а силой, с которой самолет воткнулся в бархан. Звук падения биплана вырвал Имхотепа из овладевших им сладких грез. Он понял, что его обманули и отвлекли от очень важного дела. Эта стерва из двадцатого века смогла перехитрить его! Особенно Имхотепа разозлило то, что Эвелин, отстранив его, брезгливо плюнула на песок, давая понять жрецу, что отвергает и его самого, и его чувства.

Он взревел от ярости и с такой силой ударил девушку, что она упала. Но Эвелин не сдавалась. Она села на песок и, презрительно улыбаясь, вытирала кровь с уголка рта тыльной стороной ладони.

Хотя песок смягчил удар самолета при падении, все же биплан перевернулся, словно большой жук, неудачно приземлившийся на спину. Он проехал некоторое расстояние по песку, зарылся носом в дюну и окончательно остановился.

О'Коннелл вывалился из кабины стрелка, вытащил свой рюкзак с оружием и, обессилев, прислонился к борту самолета.

— Не покажусь ли я чересчур навязчивым, — тут же раздался занудливый голос Джонатана, — если попрошу вас помочь мне... если вас, конечно, это — черт побери! — не затруднит.

О'Коннелл посмотрел на Джонатана, который таращился на него из-под крыла, все так же привязанный к нему веревкой.

— Секундочку, Джонатан...

— Ах, секундочку!

— Я только проверю, как там Хевлок... Наш самолет торчит из песка очень неудачно. Он может опрокинуться и придавить переднюю кабину.

Когда Рик добрался до пилотской кабины, он нашел Уинстона Хевлока в весьма

плачевном положении. Пилот все еще опирался о штурвал, на его губах под моржовыми усами застыла торжествующая улыбка, но шея была сломана, очевидно, при падении.

Внимание О'Коннелла привлекло движение песка под самолетом, но это не было вызвано усилиями Имхотепа. Это природное явление представляло серьезную опасность, и Рик поспешил отвязать Джонатана от крыла. Ардет-бей умудрился самостоятельно добраться до своего меча и освободиться. Он догадался отстегнуть «Льюис» от турели, прихватил заодно и пулеметную ленту. Вскинув свою добычу на плечо, медджай поспешил убраться подальше от разбитого биплана. Помогая Джонатану, еще не избавившемуся от головокружения, О'Коннелл пошел за Ардет-беем.

Тут песок снова зашевелился и потек под их ногами. Дюна, в которую угодил самолет, начала проседать, и сам аэроплан стал медленно погружаться в песок.

Мужчины предусмотрительно отошли к скалам, где почва была более твердой. Оттуда им было хорошо видно, как биплан вместе со своим храбрым пилотом окончательно упокоился в глубокой песчаной могиле.

О'Коннелл тяжело вздохнул, отдал последнюю честь отважному летчику и задумчиво посмотрел на раскинувшиеся неподалеку руины.

Итак, Город Мертвых забрал к себе Уинстона Хевлока. И направляясь к Хамунаптре, оставшиеся прекрасно представляли себе, кто еще в самое ближайшее время может стать в ней вечным гостем.

Глава 20 «Слишком много мумий»

Под обжигающими лучами утреннего солнца развалины Хамунаптры напоминали в беспорядке разбросанные детские кубики. Разрозненные группы верблюдов все еще поджидали своих мертвых хозяев, пробавляясь высохшими колючками. Животные встретили О'Коннелла и его товарищей, подошедших к Городу Мертвых, взглядами, полными надежды.

Никаких следов похищенной Эвелин, чудовища Имхотепа и подхалима Бени не было.

Каким-то образом О'Коннелл чувствовал, что ожившая мумия опередила их и теперь находится глубоко под землей. Тот, Чье Имя Не Называется, уже готовился вернуть из Царства Мертвых свою возлюбленную, пожертвовав для этого жизнью невинной девушки.

Складывалось впечатление, что Рик и его спутники покинули территорию Хамунаптры всего несколько часов, а не дней, назад. У полусасыпанной песком статуи Анубиса в расщелину по-прежнему свисала веревка. Рик извлек из рюкзака предусмотрительно заготовленные факелы и отдал их Джонатану и Ардет-бею, который так и не расставался с тяжелым пулеметом.

Прежде чем спуститься в лабиринт, О'Коннелл, памятуя о наставлениях покойного хранителя музея, обошел развалины с компасом в руках: «Статуя Гора должна находиться в пятидесяти шагах на запад от статуи Анубиса». В тайнике под основанием статуи Гора и хранилась золотая Книга Амон-Ра, которая может отправить Имхотепа обратно в Царство Мертвых и спасти Эвелин.

— Ну, хорошо, — произнес наконец Рик, останавливаясь на вершине небольшой песчаной дюны. По всей видимости, под ней и скрывалась статуя Гора. — Теперь мы знаем направление, в котором нам нужно двигаться.

Воспользовавшись прежним путем, они спустились в зал для бальзамирования, который Джонатан окрестил «фабрикой по производству мумий». С компасом и факелом в руках О'Коннелл возглавил маленький отряд, постепенно углублявшийся в переплетение бесчисленных ходов лабиринта.

Ты сможешь разобраться в том, что написано в золотой книге? — спросил О'Коннелл Джонатана, пока группа двигалась по туннелю, освещенному оранжевым пламенем факелов. — Если, конечно, мы ее найдем. Боюсь, твоя сестра на этот раз не сможет нам помочь.

— Я тоже когда-то учился разбирать иероглифы, — строго заметил Джонатан.

— Ты на вопрос отвечаешь.

— Конечно... то есть возможно...

— Значит, ты читаешь на древнеегипетском.

— Да... достаточно, чтобы воспользоваться меню в ресторане и сделать заказ.

Ричард тяжело вздохнул и поморщился. Судьба горячо любимой им женщины зависела сейчас от знаний ее беспутного брата. О'Коннелл предпочел бы еще раз полететь с Уинстоном Хевлоком, чем довериться Джонатану. А может быть, они скоро и встретятся с Уинстоном...

Они оказались перед сплошной скальной стеной, в которой была вырублена узкая лестница, круто уходящая вниз. Казалось, она ведет в самый ад.

Как ни долог был их путь по ступенькам, они наконец достигли дна и теперь продвигались по ровному песчаному полу.

Прошло некоторое время, прежде чем О'Коннелл спохватился:

— А как выглядит этот самый Гор? У него что — голова льва, барана или, может быть, собаки?

— У него голова сокола, — пояснил Джонатан. — Симпатичный такой парнишка с большим клювом.

Оказалось, что Джонатан все-таки кое-что смыслит в египтологии, и это несколько успокоило О'Коннелла. Вскоре стало ясно, что Рик завел свою группу в тупик. Проход перекрывала беспорядочная груда камней.

— Придется пробиться через это препятствие, — решительно произнес Рик, освещая факелом завал. — Думаю, нам это по силам. Давайте начнем.

И они приступили к работе. Вернее, трудиться приходилось по двое, так как проход оказался узким. Когда очередь отдохнуть дошла до Джонатана, его внимание привлекли вкрапленные в стены блестящие фиолетовые камни, составлявшие изображение скарабея.

Посмотрев на них внимательнее, Джонатан убедился, что и каждому отдельному камню придана форма этого жука. Того самого проклятого насекомого, чьи окаменелые остатки обнаружила Эвелин в гробу Имхотепа. Как и злополучный Гад Хасан до него, Джонатан не понимал, что камни не представляют никакой ценности. Однако подмигивающий ему фиолетовый кварц распалил его воображение. Он напомнил Джонатану драгоценный камень, сверкавший в пупке одной из танцовщиц его любимого кабака.

Двумя пальцами Джонатан попробовал по очереди пошевелить каждый из кристаллов. Один из них поддался его усилиям и упал ему прямо в ладонь. Англичанин принялся внимательно разглядывать добычу. Внезапно камень на его ладони начал пульсировать и светиться изнутри. Джонатану даже показалось, что он уловил в его глубине какое-то движение.

— Эй, ребята! — окликнул он товарищей. — Передохните и посмотрите, какую замечательную штуку я нашел...

И тут камень-скарабей продемонстрировал Джонатану, насколько он замечательный. Он сам по себе раскололся, как орех, и из кварцевого кокона выбрался живой жук!

Вскрикнув, Джонатан попытался сбросить с ладони отвратительное насекомое, но на пол шлепнулась только каменная скорлупа, а скарабей уже успел вгрызться англичанину в руку.

— Господи, помогите мне! — завопил Джонатан, приплясывая от боли.

Позабыв про лежащую пород ним груду камней, О'Коннелл резко обернулся. Американец сразу же узнал эту безумную «тарантеллу». Точно так же прыгал и извивался покойный начальник каирской тюрьмы. Джонатан сорвал с себя куртку и принялся ногтями царапать себе руку.

— Держи его! — скомандовал О'Коннелл медджаю. Ардет-бей крепко схватил Джонатана сзади поперек туловища.

Инстинктивно О'Коннелл оторвал рукав от рубашки англичанина. Под кожей несчастного быстро вверх по бицепсу, словно конечной целью создания была шея, перемещался бугорок.

— Скарабей! — кричал Джонатан. — Жук!

Если бы Джонатан не был вне себя от боли, он наверняка грохнулся бы в обморок, когда О'Коннелла выхватил нож и его лезвие блеснуло перед выпученными глазами англичанина.

Если до этого крики Джонатана эхом разносились по подземелью, то сейчас его вопль,

казалось, мог обрушить им на головы каменные своды. О'Коннелл остановил движение жука, плотно прижав лезвие ножа к коже.

Развернув клинок, он сделал длинный надрез, выковырнул отвратительное насекомое наружу и стряхнул его на песчаный пол. Из пореза хлынула кровь.

Упрямый жук, так и не утоливший голода, вновь поспешил к Джонатану, с явным намерением вгрызться в его ботинок. О'Коннелл имел на этот счет собственное мнение. Он выхватил из кобуры револьвер и послал в насекомое пулю, размером не уступающую жуку. Отвратительная гадина разлетелась в клочки.

Когда пуля ударилась в непосредственной близости от ноги Джонатана, он снова попытался издать вопль, но оказался способен лишь на негромкие всхлипывания. Постанывая, англичанин медленно осел на песчаный пол. Ардет-бей с помощью оторванного рукава перевязал рану.

— Рана неопасная, — успокоил О'Коннелл, успевший осмотреть повреждение. — Поверхностная.

У Джонатана, как у обиженного и перепуганного мальчика, задрожали губы:

— А болит... не как поверхностная! — пожаловался он.

— И с этого момента, — предупредил Рик, — ради всего святого, не прикасайся ни к чему! Ни к единому предмету. Как говорится, товар руками потрогать!

Джонатан сглотнул и кивнул. Потом тихонько обратился к Риду:

— О'Коннелл...

— Да?

— Мои... э-э-э... будущие дети и я благодарим тебя.

— Нам бы дожить до конца этого дня. Ты пока отдыхай, а мы поработаем.

Джонатан снова кивнул и, тяжело дыша, прислонился к стене.

О'Коннелл и Ардет-бей обменялись многозначительными взглядами. Обоим было ясно, что это происшествие — лишь первое звено в цепи ожидающих их бедствий и испытаний.

Американец и воин пустыни вернулись к завалу.

* * *

Пока маленькая команда О'Коннелла спускалась в зал для бальзамирования возле статуи Анубиса, Эвелин Карнахэн была уже глубоко под землей. Девушка шла второй в процессии из трех человек. Они двигались по некрополю, где когда-то, около трех тысяч лет назад, встретили свой конец Имхотеп и Анк-су-намун.

Девушка держалась довольно спокойно. Она уверила себя в том, что Имхотеп считает ее реинкарнацией своей утерянной возлюбленной. Эвелин уже готовила речь на древнеегипетском, которую она произнесет в подходящий момент. Когда жрец закончит со своими фокусами-покусами, или что там еще требовалось по ритуалу, она притворится вернувшейся к жизни Анк-су-намун. И ей останется только наблюдать и ждать удобного момента для бегства.

Первым с факелом в одной руке торжественно выступал Имхотеп. В другой руке он держал массивную с медными петлями обсидиановую Книгу Мертвых. Вскоре путь привел

их к каменному мостику, переброшенному через ров с пузырящейся черной субстанцией. По краям рва ползали огромные волосатые крысы. Воздухе наполняло непередаваемое зловоние. При звуке шагов процессии крысы разбежались и попрятались. Только пара гнусных тварей не смутилась при появлении непрошенных гостей. Животные были увлечены пожиранием останков своей более мелкой товарки.

— Вот что случается с мелкими паразитами, — презрительно бросила Эвелин в адрес Бени, который шел сзади, держа девушку под прицелом револьвера.

Бени только захихикал в ответ. Но когда он бросил взгляд туда, куда смотрела Эвелин, и увидел пирующих каннибалов, его лицо побледнело.

— Ты ведь гордишься своим знанием многих религий, так ведь, Бени?

Они пересекали каменный мостик.

— Топай вперед! — процедил Бени, толкая девушку в спину стволом револьвера.

— Значит, как я полагаю, тебе известно буддистское понятие кармы. Такие, как ты, всегда расплачиваются, Бени. Всегда.

— Разумеется, — снова хихикнул Бени. — Ты это серьезно?

Вскоре они дошли до помещения, формой напоминающего амфитеатр. Его пол был отполирован, как в храме. Лестница, вырубленная в скале, заканчивалась именно там. Имхотеп прошел вперед, зажигая от факела многочисленные древние светильники, вделанные в стены. Хотя утварь и резные барельефы покрывала густая паутина, осветившийся зал поражал своим великолепием. Тут и там возвышались статуи Анубиса. Многочисленные изображения других богов стояли в нишах и на полках. Посредине зала располагался массивный алтарь из темного камня. Он был искусно изукрашен крылатыми скарабеями, головами кобр и рогами баранов. Как истинная дочь археолога Говарда Карнахэна, Эвелин не могла не восхититься этой мрачной красотой.

Однако в ее положении заложницы ожившей мумии вид жертвенного алтаря не пробуждал у девушки приятных мыслей.

Именно в этот момент эхо выстрела О'Коннелла, разделавшегося с жуком, достигло ушей Имхотепа, его гости и его слуги.

Верховный жрец нахмурился, а Эвелин просветлела лицом. Она понимала, что О'Коннелл, а значит и спасение, близки. Мужчина, которого она любила, и ее дорогой брат не погибли при крушении самолета, они живы. Теперь она знала это наверняка.

Холодные красивые черты лица Имхотепа исказила ярость.

На поверхности алтаря Эвелин разглядела осколки сосуда. Судя по иероглифам, которые ей удалось разобрать, в нем хранился какой-то жизненно важный орган. Возможно то, что осталось от сердца Анк-су-намун.

Имхотеп высыпал истлевшие останки на ладонь (это действительно оказалось сердце) и уставился на них с каким-то мрачным обожанием. Потом он крепко сжал кулак, и все превратилось в пыль.

Эвелин содрогнулась. Бени за ее спиной злорадно ухмыльнулся. Так сорванцы-подростки издеваются над чересчур впечатлительными школьницами.

Имхотеп зашагал по залу, остановился, раскрыл Книгу Мертвых и начал торжественно читать заклинания, высеченные на ее обсидиановых страницах. Потом раскрыл ладонь и сдул с нее пыль, в которую превратилось сердце Анк-су-намун. Легкое облачко окутало противоположную стену.

Древняя каменная кладка ожила, как будто за ней кто-то зашевелился.

Настала очередь Бени икнуть и задрожать от страха. Эвелин не упустила бы возможности поиздеваться над Бени, если бы сама не испытывала похожих чувств.

Кладка кое-где осыпалась, и в зале очутились две ожившие мумии. Ничего величественного, как в Имхотепе, в них не было. Обычные, иссохшие, обмотанные бинтами бранные человеческие останки.

Они неуклюже приблизились к Имхотепу (в конце концов, разгуливать им приходилось не часто), неловко поклонились ему и замерли в почтительных позах. Верховный жрец обратился к ним на древнем языке.

— Боже мой! — прошептала Эвелин сама себе, — Это же его жрецы. Его давным-давно умершие слуги.

Бени все сжимал в одной руке револьвер, а другой судорожно перебирал висящие у него на груди религиозные символы и беззвучно взывал ко всем богам подряд.

Выслушав наставления, мумии уже более уверенно скрылись в одном из боковых проходов.

Эвелин сникла: она поняла, что Имхотеп отправил своих прислужников расправиться с О'Коннеллом, ее братом и предводителем медджаев.

С лицом, исполненным удовлетворения, Имхотеп важно приблизился к алтарю. Из широких складок одежды он раз за разом, как фокусник, извлекал похищенные американцами погребальные сосуды. Выставив их в ряд на поверхности алтаря, Имхотеп заговорил, но не по-древнеегипетски, а на иврите.

Эвелин сначала удивилась, но потом сообразила, что Имхотеп, видимо, не хочет, чтобы она поняла, о чем идет речь. А иврит — язык рабов — был известен и жрецу, и Бени.

— Что он говорит? — требовательно обратилась Эвелин к венгру.

— А, значит, теперь тебе нужно, чтобы Бени переводил? Хорошо, я скажу: принцу Имхотепу приятно, что он завладел твоим сердцем.

— Хм! — пренебрежительно передернула плечами Эвелин. — Ему не стоит так обольщаться. Может быть, оно давно уже принадлежит другому.

Продолжая переставлять по поверхности алтаря драгоценные сосуды, Имхотеп снова заговорил на иврите.

Бени выслушал и, улыбнувшись, обратился к Эвелин:

— Это тебе не следует питать иллюзий. Ведь кроме сердца моему господину понадобятся также твой мозг, печень, почки и... как они там называются... ну, такие длинные и скользкие, что у тебя в животике.

Эвелин похолодела от ужаса. До нее дошло, что Имхотеп вовсе не считает ее перевоплощением своей возлюбленной. Она для него — всего лишь набор органов, необходимых для воскрешения. Но она нашла в себе силы ответить Бени:

— Это называется кишками, недоумок.

— Да! Они ему тоже нужны. Короче, ему нужна ты вся. Оптом, так сказать.

Высокомерно вздернув подбородок, Эвелин обратилась к Имхотепу на его родном языке:

— Значит, тебя интересует только мое тело? Все вы, мужчины, одинаковые.

Имхотеп подошел к Эвелин и, продемонстрировав, что значит по-настоящему высокомерный вид, небрежно смерил ее взглядом. Тыльной стороной ладони он ударил ее по лицу с такой силой, что она без чувств упала на пол.

Пораженный такой вспышкой ярости, Бени отступил назад, заискивающе глядя на

хозяйина. Тот на иврите приказал венгру уложить девушку на алтарь. Бени, напрягая свою хилую спину, взгромоздил обмякшее тело Эвелин на каменную плиту. Он даже постарался придать ей подобающий вид, одернув платье. Правда, Бени не удержался и несколько раз нескромно дотронулся до ее соблазнительного тела.

Но Эвелин была без сознания и ничего не почувствовала. Не видела она и как Имхотеп вышел в соседний зал-усыпальницу, чтобы отыскать последний элемент, необходимый для проведения древнего обряда.

Однако Верховному жрецу помешали звуки выстрелов, эхом разносившиеся под каменными сводами.

Нахмурившись, он быстро возвратился к алтарю. Сунув руку в один из сосудов, он наполнил ладонь тем, что оставалось от печени его возлюбленной. Поспешно прочитав несколько строк из Книги Мертвых, покоившейся в ногах Эвелин, Имхотеп сдул получившуюся пыль в один из боковых коридоров.

Затем его голос загремел на древнеегипетском:

— Убейте их! Уничтожьте их всех! И повелеваю вам принести мне Книгу Амон-Ра.

Он снова стремительно исчез в соседней усыпальнице, оставив Бени наедине с бесчувственной Эвелин.

Венгр, встревоженный нарастающей яростью Имхотепа и пораженный зрелищем постоянно появляющихся и оживающих мумий, решил воспользоваться моментом. Последовав примеру крыс, он юркнул куда-то в сторону и скрылся в темноте.

* * *

О'Коннелл и его товарищи справились наконец с каменным завалом. Они проникли в коридор и вскоре оказались возле трещины в стене. Узкой, но вполне достаточной, чтобы в нее мог протиснуться человек. Направив в нее факел, Рик увидел, как внутри что-то заблестело.

Сверившись со стрелкой компаса, О'Коннелл обернулся к своим спутникам. Заросший щетиной Ардет-бей и выбившийся из сил Джонатан уставились на него.

— Этот туннель, — «обрадовал» Рик партнеров, — уводит нас в сторону от нужного направления. Я думаю, что где-то по соседству расположен зал, который вернет нас на правильный путь.

Ардет-бей, с легкостью тащивший свой пулемет, кивнул, давая понять, что полностью согласен с такой стратегией. О'Коннелл передал ему свой факел и рюкзак, после чего начал пролезать в трещину.

Он оказался на краю выступа и спрыгнул с него на пол большого зала. О'Коннелл стоял почти в полной темноте. Свет проникал сюда через крохотное отверстие в потолке. Тоненький луч падал на стену, рядом с каким-то овальным предметом. Прищурившись, О'Коннелл задумался: «Неужели это и есть то, на что я рассчитывал?»

Он достал револьвер и, прицелившись, выстрелил вверх. Пуля зацепила основание того, что, как он и полагал, оказалось одним из зеркальных дисков. От выстрела зеркало сдвинулось и попало в луч света. Тот многократно отразился в других зеркалах, приводя в

действие древнюю систему освещения, и в зал словно ворвался день.

Кроме зеркал, свет отражал и золотые поверхности, которых здесь оказалось великое множество. Повсюду стояли драгоценные статуи, лежали горы украшений, древняя мебель черного дерева была инкрустирована слоновой костью. Взгляду О'Коннелла открылись несметные, невообразимые сокровища, о которых человек не мог даже и мечтать.

Через несколько секунд Ардет-бей сбросил Рикку его рюкзак и спустился в зал. За ним последовал и брат Эвелин. Как только мужчины оказались в зале, они застыли на месте, широко раскрыв рты от изумления.

— Богатства Сети, — только и смог вымолвить медджай.

— Ей-богу, тут, наверное, в одном зале, собраны все сокровища Египта, — подхватил Джонатан. — Это целое состояние!.. Но чем тут пахнет, хотелось бы мне знать?

Трое мужчин, стараясь не обращать внимания на сверкающие сокровища, внимательно осматривали зал. Они обнаружили несколько туннелей, уходящих в темноту. Один из них служил входом для пары иссохших мумий, завернутых в истлевшие бинты. Казалось, живые мертвецы были недовольны вторжением посторонних. Вытянув перед собой руки, они двинулись к пришельцам.

— Позвольте высказать предположение, — начал О'Коннелл, доставая из рюкзака штурцер, — что перед нами настоящие мумии.

— Это бывшие жрецы Имхотепа, — пояснил Ардет-бей. — Он оживил их, и теперь они будут творить его ужасную волю.

— Что «ужасную» — это точно, — согласился О'Коннелл и выстрелил. Из дула штурцера вырвались дым и пламя. Верхняя часть мумии, наступавшей справа, отлетела в сторону. Рик передернул затвор, из которого вылетела использованная гильза, и выстрелил снова, точно так же разделавшись со второй мумией. В воздухе распространился едкий неприятный запах.

Когда грохот выстрелов утих, а пороховой дым рассеялся, О'Коннелл стал свидетелем самого странного зрелища в своей жизни. Нижние части обеих мумий сохранили подвижность и продолжали наступать на дерзких пришельцев.

Поверженные торсы тоже пришли в движение и, цепляясь костлявыми пальцами за пол, поползли к мужчинам. Те в ужасе отступали.

— К черту их всех! — воскликнул О'Коннелл, безостановочно перезаряжая штурцер и стреляя. Пули быстро превратили живых мертвецов в кучи трухи. Некоторые их фрагменты, например пальцы, все еще шевелились, и О'Коннелл прошелся по залу, давя их сапогами, как отвратительных насекомых.

Джонатан добрался до золотого трона и вскарабкался на него:

— Да, такое не каждый день увидишь, — вынужден был признаться он себе.

Вдруг под их ногами зашевелился песок, покрывавший пол. Проламывая каменные плиты, откуда-то снизу просунулась костлявая рука.

— И такое тоже, — подтвердил О'Коннелл, перезаряжая штурцер.

Пока они обменивались репликами, из-под земли вылезли еще две мумии, скаля зубы в жуткой усмешке, с истлевших тел сваливались бинты, зловоние наполняло зал, а выходцы с того света наступали на путешественников.

Выпучив глаза, сидящий на троне Джонатан поинтересовался:

— Никто не догадался прихватить с собой мешок с кошками?

Ужасные твари повалили отовсюду: они выбирались из-под пола, вылезали из стен и даже из сваленных в груды драгоценностей. Отвратительные оскаленные зубы и цепкие

когтистые пальцы угрожали растерянным людям. Единственное, что спасало О'Коннелла и его товарищей, так это медлительность, с которой двигались твари.

Прижавшись к стене, Рик обратился к Ардет-бею:

— Предлагаю как следует поздравить этих уродов с прибытием в двадцатый век.

О'Коннелл помог медджаю заправить в «Льюис» ленту и объяснил, как управляться с пулеметом. Через несколько мгновений оба открыли по ожившим мумиям ураганный огонь, превращая их в пыль.

Джонатан, словно ковбой с Дикого Запада, стоял на троне с револьверами в руках. Он аккуратно дырявил наступавшим черепа и коленные чашечки.

Но мумии не прерывали атаки, так как их количество не сокращалось: они прибывали отовсюду. Наконец приятели не выдержали натиска и, не выпуская оружия, бросились прочь из зала.

— Уходим! Уходим! — командовал О'Коннелл.

Они не заметили, как из другого коридора в зал проник Бени. Венгр увидел перед собой помещение, заваленное кусками мумий, некоторые из которых еще шевелились. Но Бени тут же забыл о каком-либо отвращении, когда он увидел неисчислимы сокровища фараонов.

Радостно расхохотавшись, Бени спиной обрушился на кучи золотых изделий и драгоценных камней. Вне себя от восторга, он принялся перекатываться с боку на бок, купаясь во всей этой роскоши.

Команда О'Коннелла в это время продолжала петлять по лабиринту. Погони за ними не было, но им приходилось то и дело расстреливать попадавшие навстречу мумии.

— У меня кончились патроны! — крикнул Ардет-бей, и его смертоносный «Льюис» замолчал.

У Рика не было времени сверяться с показаниями компаса. Главной задачей группы оставалось избегать встреч с ожившими мертвецами. Так путешественники и кружили по коридорам до тех пор, пока не очутились в небольшом зале. Посреди него возвышалась статуя с головой сокола. Бог Гор молчаливо озирали свои мрачные покои.

— Старина Гор! — воскликнул Джонатан, дружески улыбаясь статуе. — Наконец-то! Привет!

— Нас загнали в тупик, — сказал О'Коннелл.

Из бокового прохода наступали мумии. Трудно было даже представить, какое множество их тут собралось.

Рик полез в рюкзак и извлек оттуда динамитную шашку.

— Это опасно, — предупредил он. — Мы можем сами оказаться под завалом, но другого выхода у нас нет. — С этими словами он чиркнул спичкой о щетинистую щеку Ардет-бея. Медджай поморщился, но ничего не сказал.

О'Коннелл поджег бикфордов шнур динамитной шашки и с криком: «Ложись!» метнул ее в боковой проход. Ардет-бей и Джонатан распластались на полу.

Когда грохот взрыва затих и пыль рассеялась, путешественники, поднявшись на ноги, принялись отряхиваться. Их глазам предстало замечательное зрелище. Коридор, откуда наступали бесконечные ряды мумий, был надежно запечатан каменными обломками.

— Ну, если от этих мерзавцев и осталось хоть что-нибудь, — сказал Ричард, — пусть попробуют прорыться сюда.

— Прощу тебя, Рик, — взмолился Джонатан. — Не надо давать нашим оппонентам никаких подсказок.

Самим им еще было куда отступать. За статуей Гора Рик обнаружил туннель и осветил в него факелом.

— Джонатан, встань сюда и смотри в оба, — распорядился О'Коннелл. — Если появится хоть одна забинтованная тварь, немедленно дай нам знать.

— Хорошо.

Проинструктировав Джонатана, Рик повернулся к Ардет-бею:

— А нам с тобой предстоит найти и попытаться открыть тайник. — Он указал на основание статуи. — Там должна храниться золотая книга...

Сейчас О'Коннелл почему-то не вспомнил о судьбе, постигшей копателей, которые потревожили аналогичный тайник в основании статуи Анубиса. Те погибли, попав под струю концентрированной кислоты.

Итак, решив, что кроме очередных появлений мумий им ничего не грозит, О'Коннелл смело направился к основанию статуи Гора. Очень скоро они с Ардет-беем обнаружили швы в плитах цоколя. При помощи ломиков, извлеченных из рюкзака Рика, мужчины принялись расшатывать блок, скрывающий тайник.

Глава 21 «Невеста мумии»

Эвелин вздрогнула и очнулась, словно пробудившись от кошмара. Правда, она тут же осознала, что реальность, в которую она вернулась, куда хуже любого страшного сна, который только могло породить ее подсознание. Девушка поняла, что лежит на поверхности жертвенного алтаря в огромном зале. Мало того, она была надежно прикована древними цепями к каменной плите за руки, закинута за голову, и лодыжки.

Эвелин всегда считала себя сильной женщиной. Возможно, не физически, а морально. Она гордилась тем, что ставила интеллект над эмоциями. Уставившись в высокий потолок пещеры, она утешала себя тем, что Рик где-то рядом. Мысль о том, что спасение не за горами, подкрепляла ее душевные силы. Она была уверена в мужчине, которого успела по-настоящему полюбить. Она уже убедилась в его находчивости и смелости. Он уже не раз справлялся с темными силами, объявившими им войну, значит, победит и на этот раз. Даже сейчас, когда Имхотеп оживил своих древних жрецов, Эвелин верила в то, что Рик сумеет одолеть и их тоже. Впрочем, кроме этой веры, у нее не оставалось ничего.

Она твердо решила не показывать Имхотепу своего ужаса. Она не доставит ему такого удовольствия. Нет, она не поддастся своим страхам.

Однако когда девушка повернула голову влево и увидела рядом с собой сгнившее лицо трупа, она завизжала от ужаса.

Когда крик смолк и разум снова восторжествовал, Эвелин обратила внимание на остатки прически мумии, а также на клочья от женской одежды, и безошибочно определила, что ее «соседкой» оказалась сама Анк-су-намун!

Эвелин отвернулась, не в силах больше любоваться на серое, словно усмехающееся, лицо любовницы Сети, и принялась выворачивать руки и ноги, стараясь избавиться от железных оков. Она втайне надеялась, что от времени металл потерял свою пластичность и мог раскрошиться при определенной нагрузке. Вскоре она поняла, что все ее попытки ни к чему не приведут. Она услышала, как где-то вдалеке кто-то читает нараспев то ли молитвы, то ли заклинания. Видимо, это был какой-то древний диалект, и Эвелин не могла разобрать смысл слов.

Вскоре невнятное пение усилилось, но понятней от этого не стало, и девушка увидела, как в зал вошли несколько оживших мумий — бывших жрецов Имхотепа. Свет факелов озарял их оранжевым сиянием, и все эти твари, ковыляя и прихрамывая, направлялись к алтарю!

Они встали вокруг каменной плиты, неловко покачиваясь из стороны в сторону. Видимо, от долгого пребывания в мертвом состоянии они совершенно разучились не только передвигаться, но и спокойно стоять на одном месте. До девушки дошло, что пели эти создания вовсе не на незнакомом ей диалекте. Просто их языки давно сгнили, а потому они и издавали звуки, с трудом напоминавшие человеческие слова и фразы. Но они очень старались выполнить свою миссию, и это несмотря на то, что у некоторых отсутствовали даже нижние челюсти!

Эвелин улыбнулась, а потом и вовсе рассмеялась. Все происходящее показалось ей забавным. В действительности все это было настолько ужасным, невероятным и фантастическим, буквально граничащим с безумием, что Эвелин принялась истерично хохотать. И только случайно повернув голову и снова увидев словно отраженное в кривом

зеркале, искаженное тысячелетиями, лицо трупа, мисс Карнахэн вернулась в реальность. Но все это происходило на самом деле. Какой бы невероятной ни казалась ей эта дальность, она существовала, и Эвелин играла в этом действе главную роль.

Итак, рядом с ней лежала мумия Анк-су-намун. С другой стороны, вдоль тела Эвелин кто-то уже аккуратно расставил погребальные сосуды — их было пять, включая и расколотый.

Наконец раскачивающиеся мумии расступились, давая проход Имхотепу, выглядевшему сейчас особенно торжественно в своих черных одеждах. В одной руке он держал Книгу Мертвых, как будто она ничего не весила. Верховный жрец протянул другую руку к алтарю, и Эвелин сжалась... но тут выяснилось, что он пожелал только погладить провалившуюся щеку своей покойной возлюбленной.

Имхотеп начал читать Книгу Мертвых. Эвелин не могла видеть, какие жуткие изменения происходят вокруг от того, что он произносит эти заклинания. Но она хорошо слышала, как неподалеку забурлила какая-то жидкость. Эвелин не могла бы и догадаться, что то зловонное болото, окружавшее зал по периметру и представляющее собой нечто вроде рва, начало булькать, пениться, и с его поверхности уже стали подниматься испарения, как всегда бывает при кипении.

Не видела Эвелин и того, как некоторое количество черной слизи, словно ожив, вытекло из болота, пронеслось по полу зала, заскользило между костлявых ног хора мумий, миновало сандалии самого Имхотепа, пока тот все так же читал Книгу Мертвых, и приблизилось к алтарю.

Зато мисс Карнахэн, онемев от ужаса и широко раскрыв глаза, могла во всех подробностях наблюдать за тем, как эта мерзкая слизь поднялась по сосудам, стоявшим тут же, на алтаре, заполнила их и снова выплеснулась наружу.

Не зная, плакать ей или смеяться, Эвелин продолжала неподвижно лежать на своем месте. А слизь, булькая и пузырясь, аккуратно перетекла через ее тело, как будто мисс Карнахэн представляла собой песок на пляже во время прилива. Черная густая субстанция, не оставляя после себя и следа, преодолела все изгибы тела девушки, а потом обволокла серую оболочку мумии, и та стала похожа на блестящую статую черного дерева... В следующий миг иссохший труп Анк-су-намун как будто всосал в себя эту слизь, а может быть, она сама проникла в тело через глазницы, рот, промежутки между ребрами, причем вся сразу, до последней капли.

Рот Анк-су-намун внезапно раскрылся, словно мумия хотела набрать в себя побольше воздуха.

Мисс Карнахэн почти одновременно со своей соседкой тоже раскрыла рот, и из ее горла вылетел такой леденящий душу вопль отчаяния, что сам Имхотеп от неожиданности отпрянул в сторону, забыв о своих заклинаниях.

Даже мумия Анк-су-намун, постепенно возвращавшаяся к жизни, повернула голову и воззрилась пустыми глазницами на Эвелин, отчаянно сражавшуюся с оковами. Несчастливая девушка пыталась сделать все возможное, чтобы спастись и сбежать с алтаря. Имхотеп приблизился к ней, держа в руках жертвенный нож с широкой рукоятью и больше напоминающий меч. Он поднял его, целясь в самое сердце Эвелин, готовый в любой момент опустить смертоносное оружие.

— Ты умрешь, — торжественно произнес Имхотеп на древнем языке, и Эвелин с ужасом внимала каждому сказанному им слову, — но Анк-су-намун будет жить... И вместе с

ней мы станем непобедимыми, и принесем смерть и разрушения в этот обреченный мир!

Эвелин взглянула на острое лезвие, которое, поймав луч света, весело подмигнуло ей. Как будто в этой жуткой сцене можно было найти что-то забавное и достойное шутки!

* * *

За несколько минут до этого, в маленьком зале, где царствовала статуя бога Гора, изо всех сил трудились О'Коннелл и Ардет-бей. Мужчины присели на корточки и методично расшатывали плиту, скрывавшую тайник. Наконец она ослабла. Оставалось только поддеть ее ломиками...

— Отлично, — констатировал О'Коннелл, вытирая пот со лба. Он решил немного передохнуть перед завершением важного дела. — Итак, на счет «три» ждем как можно сильней, и тогда, я уверен, эта чертова плита выскочит сама по себе.

Ардет-бей, переводя дух, согласно кивнул.

— Раз, — начал командовать О'Коннелл. — Два...

— А у нас снова гости! — в тот же миг воскликнул Джонатан.

О'Коннелл и медджай бросились к выходу из зала. Там, по узкому коридору, к ним приближалась целая колонна иссохших мумий. Они шли, спотыкаясь и пошатываясь, но в этой походке чувствовалась уверенность и непоколебимость. Ардет-бей схватил шпугер, выгреб из рюкзака пригоршню патронов к нему и заявил:

— Заканчивайте без меня! Но только обязательно добудьте эту книгу!

О'Коннелл вернулся к статуе. Теперь его напарником стал Джонатан. Мужчины вставили ломик в пазы и надавили. Тут же в коридоре послышались рокошующие выстрелы. Джонатан побледнел от страха и посмотрел в сторону прохода, туда, где Ардет-бей в одиночку отбивался от целой орды наступающих мумий.

— Продолжай в том же духе! — подбодрил медджая О'Коннелл. — Мы почти у цели! Ну-ка, приятель, — обратился он к Джонатану, — действуем на счет «три». Раз... два... вот дерьмо!

О'Коннелл в ужасе смотрел, как его схватила за лодыжку высунувшаяся из-под земли костлявая рука.

Джонатан, отступая, перехватил ломик так, чтобы использовать его вместо оружия.

— Боже мой! — испуганно произнес он. — Да они снова заполонили тут все вокруг!

Из пола, словно жуткие цветы, вылезали руки мумий со скрюченными пальцами, и вскоре бывшие жрецы полностью выбрались из песка.

О'Коннелл, размахнувшись ломиком, как дубиной, пробил в груди одной из мумий здоровенную дыру. Но живой мертвец, как ни в чем небывало, сам так пихнул Рика, что тот кубарем покатился по полу. Ричард поднялся на ноги, но мумия преградила ему путь к статуе. О'Коннелл увидел, как в том же направлении движется еще один живой мертвец. Казалось, выходцы с того света действуют сообразно единому плану. Только тут до американца дошло, что это Имхотеп прислал сюда своих слуг, чтобы не только расправиться с дерзкими, но и добыть для него книгу Амон-Ра.

Еще одно дьявольское создание ухватило Джонатана за горло, оторвало его от пола и

встряхнуло. Мумия старалась оттащить упирающегося англичанина подальше от тайника.

Третья мумия, запустив пальцы в щели плиты, одним рывком вскрыла тайник. Из отверстий тут же брызнула кислота, окатив и этого мертвеца, и того, который мешал О'Коннеллу. Обе мумии зашипели, как сосиски на сковородке. Капли кислоты долетели даже до спины монстра, душившего Джонатана. Все три мумии, топчась на месте, стали разваливаться прямо на глазах. Их остовы осели на пол и превратились в лужицы отвратительной жижи.

Из трех мумий только одна, та, что душила Джонатана, пострадала меньше других. Она ползком передвигалась по полу, пока не скрылась в той же норе, из которой недавно выбралась. Правда, по пути мумия успела прихватить рюкзак О'Коннелла. От всего богатого арсенала Рика осталась единственная динамитная шашка, случайно выкатившаяся из открытого рюкзака.

— Проклятье! — выругался О'Коннелл и сплюнул.

Из коридора, где сражался Ардет-бей, по-прежнему доносился грохот штуцера. Правда, Рик знал, что у меджая скоро кончатся патроны. О'Коннелл бросился к основанию статуи и, остановившись у открытого тайника, позвал Джонатана. Тот растирал ладонями помятое горло и дышал, как после марафонской дистанции.

Опустившись на колени, мужчины объединенными усилиями вытащили из тайника резной деревянный ларец, украшенный разноцветными иероглифами.

— Нас не поджидает здесь еще один сюрприз? — широко раскрыв глаза, заволновался Джонатан.

В коридоре раздался очередной выстрел.

— Возможно, — отозвался О'Коннелл. — Но на сомнения уже нет времени.

Пользуясь ломиком как рычагом, Рик взломал герметичную заливку крышки, и ларец распахнулся.

Внутри оказался большой предмет, тщательно завернутый в холстину. О'Коннелл и Джонатан обменялись торжествующими взглядами. Снова прозвучал выстрел штуцера. Рик вытащил предмет из холщового чехла, и глазам обоих мужчин открылся золотой аналог Книги Мертвых.

— Это та самая Книга Амон-Ра! — восхищенно выдохнул Джонатан.

— Черт! Да она тяжелей, чем телефонный справочник Чикаго! — пожаловался О'Коннелл, взвешивая книгу на руках.

— Спасайте девушку! — донесся из коридора отчаянный крик Ардет-бея. — Уничтожьте чудовище!

О'Коннелл и Джонатан рванулись прочь из зала к туннелю, где Ардет-бей сдерживал натиск мумий. Патроны у меджая давно закончились, и он действовал штуцером на манер бейсбольной биты. Но заплесневелые чудовища сбили его с ног и попытались проникнуть в зал Гора.

Рик запалил последнюю драгоценную динамитную шашку, примерился и швырнул ее к дальней стене.

— Больше ничего нет! — констатировал он, прижимая Джонатана к полу. — Понадеемся, что нам повезет.

Раздался оглушительный взрыв. Через пелену дыма и пыли О'Коннелл разглядел, что на месте стены маняще зияет вход в туннель. Пока мумии, неуклюже спотыкаясь, пробирались в зал Гора, О'Коннелл и Джонатан уже бежали по туннелю. Они прекрасно сознавали, что

единственное их преимущество перед чудовищами — это скорость.

Рик и Джонатан мчались наугад, минуя один коридор за другим. Так бы они и бегали кругами, если бы О'Коннелл на одном из поворотов не уловил какой-то странный звук, напоминающий приглушенное пение. Рик остановился возле арки, в которую уходил туннель. Заглянувшему за угол сооружения О'Коннеллу открылось такое зрелище, что мозг отказывался его воспринимать...

У основания вырубленной в скале лестницы открывался огромный амфитеатр, ярко освещенный пылающими факелами. Посредине, окруженный статуями и изображениями древних богов, высился алтарь с прикованной к нему Эвелин. Вокруг него, неуклюже раскачиваясь, стоял целый хор иссохших мумий. По одну сторону девушки на крышке алтаря были расставлены сверкающие сосуды, а по другую покоились чьи-то останки. О'Коннелл! готов был побиться об заклад, что они принадлежат Анк-су-намун.

Держа в одной руке жертвенный кинжал, к Эвелин приближался Тот, Чье Имя Не Называется, — сама восстановившаяся мумия, Имхотеп.

Джонатан, увидев все это, раскрыл рот от удивления.

— Моя бедная сестренка, — чуть не плача, выдавил он,

— Подбери челюсть, — вернул его к действительности О'Коннелл, вглядываясь в уходящий куда-то вниз смежный коридор. — Попытайся привлечь к себе их внимание, а я попробую подобраться к ним с тыла.

* * *

Эвелин продолжала дергаться в оковах, не желая смириться с поражением. Она не стала закрывать глаза. Наоборот, девушка неотрывно следила за нацеленным ей в сердце кинжалом. Свободной рукой Имхотеп почти с нежностью провел по щеке Эвелин. Точно так же, как перед этим гладил свою возлюбленную.

— Тебе выпала редкая честь, — сказал он. — Ты не умрешь, ты вселишься в тело Анк-су-намун. Она вернется к жизни, и в ее груди будет биться твое сердце.

— Приятные новости, Эви! — внезапно раздался откуда-то сверху знакомый голос. — Я нашел ее!

Девушка повернула голову. Наверху лестницы неведомо откуда появился ее любимый безалаберный братишка, размахивающий золотой Книгой Амон-Ра.

Торжественность момента была непоправимо нарушена. Резко развернувшись, Имхотеп отошел от алтаря, чтобы посмотреть на осмелившегося прервать ритуал.

— Открывай книгу, Джонатан! — закричала Эвелин. — Это единственный способ остановить его.

Имхотеп вернулся к алтарю, но лишь для того, чтобы бережно положить туда жертвенный кинжал, и решительно направился к лестнице, чтобы расправиться с Джонатаном.

— Он идет к тебе, берегись! — закричала Эвелин. — Открой книгу и убей его заклинанием!

С верхних ступенек лестницы Джонатану было прекрасно видно, как к нему

приближается бритоголовый и темноглазый возродившийся Верховный жрец. Вот только англичанин, несмотря на все усилия, никак не мог открыть эту проклятую книгу.

И только тут до Джонатана дошла вся тщетность его стараний. Книга имела столь же хитроумный запор, как и ее обсидиановый двойник. Для того чтобы открыть ее, требовался особенный ключ.

— Мне нужна та чертова шкатулка с секретом! — завопил Джонатан.

Имхотеп преодолел уже половину лестницы.

— Он прячет ее где-то в складках одежды! — подсказала Эвелин, не оставляя тщетных попыток избавиться от цепей.

— Так что мне делать, Эви?

Красивый величественный жрец с торжествующей улыбкой на губах и гипнотизирующим взглядом подбирался к Джонатану все ближе.

— Что, черт возьми, мне делать?!

Не выдержав, Джонатан поддался панике и юркнул в ближайший проход.

— Не читай того, что написано на обложке! — закричала вслед ему сестра. — Это проклятье!

Но Джонатан, торопливо улепетывая тем же путем, которым чуть раньше скрылся О'Коннелл, спотыкаясь, услышал лишь часть ее предупреждения: «Читай то, что написано на обложке».

Не сомневаясь, что выполняет приказ сестры, Джонатан приложил все свои знания, чтобы разобрать замысловатые иероглифы обложки.

— Китащ-что-то-там-такое, — невнятно начал он на бегу, с трудом удерживая тяжелую книгу. — Нараба... или не нараба?..

Эвелин и не знала, что ее братец, слава богу коряво и неумышленно, но все же пытается воспроизвести проклятье тому, кто осмелится прочесть книгу. Но тут девушка увидела, как за спинами завывающих жрецов возник Рик О'Коннелл с внушительным мечом в руке. Скорее всего, оружие он позаимствовал у одной из статуй, расставленных у стен амфитеатра.

Размахнувшись, Рик разрубил одну из мумий. Дальше О'Коннелл обрушил меч на звенья сковывающей правую руку Эвелин цепи. Удар пришелся возле самого запястья, и цепь с лязганьем лопнула.

Мумии-жрецы, казалось, и не заметили, что один из них повалился на землю. Никто из оживших мертвецов не сделал и попытки помешать О'Коннеллу. А тот, обойдя алтарь, тем же приемом освободил левую руку девушки.

Эвелин села, наслаждаясь первым глотком свободы.

Имхотеп, добравшийся почти до конца лестницы, услышал позади себя какую-то странную возню. Он обернулся и увидел, как О'Коннелл беспрепятственно освобождает Эвелин от оков. Объятый яростью, верховный жрец замер на месте. Из глотки Имхотепа вылетел приказ, обращенный к жрецам. Произнесенный на древнем языке, он был понятен Эвелин. Тот, Чье Имя Не Называется, требовал расправиться с пришельцем.

Когда О'Коннелл взялся освободить левую ногу девушки от цепей, мумии, размахивая скрюченными руками, напали на него. Мертвецы наступали со всех сторон, пытаясь разорвать Рика. Их длинные ногти разрывали его рубашку и оставляли на коже длинные кровоточащие полосы. О'Коннелл яростно отмахивался мечом, снося головы, отсекая руки и ноги нападавших. Отбиваясь от многочисленных врагов, американец пустил в ход локти и ноги. Улучив момент, Рик умудрился освободить Эвелин от последней цепи.

О'Коннелл схватил девушку и сдернул ее с жертвенника. Они стояли лицом друг к другу, раздувая ноздри и переводя дыхание, словно скакуны, только что пересекшие финишную черту. Их глаза встретились, и они одновременно улыбнулись. В их сердцах пылала дикая первобытная гордость победой и страсть. Они без слов поклялись друг другу во всем.

В этот момент из бокового коридора с визгом вылетел Джонатан. Когда он пересекал каменный мостик над черным болотом, Эвелин с ужасом услышала, как ее братец произносит последние слова древнего проклятья.

— Рашим...улу...кашка! — Дочитав слова на обложке, Джонатан остановился и принял горделивый вид.

— Джонатан! — в панике закричала девушка. — Что ты наделал?

— А что он наделал? — поинтересовался О'Коннелл, обнимая Эвелин за талию. Под ногами влюбленных хрустели останки искрошенных Ридом мумий.

В противоположном конце зала открылись огромные двери смежной с амфитеатром усыпальницы. Грохот четких шагов разнесся под сводами. Его сопровождало металлическое лязганье. Эти звуки могли означать только приближение... вооруженного отряда.

Посреди лестницы, скрестив руки на груди, гордо возвышался Имхотеп. Он опять напомнил Эвелин самодовольного злого гения. Откинув голову, Имхотеп разразился громовым хохотом.

Десять солдат, десять лучших телохранителей фараона Сети маршем входили через распахнутые ворота. В шлемах, юбках, прикрываясь щитами, полностью вооруженные, они представляли собой вполне реальную угрозу.

Солдаты смерти.

Мумии.

— Опаньки! — невольно вырвалось у Джонатана.

Глава 22 «Армия тьмы»

Десять солдат смерти вышли из распахнутых дверей и остановились. Они замерли в ожидании приказа, как и полагается хорошо вымуштрованному отряду. Перед ними был каменный мостик, перекинутый через пузырящееся черное болото. В конце этого пути стояли, обнявшись, О'Коннелл и Эвелин.

— А я еще думал, что твой братец не умеет читать на древнеегипетском, — сказал Рик.

Неторопливо спускаясь вниз по лестнице, Имхотеп пальцем указал на обнявшуюся пару, что-то приказал солдатам на своем родном языке.

— Он велит им... — начала Эвелин, но Рик оборвал ее.

— Я и сам догадался. — Он заслонил собой девушку и встал перед воинами, крепко сжимая рукоять тяжелого меча.

С идеальной синхронностью солдаты домаршировали до края зловонного рва, как будто собираясь преодолеть его вброд. Одним прыжком они перемахнули через преграду — длиной и пятнадцать футов! — и приземлились, не нарушив строя. Такими же четкими шагами они направились к влюбленным.

— Джонатан, делай хоть что-нибудь! — в отчаянии крикнул О'Коннелл приятелю, который был на другом конце огромного зала. — Ведь книга-то у тебя!

— Черт бы ее подрал! — кричал Джонатан, бегая с книгой по краю рва. — Я не знаю, что делать!

— Закончи фразу, которую ты начал читать! — подсказала сестра. — Если ты прочтешь заклинание до конца, то обретешь над ними власть!

— Правда? — Джонатан снова уставился на золотую обложку. — Тогда следует постараться.

— Да уж, — прошипел, стиснув зубы, О'Коннелл. — И поторопись.

Рик начал отступать, а десять мумий, прикрываясь щитами, изготовились к бою.

Эвелин, стоявшая за Риком, тоже отступала, а воины надвигались на них, беря противника в полукольцо.

Девушка не ожидала нападения сзади, поэтому испуганно вскрикнула, когда чья-то рука тяжело опустилась на ее плечо. Обернувшись, Эвелин увидела над собой занесенный жертвенный кинжал.

Но сжимала его не рука Имхотепа. Верховный жрец по-прежнему стоял на ступенях, как полководец, командующий войском.

Рукоять кинжала стискивали костлявые пальцы ожившей мумии Анк-су-намун.

Рик с Эвелин даже не заметили, когда она соскользнула с алтаря и завладела кинжалом. Чувствовалось, что Анк-су-намун решила взять дело по возвращению себя к жизни в собственные руки. Хотя глазницы серого черепа по-прежнему оставались пусты, бывшая наложница фараона прекрасно ориентировалась. Она нацелила острие кинжала прямо в сердце Эвелин.

Девушка отпрыгнула и врезалась в спину О'Коннелла. Смертоносное лезвие просвистело в каком-то дюйме от ее груди. И без того ошеломленный О'Коннелл удивился еще больше, обнаружив за спиной нового участника столь «занимательной» игры.

— Остановить ее придется тебе, милая, — обратился он к Эвелин и приготовился к новой схватке. — Конечно, у нее нож, но ты все-таки потяжелее.

— Девушке особенно приятно услышать такое, — огрызнулась Эвелин, отступая от надвигающейся на нее Анк-су-намун.

О'Коннелл обратил все свое внимание на солдат, которые, прикрывшись щитами, издавали дикий боевой клич. Он ответил нападавшим таким же диким ревом, стараясь смутить их. А Эвелин отступала туда, где по краям зала возвышались статуи. Там она рассчитывала обрести большую свободу для маневра.

Имхотеп вновь отдал воинам какой-то приказ. Пятеро из них взвились в воздух и, перепрыгнув через О'Коннелла, ловко опустились на крышку алтаря. Теперь Рик имел пятерых противников перед собой и пятерых готовых наброситься на него сзади. В такой позиции наилучшим решением было поскорее покинуть поле боя, то есть бежать куда глаза глядят, желательно в сторону...

В дальнем конце зала Джонатан по-прежнему мерил шагами край рва. В расстроенных чувствах он то и дело пинал попадающиеся под ноги черепа и кости мумий. Он сбрасывал их в кипящую черную жижу, и одновременно пытался разобраться в хитросплетениях иероглифов, бормоча:

— Хуташ им... Хуташ им-м-м... и что-то еще, черт бы его побрал!

— Поживее, Джонатан! — крикнула брату Эвелин, начавшая игру в кошки-мышки против вооруженной кинжалом Анк-су-намун.

Джонатан не видел, что Имхотеп, довольный тем, что его солдаты атакуют О'Коннелла, теперь медленно, но верно направлялся к нему.

— Я не понимаю этот проклятый последний символ! — пожаловался англичанин.

— Быстрее! — взмолилась Эвелин, уклоняясь от очередного удара кинжалом и перебегая от статуи Анубиса к другому богу. — Он уже идет к тебе! Имхотеп...

Хотя Эвелин и могла помочь брату, у нее не было времени для рассуждений. Ей приходилось уворачиваться от яростных атак бывшей любовницы Верховного жреца. Понимая, что уничтожает бесценный памятник культуры, Эвелин столкнула под ноги Анк-су-намун стоящую на пьедестале огромную вазу. Это позволило ей выиграть несколько драгоценных секунд.

О'Коннелл, преследуемый солдатами, побежал через зал. Он стремился добраться до угла, где с одной из колонн свисал канат, перекинутый через блок. К одному его концу крепилась металлическая клетка, являвшаяся когда-то, без сомнений, одним из орудий пытки. Сейчас она гарантировала О'Коннеллу спасение, пусть и временное...

Одним движением меча Рик перерубил канат и схватился за его конец. Клетка сыграла роль противовеса, и О'Коннелл вознесся вверх. Бросившиеся на него воины схватили лишь пустоту. Правда, один из них подпрыгнул на пятнадцать футов, стараясь уцепиться за беглеца, но промахнулся. В результате мумия ударилась о стену и расплющилась по ней, как жук по лобовому стеклу движущегося автомобиля. Спустя мгновение сверху грохнулась тяжеленная металлическая клетка, раздавив еще одного из оставшихся воинов в пыль.

Раскачиваясь, как Тарзан на лиане, О'Коннелл удачно перепрыгнул с каната на ступени лестницы. Он не собирался оставлять Эвелин в опасности и решил вернуться в зал. Предполагая, что пятеро уцелевших воинов отправятся за ним вверх по ступеням, он решил воспользоваться боковым проходом, по которому и проник в амфитеатр...

Придерживаясь этого плана, Рик преодолел уже половину пути, как вдруг неожиданно наткнулся на пятерых воинов, появившихся как будто ниоткуда. Очевидно, Имхотеп разгадал замысел О'Коннелла и послал этих живых мертвецов ему наперерез.

Круто развернувшись, Рик побежал обратно. Добравшись до лестницы, он поскакал по ней, перепрыгивая через три ступеньки. О'Коннелл пребывал в полной уверенности, что солдаты последуют за ним тем же путем. Но он и представить себе не мог, что эти твари, презрев законы тяготения, смогут, словно пауки, перемещаться по отвесным стенам и даже по потолку.

Когда Рик добрался до последних ступеней и развернулся, подняв меч, воинов перед ним не оказалось. Услышав позади себя непонятное звяканье, он обернулся. Прямо перед ним, падая с потолка, уже выстраивались в боевой порядок его преследователи, снова готовые к атаке.

Понимая, что больше ничего не остается, Рик напал на воинов, рубя направо и налево мечом. Один из ударов пронзил насквозь тело мумии. Освобождая лезвие, О'Коннелл стряхнул воина, и тот, отлетев, рухнул в наполненный черной жижой ров. Чавкнув, отвратительная жидкость с готовностью приняла жертву.

Рик теснил следующую мумию, стараясь загнать ее как можно ближе ко рву. Воспользовавшись моментом, он размахнулся изо всех сил, но внезапно его меч застрял на замахе. Оказалось, лезвие вонзилось в череп воина, незаметно подкравшегося к Рику сзади с топором. О'Коннелл вздрогнул от неожиданности, увидев на лезвии пробитую голову, однако удар стоящему перед ним противнику все же нанес. Меч, утяжеленный застрявшим на нем черепом, просто смахнул воина в прожорливое болото. Однако мумия, лишившаяся головы, продолжала угрожать Рику своим топором. Поскольку без головы ориентироваться было трудно, воин сам благополучно стал добычей черной жижи.

На место павших воинов встали еще двое бойцов. Чтобы обороняться, Рик вырвал из закрепленного на стене кольца пылающий факел. Не долго думая, он ткнул горящим концом прямо в лицо ближайшей к нему мумии. Очевидно, пропитка древних бинтов была легковоспламеняемой, так как огонь охватил воина с головы до пят. И тот превратился в живой, вернее, в совсем неживой, факел. О'Коннелл пнул ногой в живот горящую фигуру, стараясь отшвырнуть ее на уцелевшего солдата. Пламя моментально перекинулось и на того. Пылающие мумии проделывали невероятные телодвижения, пока не сорвались с края рва в черную жижу. Отвратительная субстанция, конечно, потушила огонь, зато без следа поглотила останки обеих мумий.

Теперь О'Коннеллу противостояло только четверо вооруженных солдат. Отражая удары их мечей, уклоняясь от уколов их копий, Рик постепенно отступал, пока снова не оказался у нижних ступеней лестницы. Вскоре ему пришлось обороняться, шаг за шагом поднимаясь по лестнице вверх.

Наконец ему удалось ударить ногой в щит одного из воинов. Тот зашатался и, падая, сбил с ног еще двоих. Все трое кувыркком покатались вниз по лестнице и распластались на каменном полу. Правда, они тут же вскочили, словно падение не причинило им никакого вреда. В это время О'Коннелл вступил в единоборство с последним оставшимся на лестнице солдатом. Коварным боковым ударом Рику посчастливилось подрубить ноги противника. Теперь мумии пришлось сражаться с американцем в буквальном смысле стоя на коленях. Правда, эта победа оказалась весьма сомнительной. Трое скатившихся по лестнице в несколько прыжков пришли на помощь своему товарищу.

О'Коннелл отбивался в окружении. Крутясь вокруг себя, он отчаянно размахивал мечом. Неожиданно щит одного из нападавших ударил его в спину, Рик споткнулся об укороченного им самим бойца и кубарем скатился по лестнице в зал. Полет по ступеням стоил ему меча.

Безоружный, О'Коннелл наблюдал, как трое воинов с оскаленными в улыбке черепами приближались к нему, прикрывшись щитами и держа мечи наготове.

Джонатан наконец-то заметил подбирающегося к нему Имхотепа, но он продолжал перемещаться вдоль рва, все так же старательно пытаясь справиться с расшифровкой оставшегося текста. Не выдержав, Джонатан воззвал к сестре, которая ускользала от нападавшей на нее Анк-су-намун, прячась за колоннами и бегая вокруг статуй. Вскоре обе уже играли в догонялки вокруг жертвенника.

Джонатан, втянутый в подобную же смертельную игру с Имхотепом, закричал:

— Ну, что это за символ? Две волнистых линии над знаком «анк», потом птица и еще какой-то аист...

— Ахменофус! — выкрикнула Эвелин и тут же споткнулась.

Это позволило Анк-су-намун, которая двигалась все увереннее, приблизиться к Эвелин. Вытянув костлявую иссушенную руку, мумия схватила Эвелин за горло. Несмотря на то, что иссохшая плоть отслаивалась от костей, сила в пальцах мумии была заключена изрядная. Анк-су-намун развернула девушку лицом к себе. Эвелин начала задыхаться. Она видела перед собой оскаленное лицо некогда прекрасной женщины. Вторая рука мумии по-прежнему сжимала жертвенный кинжал.

О'Коннелл, лежа на спине, неуклюже, словно краб, пытался уползти от преследователей, отталкиваясь от пола локтями и пятками. Трое воинов одновременно замахнулись мечами и три лезвия устремились вниз...

...но в эту секунду Джонатан произнес:

— Хуташ им ахмеиофус!

И лезвия остановились в дюйме от носа О'Коннелла.

Затем три мумии воинов выпрямились и одновременно развернулись к Джонатану, словно ожидая дальнейших распоряжений. Англичанин в это время пытался скрыться от приближающегося к нему Имхотепа.

Увидев уставившихся на него пустыми глазницами воинов, Джонатан недовольно буркнул:

— Нечего на меня пялиться.

Эвелин, задыхаясь от хватки Анк-су-намун, прохрипела:

— Да... ко...командуй же ими!

Джонатан округлил глаза, увидев, в каком положении оказалась его сестра. Обернувшись к солдатам, и указывая на вцепившуюся в девушку мумию, он распорядился:

— Фа-хушка Анк-су-намун!

Воины развернулись и четким шагом замаршировали к Анк-су-намун. Имхотеп бросился на Джонатана.

Помощь к Эвелин приближалась, но могла опоздать. Кинжал в руке Анк-су-намун взлетел для смертельного удара. Полузадушенная девушка собрала остаток сил и обрушила свой кулак на серое лицо мумии, вышибая зубы и кроша кости.

Противница Эвелин отшатнулась назад, и тут подоспели солдаты. Они принялись сноровисто колоть и рубить несостоявшуюся невесту Имхотепа. Та еще злобно шипела и бросалась на воинов с кинжалом, но вскоре упала, разрубленная на куски тремя острыми мечами.

— Анк-су-намун! — пронзительно закричал Имхотеп, как будто только он один мог испытывать страдания. Джонатан попытался скрыться от Верховного жреца Осириса, но тот

бросился ему вдогонку.

Все еще пошатываясь и испытывая неприятное головокружение, Эвелин поднялась на ноги у алтаря, пытаясь побыстрее восстановить дыхание. И тут она с ужасом увидела, как Имхотеп, нагнав Джонатана, схватил его за горло, точно так же, как пару минут назад с ней поступила мумия Анк-су-намун!

— Рик! — в отчаянии позвала она О'Коннелла, бросаясь в сторону брата. — Помоги ему! Помоги Джонатану!

О'Коннелл уже успел опомниться после схватки с мумиями. Он тоже видел, как Верховный жрец напал на англичанина. Ричард поднял с пола свой меч и бросился на помощь Джонатану, а Тот, Чье Имя Не Называется, с легкостью оторвал мужчину от земли и прижал к каменной стене. О'Коннелл перемахнул через каменный мостик над черным болотом и очутился как раз у того места, где несчастный Джонатан, хрипя, еще пытался вырваться из хватки Имхотепа. Верховный жрец душил его одной рукой, а другой успел выхватить у Джонатана золотую Книгу Амон-Ра. Он сделал это видом родителя, отнимающего у своего чада опасную игрушку.

Но О'Коннелл уже был рядом. Ударом меча он отхватил Имхотепу правую руку, словно срубил ветку дерева. Она шлепнулась на пол, все еще стискивая в пальцах Книгу Амон-Ра.

Имхотеп сразу же выпустил Джонатана, который осел по стене, хрипя и задыхаясь. Тот, Чье Имя Не Называется, резко обернулся к О'Коннеллу. Во взгляде Верховного жреца не было ни боли, ни страха, а только ярость. Кровь из ужасной раны тоже не текла. На месте отрубленной конечности виднелась истлевшая плоть, покрытая сверху здоровой кожей.

Если внешне Имхотеп и выглядел живым человеком, внутри он по-прежнему оставался иссохшей мумией.

— Посмотрим, насколько ты крут с одной рукой, — насмешливо бросил ему О'Коннелл, двумя руками вскидывая меч.

Здоровая рука Верховного жреца метнулась вперед, словно змея. Цепкие пальцы ухватили О'Коннелла за рубашку, и мумия без видимых усилий отбросила Рика футов на двадцать. Он пролетел надо рвом и врезался в колонну.

Ударившись о камень, О'Коннелл взвыл от боли в груди. В следующий миг он рухнул на такой же жесткий пол и услышал, как хрустнули его ребра. Пытаясь приподняться и постанывая от боли, Рик видел, как к нему решительно приближается Имхотеп. Черные одежды развевались за его спиной, словно крылья. Его лицо хмурилось, а единственная рука, вытянутая вперед, была сжата в кулак.

Прекрасно. Значит, этот ублюдок стал левшой...

Борясь с заволакивающим глаза туманом, О'Коннелл, пошатываясь, поднялся на ноги и пытался отыскать свой меч, который потерял во время полета к колонне. Имхотеп приблизился почти вплотную, как вдруг послышался голос Эвелин:

— Попробуй отвлечь его!

— Постараюсь, если смогу, — отозвался Ричард.

Уцелевшая рука Имхотепа, как дубина, ударила

О'Коннелла в грудь, и американец, несколько раз перевернувшись в воздухе, шлепнулся у алтаря. Звук от его падения эхом раскатился по залу. Рик попытался поскорее подняться, хотя колени у него предательски дрожали...

Эвелин нагнулась над сидящим у стены братом. Ее поразила улыбка Джонатана: показалось, что брат повредился в уме.

— Что?... — начала она и запнулась.

Тяжело дыша, Джонатан раскрыл свою ладонь, на которой лежала заветная шкатулка.

— Я успел вытащить ее, — сказал он, явно гордясь тем, что талант карманника пригодился ему в столь критические минуты.

— Давай сюда книгу! — приказала Эвелин брату, а сама быстро превратила шкатулку в ключ с восемью металлическими «лепестками».

— Тебе это больше не понадобится, — обратился Джонатан к отрубленной руке и вынул из безжизненных пальцев драгоценную книгу.

А у алтаря, по-королевски величественный и непобедимый, Имхотеп наступал на едва держащегося на ногах О'Коннелла. Крепкая рука Верховного жреца ухватила Рика за горло и вздернула его тело в воздух.

Эвелин встала на колени над принесенной Джонатаном книгой, уверенно вставила ключ в пазы замка, и книга с характерным шипением раскрылась. Ее брат держал книгу, пока девушка торопливо перелистывала тяжелые золотые страницы, отыскивая нужное заклинание. Она бегло просматривала иероглифы, тут же переводя их с невероятной скоростью...

О'Коннелл обвис в руке мумии, как тряпка, и почти утратил способность к сопротивлению. Зловеще усмехаясь, Имхотеп обратился к нему на древнеегипетском. Эвелин была слишком занята, чтобы помочь Рiku с переводом. Однако затуманенных мозгов О'Коннелла хватило, чтобы понять смысл сказанных ему слов.

— Мне кажется, что с твоим другом уже покончено, — мрачно изрек Джонатан.

— Никогда! — вспыхнула Эвелин и закричала: — Держись, Рик! Держись!

Однако держаться О'Коннеллу не составляло труда, поскольку его держала мумия. И не просто держала. Пальцы Имхотепа стали сжиматься. Рик кашлял, задыхался, его тело раскачивалось, а мозг обволакивала

темная пелена. Он то терял сознание, то снова приходил в чувство...

О'Коннеллу вдруг вспомнилась каирская тюрьма. Вот он беспомощно барахтается в петле, а она затягивается на шее все туже и туже... И весь мир становится красным, потом черным... А может быть, это все лишь последний сон? Финальный кошмар, пригрезившийся ему перед самой смертью? Может быть, он сейчас болтается на виселице — обыкновенный умирающий дезертир из Иностранного Легиона?..

Эвелин стояла перед книгой, которую держал Джонатан и, сверля ненавидящим взглядом Того, Чье Имя Ио Называется, убивающего любимого ею человека, громко и отчетливо произнесла:

— Кадиш мал!

Имхотеп замер, ослабил хватку и уставился на Эвелин сверкающими от злобы глазами. Но Рика он не выпустил.

А девушка заметила в гневном взгляде Имхотепа страх. В его глазах явно заметался страх.

— Кадиш мал! — закричала она так громко, что эхо принялось разгуливать под высокими каменными сводами. — Паред ус! Паред ус!

Отшвырнув О'Коннелла как ненужную вещь, Имхотеп сосредоточил все внимание на Эвелин. Теперь в его облике не осталось ничего величественного или угрожающего. Неподдельный страх так же ясно читался на его лице, как и иероглифы на золотых страницах Книги Амон-Ра. Произнесенное заклинание обрекало Имхотепа на гибель.

Откашливаясь и отплеываясь, О'Коннелл с трудом встал. Внезапно Имхотеп обернулся и в ужасе уставился на лестницу. Из арки, которой заканчивался туннель, неожиданно вырвался сильный порыв ветра. Однако это движение воздуха, всколыхнувшее одежды Имхотепа и подол платья Эвелин, было вызвано вовсе не мумией.

Эвелин Карнахэн, еще недавно так скептически относившаяся к разного рода проклятиям, сама породила этот ветер.

Во вращающейся воронке пришедшего в движение воздуха появилась черная колесница или видение колесницы. Трудно сказать, что именно это было, настолько материально и в то же время призрачно она выглядела. Бешено мчащиеся кони влекли ее вниз по лестнице. Ни копыта, ни колеса не касались каменных плит. Призрачными конями правил сам бог Анубис, явившийся, видимо, чтобы покарать зарвавшегося Верховного жреца.

Имхотеп наблюдал за приближением призрака, воздев руки, словно в мольбе. Сейчас в нем мало что напоминало прежнего могущественного гордеца. Колесница пронеслась прямо сквозь Имхотепа, унося с собой его черный полупрозрачный образ, хотя сам Верховный жрец с поникшей головой оставался на месте. Эвелин показалось, что, возможно, эта призрачная колесница увлекла с собой черную душу Имхотепа.

Ветер все еще бушевал в зале, заставляя Эвелин и Джонатана отступить на шаг назад. Странная, еле видимая глазу колесница изрядно шумела, поэтому Эвелин с братом стали искать укрытия за колоннами.

Джонатан, державший золотую Книгу Амон-Ра, споткнулся и упал. Бесценное сокровище выпало из его рук и, скользнув по каменному мостику, кануло в черную жижу, заполнявшую ров. Блестящий том был утерян навсегда. На лице Эвелин не отразилось каких-либо эмоций, зато Джонатан готов был разрыдаться.

Колесница, завершив круг по залу, вновь устремилась к лестнице. Анубис нахлестывал лошадей, а черный призрак Верховного жреца бессильно простирал руки к стоявшей у алтаря своей телесной оболочке.

Мумия, покрытая человеческой плотью, бросилась вдогонку за уносящейся колесницей. Наверху лестницы она попала в воздушный вихрь, из которого недавно возникла, и через мгновение исчезла.

Разъяренный Имхотеп бросился вниз по лестнице. Пусть душа его отправилась в Царство теней, зато плоть жаждала немедленного возмездия. Стиснув зубы и гневно сверкая глазами, Верховный жрец шел прямо к О'Коннеллу.

Рик уже нашел свой меч и приготовился дать мумии достойный отпор. У него не похищали душу, но все его тело разламывалось от боли. Сейчас его занимала только одна мысль: хватит ли ему сил для последней решительной схватки?

Позади него прозвучал голос любимой женщины:

— Не позволяй ему запугать себя, дорогой, — сказала Эвелин. Услышав это, О'Коннелл, несмотря на всю трагичность происходящего, смог улыбнуться. — Он теперь уязвим, как обыкновенный человек.

Когда Имхотеп протянул руку, чтобы схватить Рика, тот размахнулся и изо всех сил всадил меч глубоко в тело мумии.

Глаза Верховного жреца расширились от удивления и боли. Сморщившись, он дотронулся пальцами до живота. Ладонь Имхотепа окрасилась кровью.

— Скажи ему, — обратился О'Коннелл к Эвелин, но глядя в лицо жреца, — что его желание наконец исполнилось. Он стал человеком.

Девушка перевела сказанное Риком, гордо и четко выделяя каждое слово. Увидев, что его послание дошло до сознания Имхотепа, О'Коннелл рывком выдернул меч из его тела и столкнул умирающего в бурлящую черную жижу.

Эвелин нежно обняла О'Коннелла.

— Замечательное представление, Рик, — одобрительно заметил подошедший Джонатан. — Я не сомневался в тебе ни секунды.

Имхотеп, казалось, не спешил тонуть и оставался на поверхности черной жижи. Но она постепенно, чуть ли не с нежностью, все-таки забирала его в свои глубины. Жрец неотрывно смотрел на троих людей, стоящих у границы рва. На тех, у кого хватило сил и смелости победить его. Неожиданно к Имхотепу вернулись присущие ему презрительная гордость и высокомерие — он почти заулыбался, и его голова скрылась под зловонной субстанцией.

— Ну, теперь-то уж все? — поинтересовался Джонатан.

Как будто в ответ на это из черной жижи вынырнула бритая голова Имхотепа. Он усмехнулся и выкрикнул что-то на своем языке. И слизь снова погребла его под собой, на этот раз уже окончательно.

— Что он сказал? — спросил О'Коннелл.

На лице Эвелин был испуг. Она повернулась и почти механически перевела:

Он сказал: «Смерть — это всего лишь начало».

Глава 23 «Зыбучие пески»

Пока в громадном амфитеатре кипело сражение между людьми и мумиями, населяющие Хамунаптру крысы занимались своими проблемами. Отвратительным грызунам не было никакого дела ни до вечной жизни, ни до неумирающей любви. Этим падальщиков заботило только собственное выживание и удовлетворение низменных инстинктов. И Бени, так похожий на них, тоже не был исключением.

Звуки, доносившиеся до венгра из глубин лабиринта, значили только одно: все остальные заняты, и до него никому дела нет. Следовательно, никто не помешает ему заняться сокровищами фараонов (кстати, Бени обнаружил еще несколько комнат, наполненных драгоценностями). Сейчас он запикивал золото и драгоценные камни в седельные сумки, снятые им с первых попавшихся верблюдов, бродивших в окрестностях Хамунаптры.

Пусть О'Коннелл, его девица и ее недоумок-брат безнадежно и бессмысленно борются с могучим противником. Дальновидный Бени сновал как челнок, оттаскивая набитые сокровищами мешки на поверхность. Венгр пользовался лестницей, которую нашли его бывшие работодатели. Уложив на песок троих верблюдов, Бени стал нагружать их своей добычей. Но жадность его не имела границ, и он снова и снова спускался в лабиринт. Хотя каждая комната была настоящей сокровищницей, Бени, словно крыса, сновал из зала в зал, стараясь отбирать наиболее мелкие и ценные предметы.

Через некоторое время звуки побоища стихли, и Бени понял, что ему следует поторопиться. Имхотеп, в победе которого над простыми смертными венгр ничуть не сомневался, скоро мог хватиться своего слуги. Поэтому как ни притягательными были неисчисляемые сокровища, Бени решил, что делает последнюю ходку.

Убедившись, что все сумки заполнены доверху, он заметил торчащий из стены золотой стержень. Чтобы легче было взвалить ношу на спину, Бени решил сначала повесить сумки на это подобие вешалки. Справившись с задачей, Бени прислонился к стене, чтобы перевести дух. Внезапно до его слуха донесся скрежет, как будто где-то камень терся о камень. Встревоженный неприятным звуком, Бени потянулся за своим грузом. Оказалось, что стержень, служивший рычагом какого-то механизма, под тяжестью сумок опустился. В страхе отступив назад, Бени понял, что натворил, так как его уши уловили шелест, издаваемый сыплющимся со всех сторон песком. Пол сокровищницы оставался неподвижным, а вот окружавшие его стены и потолок начали медленно опускаться.

Позабыв о сокровищах, Бени схватил факел и нырнул в сужающийся дверной проем, за которым начинался туннель. Но там с потолка опускались массивные каменные плиты, отрезая ему путь. Бени пришлось передвигаться согнувшись, а потом и вовсе ползком. Бени уподобился крысе, хотя не каждый грызун смог бы повторить такой путь с факелом в зубах...

О'Коннелл и его друзья тоже услышали и скрежет камней, и шум струящегося песка.

Все трое тут же сообразили, что происходит нечто страшное. Правда, Эвелин поначалу отнесла эти грозные явления к гибели Того, Чье Имя Не Называется.

— Боже мой! — воскликнула она. — Вы помните, о чем говорится в легенде?

Джонатан, чьи познания в египтологии все-таки были весьма значительны, выразительно щелкнул пальцами:

— Как же! Существует поверье, что фараоны устраивали в Хамунаптре

многозначительные ловушки. В тот день, когда рука несчастливца коснется накопленных ими богатств, Город Мертвых в одно мгновение погрузится в пески.

О'Коннелл ни к чему было выслушивать мнение экспертов. Ему было достаточно скрежета каменных блоков и шелеста сыплющегося отовсюду песка.

Окружавшие их высокие стены задрожали и начали проваливаться вниз.

— Бежим! — закричал Рик, хватая Эвелин за руку, и все пустились наутек. Миновав каменный мостик над черной жижей, они пронеслись мимо трех мумий-воинов. Те так и стояли в ожидании приказов, которые теперь никогда не будет. Они бежали мимо опускающихся и трескающихся колонн ко все уменьшающемуся прямо на их глазах дверному проему.

Взявшись за руки и пригибая головы, Рик, Эвелин и Джонатан нырнули в туннель. С его сводов уже сыпался песок и летели мелкие камни. Сухой поток становился все сильнее, а пропитанный пылью воздух — все менее пригодным для дыхания.

— Прикройте чем-нибудь рты! — крикнул О'Коннелл и сам последовал своему совету.

Теперь они бежали гуськом, нагибаясь все ниже и ниже, как старики, страдающие от боли в пояснице. В таком положении передвигаться было крайне неудобно, но они продолжали бежать.

Вскоре они оказались в сокровищнице, где О'Коннелл, Джонатан и медджай приняли первый бой с выходцами с того света. При виде такого богатства Эвелин на мгновение замерла, широко раскрыв рот от восторга и удивления, ее глаза тщетно пытались запечатлеть всю эту огромную массу драгоценных камней, изделий и статуй из золота, мебели из черного дерева и прочих ценных атрибутов.

Однако О'Коннелла больше волновали неумолимо опускающиеся каменные плиты и сыплющийся со всех сторон песок. Звук движущихся стен становился громоподобным и оглушающим. Этот мир рушился вокруг них, и им необходимо было как можно скорей выбраться отсюда в другой мир...

О'Коннелл потянул Эвелин за руку, отвлекая от созерцания богатств, и увлек за собой. Он шагал прямо по бесценным сокровищам, не обращая на них внимания.

— Рик! — послышался откуда-то знакомый голос. Даже слишком знакомый.

О'Коннелл обернулся и увидел вползающего в зал на четвереньках Бени.

— Быстрей! — позвал его Ричард.

Венгр пристроился следом за Джонатаном, и все рванулись к опускающейся двери. Они очутились внизу лестницы, ведущей к арке, потерявшей уже половину своей высоты. Сейчас она составляла не более четырех футов.

Перепрыгивая через две, а то и три ступеньки, О'Коннелл припустился вверх по лестнице. Эвелин и Джонатан не отставая следовали за ним. Арка опускалась, становясь похожей на медленно движущийся нож огромной гильотины.

О'Коннелл нырнул в сужающийся проход и тут же развернулся, чтобы помочь Эвелин и Джонатану. Англичанин словно змея проскользнул мимо сестры, а девушка застряла. Она закричала было от ужаса, но Рик крепко ухватил ее за руки и выдернул из узкой щели.

В совсем узкую щель видно было перепуганное лицо Бени.

— Рик, друг мой!

Бени просунул руку в щель, и О'Коннелл вцепился в нее, хотя было ясно, что пролезть венгру не суждено. Рик едва успел отдернуть руку, и арка с грохотом утвердилась на каменных плитах пола, навсегда отрезав Бени от внешнего мира.

Эвелин и Джонатан в ужасе устались на то место, где еще недавно зиял проход.

— Ему уже ничем не помочь, — развел руками О'Коннелл. — Бежим дальше.

Где пригнувшись, где ползком, они пробирались по туннелю, а песок все так же неумолимо струился по стенам. О'Коннелл нашел оброненный им компас. Держа его и факел в одной руке, он сориентировался и повел свою группу в зал подготовки к мумификации, где была спасительная веревка. Рик надеялся только на то, что выступ, к которому она привязана, будет еще над землей.

На четвереньках они проникли в зал бальзамирования. А там их поджидал приятный сюрприз. Оказалось, что или плиты пола поднялись, или на него насыпалось много песка, но, так или иначе, до поверхности оставалось несколько футов. О'Коннелл сложил руки замком, сделав подобие ступеньки, и помог выбраться наружу Эвелин и ее брату. А Джонатан вытащил за руку и самого Рика.

Они долго бежали по руинам Хамунаптры, а вокруг них рушились и погружались в песок остатки стен, колонн, пилонов и обелисков. Город Мертвых корчился, уменьшался и рассыпался, постепенно уходя под землю. Три обезумевших от ужаса верблюда скакали к воротам. Перед скальным выступом за обрушившимися воротами они несколько успокоились и остановились.

О'Коннелл, Эвелин и Джонатан без труда завладели ими. Животные, обрадовались появлению людей, и не думали сопротивляться. Джонатан вскарабкался на одного из них, а Эвелин и О'Коннелл предпочли ехать вдвоем. Третий верблюд, привыкший ходить в караване, потянулся следом за двумя сородичами.

Когда маленький отряд достиг первых барханов пустыни, развалины Города Мертвых окончательно ушли под землю, и на их месте, как после сильнейшего взрыва, к небу поднялось огромное облако песка и пыли.

О'Коннелл и Джонатан остановили верблюдов, чтобы оглядеться. Позади почти ничего не было видно, настолько густой оказалась песчаная завеса.

— Боюсь, что твой дружок навсегда остался там, — обратился Джонатан к Рiku.

— Бени никогда не был ничьим другом, — пожал плечами О'Коннелл, но почувствовал, как внутри у него что-то сжалось.

— Отвратительный и страшный маленький человечек, — добавила Эвелин, плотно прижимаясь к спине Рика. — но такого конца я не пожелала бы даже негодяю.

— Он всегда подставлял и использовал других, — сказал О'Коннелл.

— Что ж, — заметил Джонатан, — теперь у него есть возможность рассчитывать только на себя. Ведь рядом никого не будет.

Но насчет последнего своего заключения Джонатан оказался совсем не прав.

Когда арка захлопнулась, Бени ползком вернулся в сокровищницу. Факел его продолжал гореть, хотя и заметно слабее. Песок еще кое-где сыпался, но стены больше не опускались, и до потолка оставалось четыре фута. Значит, его не раздавит, как какого-нибудь поганого жука.

Стоя на коленях, Бени описал факелом окружность, озирая свои новые владения. Все здесь сверкало золотом и драгоценными камнями. Но, увы, богатства эти находились под землей. Бени очутился в ловушке.

Он, конечно, найдет путь к спасению. Он обязательно выберется отсюда. Так с Бени случалось всегда. Проблема сейчас заключалась в другом: воздуха в помещении становилось все меньше и меньше, да и факел постепенно затухал. Бени уселся на кучу драгоценностей,

чтобы отдохнуть и продумать план спасения...

И тут он услышал легкое царапанье. Даже не царапанье, а неясный шорох. В углу Бени увидел скарабея. Тот будто уставился на человека и своим шорохом пытался общаться с ним. Бени прекрасно знал, что способен сотворить с человеческой плотью даже один такой жук.

Скарабей побежал по направлению к Бени.

— Кыш! Пошел вон! — зашипел на него венгр, отмахиваясь от насекомого факелом.

И в этот миг факел, мигнув последним язычком пламени, потух. Может быть, и к лучшему. Иначе бы разум Бени не выдержал зрелища выбирающихся из всех углов хищных скарабеев. Сотни, а то и тысячи жуков, шурша, заполняли сокровищницу.

* * *

На вершине дюны, спешившись, стояли О'Коннелл, Эвелин и Джонатан. Облако пыли над тем, что когда-то было Хамунаптрой, рассеялись. Теперь их взорам открывался совершенно иной вид. Конус вулкана, служивший когда-то маяком Города Мертвых, разрушился и погрузился в песок, будто его поглотила огромная подземная полость. Изменилась и сама долина. Она попросту исчезла, и на ее месте остались лишь безбрежные зыбучие пески Сахары.

Внезапно на плечо Джонатана опустилась чья-то крепкая рука, и он подпрыгнул от неожиданности. Его испуг передался О'Коннеллу и Эвелин, которые тут же обернулись.

Перед ними стоял Ардет-бей — потрепанный, но живой. В черных развевающихся одеждах медджай был классическим воплощением неустрашимого воина пустыни.

— Я бы сказал, что мне приятно видеть тебя живым и здоровым, — пробормотал Джонатан, переводя дух, — если бы ты не напугал меня до судорог.

— Я не хотел этого, — ответил Ардет-бей, слегка поклонившись.

— Но как тебе удалось справиться со всеми теми мумиями? — удивился О'Коннелл.

— А как это удалось тебе? — улыбнулся медджай, рука которого покоилась на золоченой рукоятке меча. — Может быть, придет тот день, когда мы с удовольствием поделимся друг с другом впечатлениями... а теперь мы должны расстаться. Я приношу вам свою скромную благодарность и благословения от всего моего народа и от себя лично.

— Принимается, — добродушно усмехнулся Рик.

— Все это, конечно, замечательно, — вставил свое слово Джонатан, — но только все те сокровища, которые мы искали, теперь навсегда похоронены под песками Сахары.

— А почему бы вам, не отправится вместе с нами в Каир? — предложила Ардет-бею Эвелин.

— Город не для меня, — возразил воин. — И у меня еще есть долг.

— Какой долг? — поинтересовался О'Коннелл.

— Я должен вернуться к своему племени. Медджаи снова будут охранять эти пески. Ведь под ними покоится Тот, Чье Имя Не Называется.

— Я не думаю, что он когда-либо вернется, — склонив голову, предположил Рик.

Но Эвелин не разделила его уверенности:

— «Смерть — это только начало» — это были его последние слова. Мне кажется, что

следить за этими песками — не такая уж вздорная мысль.

Ардет-бей снова поклонился:

— Пусть Аллах улыбается, глядя на вас сверху. — С этими словами он сел на верблюда и ускакал.

— Надо же, «Аллах улыбается», — фыркнул Джонатан. — А я-то думал, что он верит в те древние божества. — И он в раздражении наподдал ногой песок.

О'Коннелл снисходительно похлопал англичанина по плечу:

— А что тебя, собственно, беспокоит, дружище? Мы спасли женщину, победили злодея. Разве не так?

— Все это так, но где сокровища? Пусть аллах улыбается, глядя на мой голый зад. Я бы в любой момент обменял его благосклонную улыбку на пригоршню золота.

— А я бы нет, — ответил О'Коннелл, глядя на сияющее лицо его прекрасной сестры. Легкий ветерок пустыни развеивал подол ее черного платья и играл густыми каштановыми локонами.

О'Коннелл ощущая себя настоящим героем, подхватил Эвелин на руки и приник к ее губам долгим чувственным поцелуем. Она ответила ему с той же пылкостью, ничуть не походя в эту минуту на скромного библиотекаря. Она еще не знала, что очень скоро ее назначат первой в истории женщиной-хранителем знаменитого каирского Музея древностей.

— Замечательно! — взбираясь на верблюда и искоса поглядывая на влюбленных, фыркнул Джонатан.

Их поцелуй длился целую вечность, а за ним последовал еще один. Наконец Рик вскарабкался на верблюда, устроил Эвелин за своей спиной, и они принялись любезничать и ворковать, вызывая у Джонатана приступ тошноты.

О'Коннелл сердито кашлянул и вдруг, улыбнувшись, посмотрел на Джонатана. Тот вздохнул и тоже ответил улыбкой своему американскому другу.

— В общем, приключение вышло, что надо, — кивнул Джонатан.

— Это веселее, чем быть повешенным в каирской тюрьме, согласился с ним Рик.

Их взгляды встретились, они снова улыбнулись друг другу, натянули поводья и направили верблюдов вперед.

Когда на фоне ярко-пурпурного заката трое путешественников приближались к маленькому оазису, они понятия не имели, что в неприметных сумах верблюдов их поджидают сокровища фараонов, которые невольно завещал им последний обитатель Города мертвых.

Больше книг на сайте — Knigolub.net